

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •
Интеллигент

Интеллигент

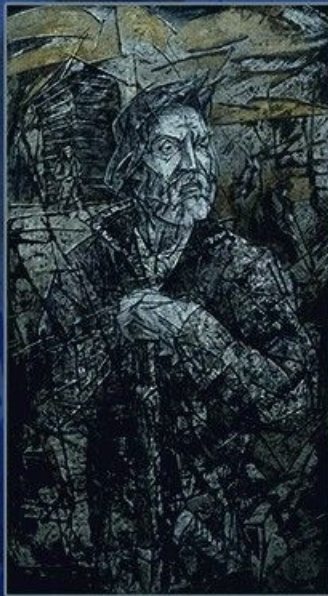
Русского Мира

Литературно-публицистический журнал №4 2020

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ

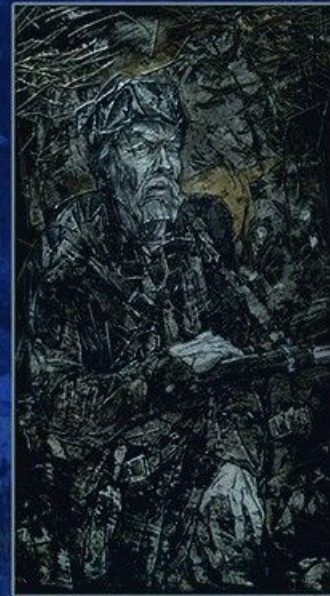
Атаман Иван Москвитин

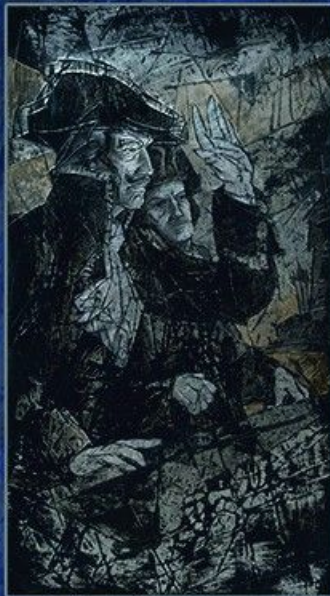
Атаман Михаил Стадухин

Геодезист Михаил Гвоздев

Десятник Дмитрий Зырян

Капитан Мартын Шпанберг

Капитан-командор Алексей Чириков

Капитан-командор Витус Беринг

Корытник Никифор Треска

Майор Дмитрий Павлуцкий

Мичман Василий Хитиевский

Полковник Афанасий Шестаков

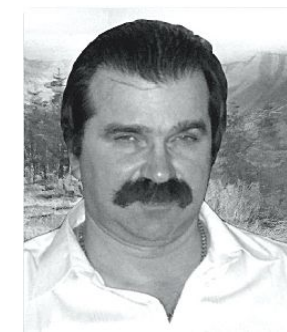

Прапорщик Якоб Линденау

Учредители: Founders:

Сергей Пашков
Sergey Pashkov

Сергей Малашко
Sergey Malashko

Главный редактор выпуска, верстка: Юлия Рудомазина
Editor-in-chief, layout: Yulia Rudomazina

Спонсор: Андрей Медведев
Sponsored by: Andrey Medvedev

«Интеллигент Русского мира». Учредители: Сергей Пашков, Сергей Малашко.

Главный редактор выпуска: Юлия Рудомазина.

Зам. главного редактора: Вячеслав Барыбов.

Технический редактор: Сергей Пашков.

Редакционный совет: Светлана Савицкая (Россия), Наталья Крофтс (Австралия),
Наталья Гордеева (США), Анна Русских (Россия).

Художественный редактор: Екатерина Асмус.

Художник: Маргарита Рогозик.

Верстка: Юлия Рудомазина.

E-mail: provint.pashkov@yandex.ru. web@intelligent-press.ru redactor@intelligent-press.ru

Сайт: www.intelligent-press.ru.

Обложка: Александр Мягков. Картина на обложке: Александр Мягков. «Русский мир»
На внутренней стороне обложки: Заслуженный художник России Владимир Мягков. Серия «Встречь Солнцу»,
100x55см, ДВП, смешанная техника, 2019-2020гг.

На цветной вкладке: фотоработы Александра Мягкова

стр. 50: «Город», «Дорога на Талую»

стр.51: «Взгляд», «Озеро Гранд»

Подписано в печать 07.12.2020

Медийная группа «Интеллигент»©2020
Media Group «Intelligent» ©2020

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент

Что номер новый нам готовит...

Вот и настало время для нового номера журнала «Интеллигент Русского мира». Номер вышел не совсем обычным, и сейчас расскажу, почему.

По следам недавно вышедшего уникального журнала «Интеллигент-Магадан. Избранное» на наши страницы высадились внушительный десант магаданских авторов. Что не может не радовать и вселяет надежду, что будут ещё у нас магаданские издания!

Из Магадана прибыло и художественное оформление номера: остроумно и изящно выполненная обложка от художника Александра Мягкова и цветная вкладка с его фотоработами, наглядно доказывающими, что фотография – тоже искусство. Цикл картин его брата, также признанного мастера, Владимира Мягкова, «Встречь солнцу», представленный на первой странице внутренней обложки журнала, посвящён покорителям Русского Севера. А на последней странице номера Вы найдёте интересную статью Сергея Малашко, рассказывающую об этом цикле. Сами работы чуть более подробно можно рассмотреть на развороте журнала «Интеллигент-Магадан Избранное», не поленитесь – PDF доступен для просмотра и скачивания на нашем сайте.

Важной, на мой взгляд, особенностью этого номера является то, что большинство представленных здесь работ ранее в наших изданиях не печаталось. Мы уделили внимание и перепечатке работ из газет «Интеллигента», как и всегда, но новых материалов получилось освежающе много.

Ещё одна «странность», которую вы заметите – обилие интервью. И центральное место, без сомнения, тут займут очень интересная беседа Александра Матусевича и композитора Александра Журбина и разговор Екатерины Асмус с художником Михаилом Шемякиным. Последнее интервью, подготовленное ещё в 2011 году, но нашедшее в «Интеллигенте» только сейчас, может показаться немного дерзким и даже провокационным. Но, пожалуй, вполне вписывается в свой момент времени и, чего скрывать, от Михаила Михайловича Шемякина мы ведь ждём чего-то хоть немного дерзкого и провокационного.

А вот особенность, которая осложнила мне работу над вёрсткой номера (но оно того стоило, конечно), – обилие фотографий. Это и материалы нашего балетного эксперта Анны Русских: детальный фотоотчёт об очередной постановке балета «Спящая красавица» и виртуальная экскурсия по Большому театру. Но совершенно беспрецедентно большое полотно (я бы назвала это так) от Светланы Савицкой – какой-то фантастический экскурс в работу над её романом «Свет отражающий». Просто посмотрите сами!

И никак не может быть случайным, что в одном номере произошла встреча писателя Светланы Савицкой с её романом, посвящённым одному из первопроходцев Северо-Востока России Алексею Чирикову, и работ магаданского художника Владимира Мягкова, где одним из героев является этот человек. Светлана и Владимир своими

работами дополнили тематику первооткрывателей, каждый выразил её по-своему, и Чириков у них получился очень разным. Но теперь эта тема заиграла новыми красками.

А начинается номер возобновлённой (надеюсь, надолго) рубрикой с работами для детей. И тут мы опять же сделали что-то, чего, кажется, в наших журналах ещё не было. Целых девять страниц занимают «Первые уроки скрипки в стихах» от Майи Шварцман с иллюстрациями автора. Целая настоящая детская книжка! Которая, впрочем, может быть интересной и не знакомым с предметом взрослым. Ну и конечно в этой рубрике представлены чудесные работы Андрея Сунгурова, Сергея Пашкова и других авторов.

Нет столько печатных площадей, чтобы подробно рассказать обо всех авторах, как бы этого ни хотелось. «За кадром» остаются и едкий музыкальный обзор от Александра Матусевича, и мистические истории из Сергиева Посада от Натальи Теренковой, и рассказ-фантазия от Михаила Смирнова и многое другое, что предстоит вам прочесть в этом номере.

Приятного чтения!

А здесь я просто не могу не воспользоваться служебным положением, чтобы вспомнить прекрасных украинских поэтов, Влада Клёна и Алину Остафийчук, совершенно безвременно покинувших этот мир 10 лет назад, в 2010 году. Они не публиковались в наших изданиях, и мы, соответственно, не можем печатать их стихи, но, при желании, их легко найти в Сети. С Владом мне довелось общаться только виртуально, хотя он, сам не ведая, сильно повлиял на мою жизнь, без преувеличений, с Алиной посчастливилось встретиться лично совсем незадолго до... Они заслуживают отдельной статьи, но я не дерзну – есть много людей, которые знали их гораздо, гораздо ближе. Я просто хочу сказать, что помню их...

Традиционно работу над журналом мы заканчиваем в начале декабря. Многие из вас получают печатные экземпляры до Нового года или в начале января, а кто-то будет читать PDF-версию уже совсем скоро. Хочется поздравить всех вас с Новым годом. И пожелать... да все мы, наверное, знаем, что будут желать в этом году...

От имени всей редакции «Интеллигента» желаю Вам, всем нам, скорейшего завершения этой фантазмагии, в которую превратился наш мир, здоровья (это пожелание перестало быть дежурным), творчества и сил преодолевать все обстоятельства!

Считаю своей обязанностью напомнить о необходимости беречь не только себя, но и окружающих. Соблюдайте все предписания медицинских властей вашего региона. Будем надеяться, что совсем скоро эти предписания станут неактуальными, и мы снова сможем видеть лица друг друга.

Всех вам благ и до встречи!

Юлия Рудомазина

Произведения для детей

Майя Шварцман

(8.08 1962 – 26.09 2019)

Майя Шварцман родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу-десятилетку и Уральскую государственную консерваторию, скрипач. Работала в Свердловском академическом театре оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Жила в Бельгии, где работала в Симфоническом оркестре Фландрии, в оркестре Европейской филармонии и ансамбле «Pарагено».

Публиковалась с 1984 года.

Поэт, а также автор рецензий и статей о классической музыке. Постоянный автор сайтов *Belcanto.ru*, *Opera-news.ru* и других музыкальных изданий. Член редакционного совета Медийной группы «Интеллигент».

Редакция благодарит Надежду Кадер, маму Майи, за возможность опубликовать эту работу.

Майя Шварцман

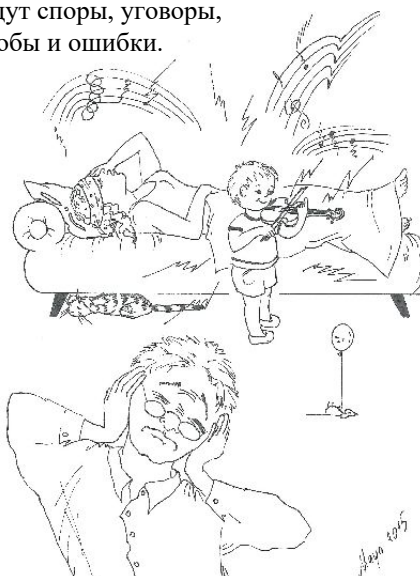
Первые уроки скрипки в стихах

рисунки автора

Бельгия 2015 г.

ДЛЯ ПАПЫ И МАМЫ

Две руки возьмутся вскоре
За смычок и скрипку.
Будут споры, уговоры,
Пробы и ошибки.

Звук начального скрипенья
Выдержать непросто.
Пожелаем всем терпенья,
Маленьким и взрослым.

Берегите ваши уши –
Упражнения трудно слушать.
Берегите ваши нервы –
Начинает палец первый!

НОТНАЯ ГРАМОТА

До-ре-ми-фа- соль-ля-си-
Жили-были караси.

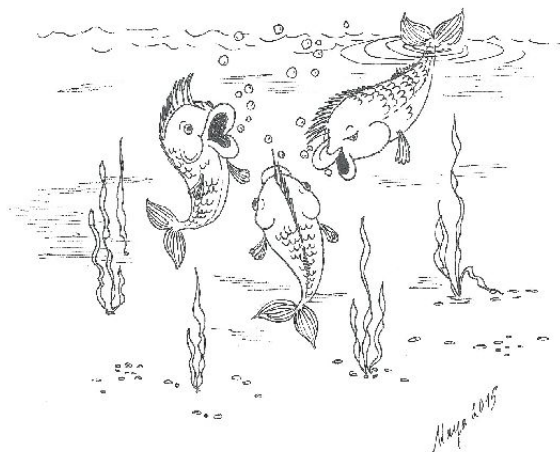
Караси любили петь.

Постарайся не шуметь,
Загляни в зелёный пруд.

Караси в воде поют:

Выпускают пузыри,

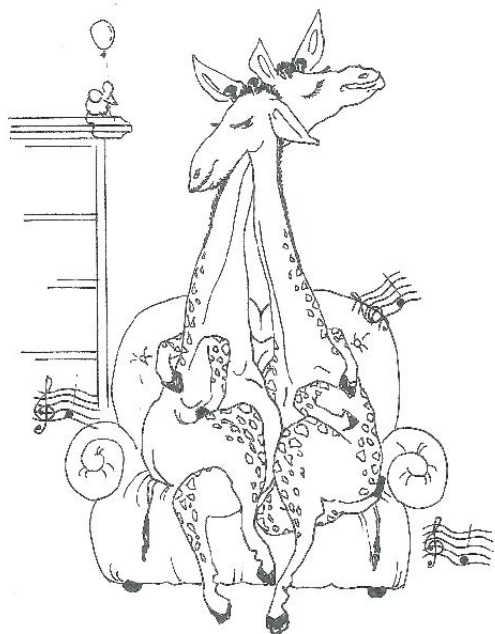
Это ноты – посмотри.

На пригорке над прудом
Нарисуем сад и дом.
А на дереве гнездо.
Это будет нота ДО.

Возле дома во дворе
Спит собака в конуре.
А проснётся на заре –
И залает ноту РЕ.

Что там в доме, за дверьми?
Ручку гладкую нажми.
Осторожно, не шуми
И услышишь ноту МИ.

На диване возле шкафа
Уместились два жирафа.
И скрипит диван-софа
От натуги ноту ФА

В кухне варится фасоль.
На тарелке хлеб да соль.
Мы дошли до ноты СОЛЬ.

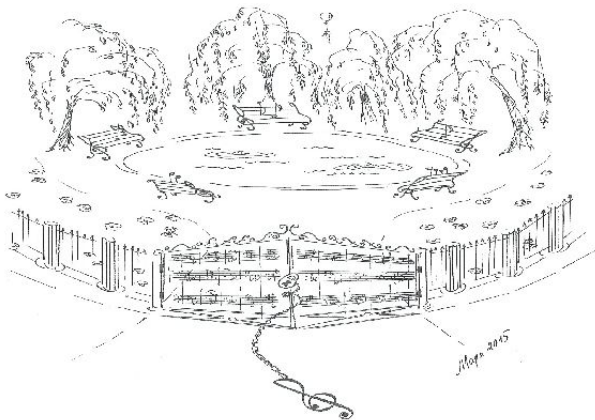
За окошком тополя.
На ромашке три шмеля.
И под солнцем вся земля
Распевает ноту ЛЯ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Лампу в доме погаси,
Ключ на память унеси.
Мы уедем на такси,
Распевая ноту СИ.

Си-ля-соль-фа-ми-ре-до-
Прилетел скворец в гнездо.
Засыпают сад и дом
Гаснет солнце над прудом.
Караси ложатся спать.
Завтра будут петь опять.

Скрипичный ключ

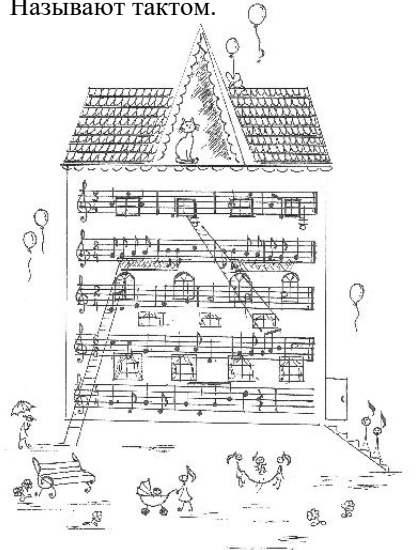
За оградой пять скамеек
У пруда в саду стоят.
На скамейках пять линеек.
На линейках ноты в ряд.
Только заперты ворота,
Не откроешь нипочём.
Как же нам пробраться к нотам?
Нужно вход открыть ключом.

Чтоб опять пройтись по саду,
Навестить знакомых рыб,
Повернуть сначала надо
Ключ в замочке: скрип да скрип.

Не похож он на обычный.
Чтоб легко открыть замок,
На линейках ключ скрипичный
Ставь всегда в начале строк.

Такты

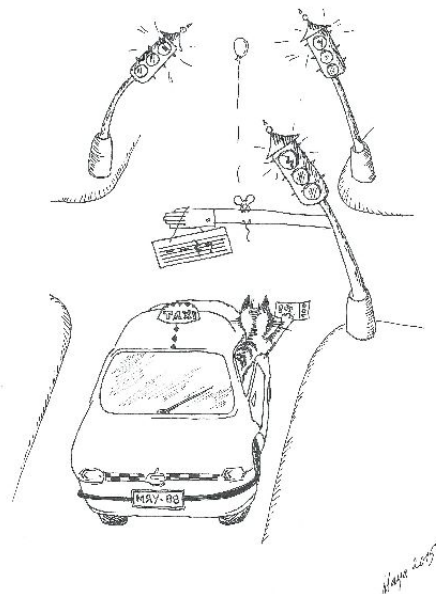
Разлинован дом бумажный,
Дом для нот многоэтажный,
Даже есть чердак там.
В нём квартиру для восьмушек,
Половинок, четвертушек
Называют тактом.

Раз-два-три-четыре,
Сколько нот живёт в квартире?
Сколько за стеною?
Такт за тактом – все запомнят, –
Обозначим стены комнат
Тактовой чертою.

Пауза

До-ре-ми-фа-соль-ля-си-
Села кошка на такси.
Заплатила сто рублей
И поехала в музей

Будь внимателен, шофёр,
Посмотри на светофору
Загорелся **красный** свет –
Подожди, проезда нет.
Нажимай на тор-мо-за.
Это будет **па – у – за**.

Лига

Если бусинок пяток
Нанизать на нитку
И сплести в один венок
Летом маргаритки –

Не рассыплются они,
А сольются вместе,
Как на ёлочке огни,
Как слова из песни.

Если свяжет бусы нот
Ниточка-улыбка,
Их сыграет и споёт
Как по маслу скрипка.

Лига тонкая на вид,
Но прочней каната,
Всем ребятам объяснит,
Как играть легато.

Можно три, а можно пять,
Можно даже двести
Разных нот залиговать,
Чтобы пели вместе.

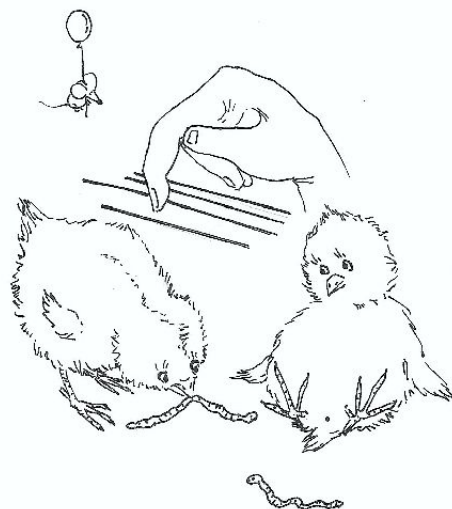
Мая 2015

Пиццикато

Написали в нотах: **pizz.**
Трудная задача.
Это что-нибудь про птиц?
Что же это значит?

Это слово целиком
Пишут **pizzicato**.
За разгадкой мы пойдём
К маленьким цыплятам.

Посмотрите на цыплят:
«Пи-пи-пи», – они пищат.
Вдоль кормушки встали в ряд,
Громко клювики стучат.

Мая 2015

Как цыплята – цып-цып-цып, –
Струны пальцем щип да щип.
Если видишь в нотах **pizz** –
Вспоминай про клюв у птиц!

СКРИПКА

Струны

Струна МИ

В доме слышен тонкий писк.
Разве это скрипка?
То ли щебет, то ли визг –
Нет ли тут ошибки?

Может, пел в саду щегол,
И осталось эхо?
Может, кто залез под стол
И пищит для смеха?

Может, маленький сверчок
Прячется за шторкой
Вдруг раздался голосок
Из мышиной норки:

«Не мешай мне, не шуми.
Я ведь занимаюсь!»
Это учит ноту **МИ**
Мышка Микки Маус.

Струна ЛЯ

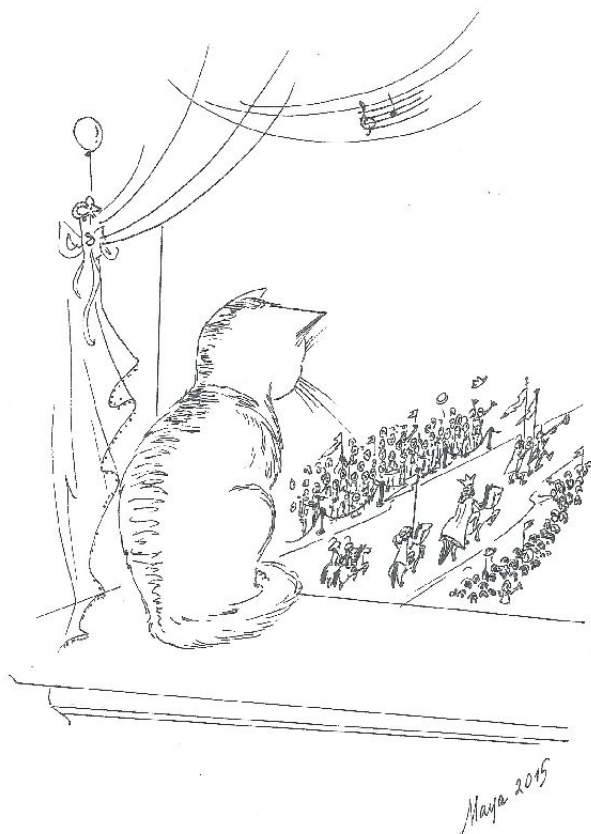
(с английской пословицей A CAT MAY LOOK AT A KING)

Что скажешь про кошку?
Что дремлет в лукошке?
Но в Англии вмиг «О-ля-ля!»
Воскликнут и сразу
Припомнят всю фразу
Про кошку и про короля.

Английская кошка
Сидит на окошке,
Уставившись на короля,
Из чувства протеста
Не двигаясь с места,
И смотрит, глазами сверля.

Король проезжает
Со свитой, с пажамы,
Сидит он в седле золотом.
Но кошке величье
Его безразлично.
Все кошки уверены в том,

Что **кошки** важнее
Князей и лакеев,
Важней самого короля!
Вот так же и струны:
Важны все безумно,
Но главная всё-таки **ЛЯ**.

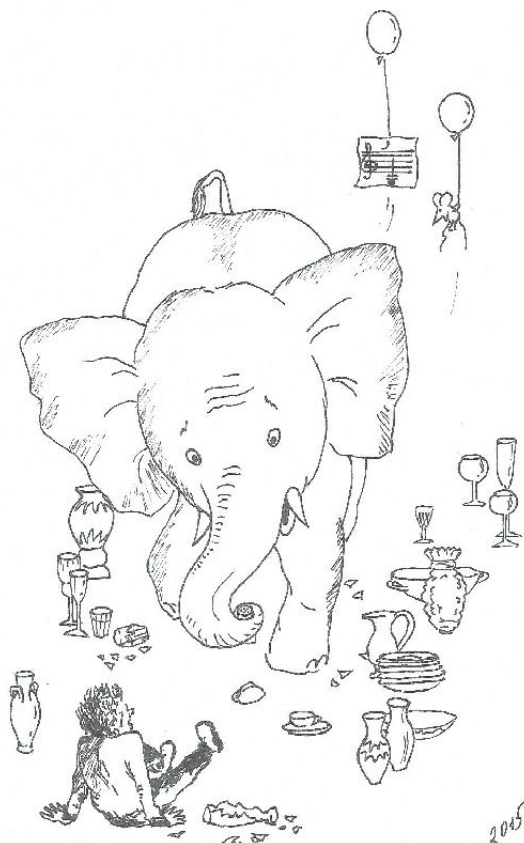
Струна РЕ

-Р-Р-Р-Е,- рычит лохматый Рекс. -
 Я голодный, дайте кекс!
 Дайте тёплого пюре!
 Замерзаю в конуре,
 Много снега на дворе!

Мышка пискнула в норе:
 Видит сны о сухаре,
 Тоже хочет съесть пюре.

Мая 2015

Мая 2015

Струна СОЛЬ

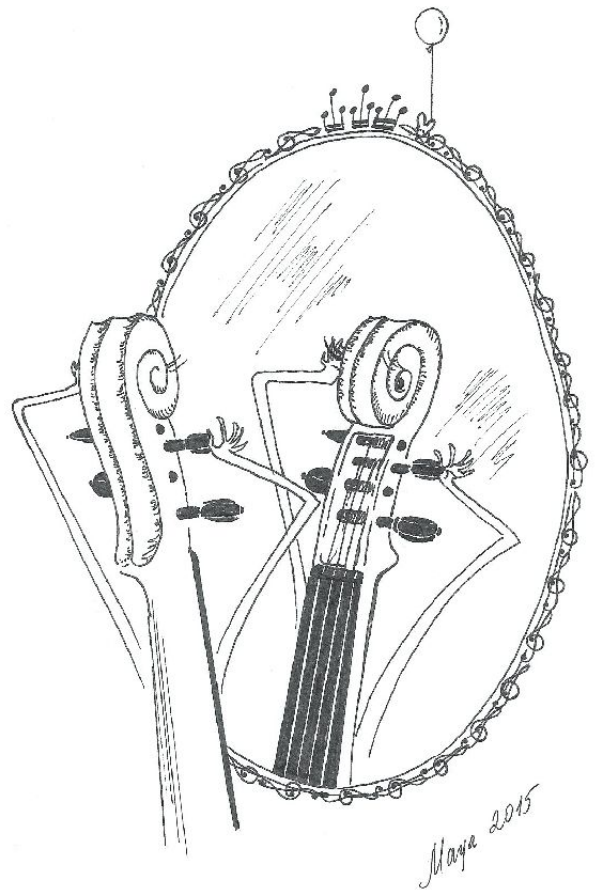
В магазин заходит слон.
 И в посудной лавке он
 Просит пачку соли.
 Продавец сказал: «Позволь,
 Здесь не продаётся соль.
 Ты смеёшься, что ли?»

Слон смутился. Соли нет.
 Значит, снова на обед
 Пресная соломка.
 Но затем сказал баском:
 «Может, соль куплю потом.
 А пока – солонку».

Головка и колки

На головке завитки,
Лаковые прядки.
Ниже вставлены колки
Точно по порядку.

Покрути любой колок
И тогда услышишь:
Станет струнный голосок
Выше или ниже.

Шейка и гриф

Полный рот еды набрав,
Веток повкуснее,
Ходит в Африке жираф
С длинной тонкой шеей.

А пока он листья ест,
Смотрим хорошенько:
Ведь у скрипки тоже есть
Тоненькая шейка.

Шея длинная на вид.
Кто измерить может?
В основании лежит
Небольшой порожек.

Серебрятся струны вдоль
Вытянутой шеи.
Ми и Ля, и Ре, и Соль
Вроде украшения.

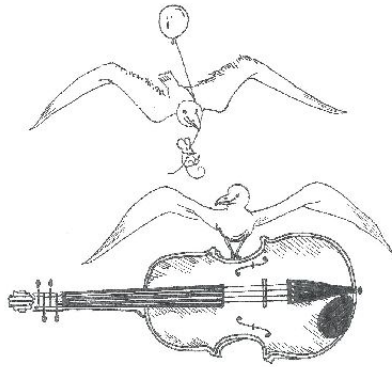
Укрывает шейку гриф,
Словно галстук чёрный,
Пробежаться предложив
Пальчикам проворным.

Корпус

Словно золотом облит
И блестит недаром:
Лаком глянцевым покрыт,
Солнечным загаром.

В целом скрипка сложена
Вроде человека.
Есть животик и спина.
По-другому – деки.

Нет на шейке ярких бус,
Эфы смотрят косо,
Но зато есть тонкий ус,
Только не под носом.

Плечи скрипки и бока –
Это обечайки.
(Будто крылышки слегка
Развернули чайки.)

Эфы и душка

Пару щелочек сквозных
Называют эфы.
К нам доходит через них
Звуковое эхо.

Через эфы посмотри
Скрипке в середину,
И откроется внутри
Странная картина

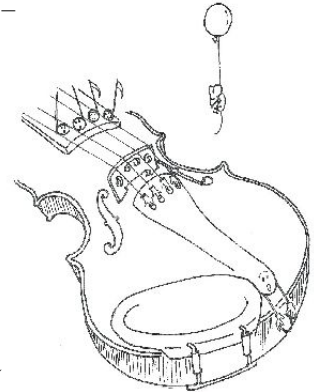
Между деками стоит,
Их соединяя,
Неказистая на вид
Палочка простая.

Ни плоха, ни хороша.
Что за безделушка
Это – скрипки душа,
Маленькая душа.

Подставка и подгриф

От порожка выйдя в путь,
Только на подставке
Сели струны отдохнуть,
Будто бы на лавке.

Говорит одна струна:
«Чтоб с подставки, братцы,
Не свалиться, нужно нам
За подгриф держаться». –

«Рад помочь, –
подгриф сказал,
Головой кивая, –
Но и сам держусь я за
Пуговку за краем».

Подбородник

Вроде блюбочка на вид,
Вогнут, как ладошка,
Нужно щёку положить
И прижать немножко.

СМЫЧОК

Эта палочка – смычок:
Крепок, прям и строен.
Пусть расскажет нам стишок,
Как смычок устроен.

Всё запомним в пять минут.
Это очень просто.
Деревянный тонкий прут
Называют тростью.

Острый клювик, как у птиц,
Чтобы петь позвонче,
Называют словом «шпиц» –
Самый-самый кончик.

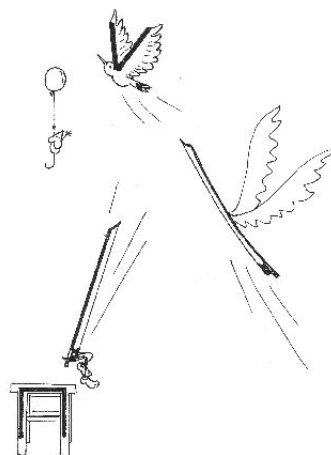
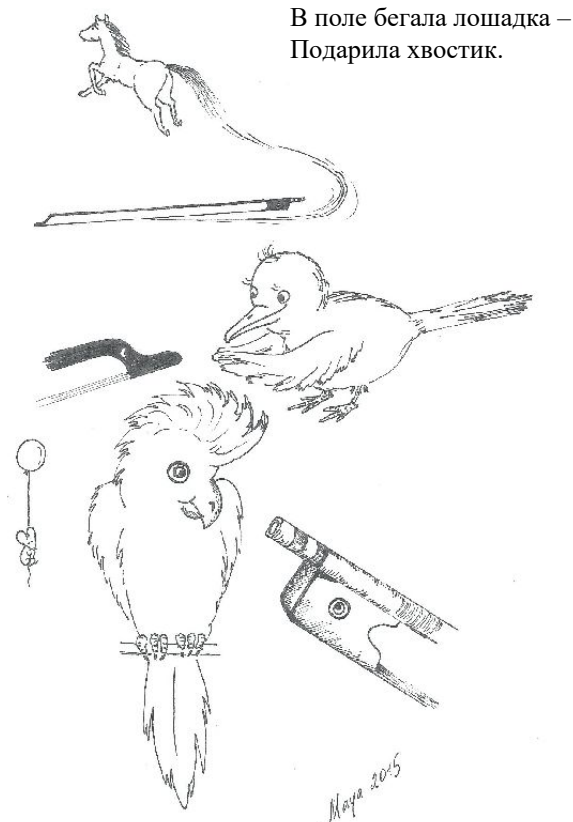
А другой конец смычка
Все зовут колодкой:
Там, где держится рука
За брусок короткий.

На колодке есть глазок,
Как у попугая.
Никогда не спит смычок,
Даже не моргает.

Не забыли ничего?
Это что такое?
Винт приделан, но его
Зря крутить не стоит.

Канифоль

Просит волос на смычке:
«Дайте канифоли!
Много хрипа на баске,
Не звучат бемоли!
А дадите канифоль –
Запоют и ре и соль!»

Вниз и Вверх

II

Как скамеечка значок –
Важная пометка.
Сразу вниз идёт смычок:
Ближе к табуретке.

V

Если галочка стоит,
Крыльями чернея,
Значит, птичка вверх летит –
И смычок за нею.

КОНЕЦ УРОКА

Что хотели, всё успели.
На сегодня хватит.
Лиги тоже присмирели
И легли в кровати.

Завтра будем заниматься,
А пока довольно.
От позиций и вибраций
Даже пальцам больно.

Спи, смычок, усните, трели,
Струны, ноты, рыбки.
Спи в футляре, как в постели,
Маленькая скрипка.

Андрей Сунгуров (1963 – 2016)

Поэт, писатель и преподаватель, директор школы-интерната №23 г.Петрозаводска. Закончил филологический факультет Карельского государственного педагогического института в 1985 г..

А. Е. Сунгуров писал стихи, очерки, рассказы, повести для детей и взрослых, которые печатались в журналах «Мурзилка», «Кипиня», «Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник», в газете «Лицей», в коллективном сборнике поэтов Карелии «Волны трав».

Первая книга стихов для детей называлась «Речка может простудиться?». В 2006 г. вышла новая книга писателя – «Волшебная зеленая страна».

Входил в редакционный совет медиа-группы «Интеллигент»

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

В моей душе – Вселенная!
Огромный мир чудес:
Река обыкновенная,
Обыкновенный лес.

Задумчивая ламбушка,
И грустный листопад,
И старенькая бабушка,
И мой любимый сад.

Учебники с тетрадками
И капельки дождя,
И земляника сладкая –
Всё это для меня!

Река обыкновенная
И древняя скала.
Выходит, что Вселенная
Не так уж и мала!

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Рыжею лисою
В лес стремится осень.
Пошуршать листвою,
Помечтать у сосен.

Золотым узором
Выткать все опушки,
Выстудить озёра,
Реки и речушки.

Белый-белый иней
Даст бруснике сладость,
Алый цвет рябины –
Всем в лесу на радость.

Улетают птицы,
Но грустить не стоит.
Осень в лес стремится
Рыжею лисою

Подушка на ножках

С мамой к подружке
Пришли мы на чай.
– Возьми тут игрушки
И не скучай!

Велись разговоры
О том и о сем.
Из кубиков скоро
Я выстроил дом.

Все хорошо,
Но играть не пришлось:
В двери вошел
Еще один гость.

Я струсил немножко,
Ребята, не вру!
Подушка на ножках
Шла по ковру.

Мягко ступая,
Молчанье храня.
Большая такая,
Чуть больше меня.

А если вдруг схватит,
Укусит? Ай-ай!
Я вмиг на кровати:
– Мама, спасай!

Подушка на ножках
Мякнула вдруг.
Да это же кошка!
Прошел мой испуг.

Речка может простудиться?

Снег, мороз – зима кругом.
Берега покрыты льдом.
Над рекою пар клубится,
Речка может простудиться?
На ветвях деревьев иней,
Снег пушистый, бело-синий,
А над черной речкой пар.
Может быть, у речки жар?
Как же вылечить больную
Необычную такую?
Где найти такое средство,
Чтоб река могла согреться?
Привезут лекарств немало –
Двести двадцать самосвалов,
А малины и лимонов
Надо двадцать пять вагонов!
Снег, мороз – зима кругом.
Спит река под толстым льдом.
Лед укроет, лед согреет,
И река не заболит!

Мишкин сон

Медведь в берлоге спит зимой,
А что же мишке снится?
Сосновый бор стоит стеной,
Щебечут громко птицы.
Плывут по небу облака –
Пуховые перины,
А вот – знакомая река
И заросли малины.
Малина спелая вкусна,
Малины много слишком.
И стало мишке не до сна,
Ворочается мишка.
Тот сладкий сон все не идет,
Идет другой и длинный...
С досады лапу он сосет –
Так хочется малины!

Благодарим супругу Андрея Евгеньевича за предоставленные произведения

Сергей Пашков

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р.Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р.Ф. в качестве носителей информации, которая была признана Ноу-Хау). За свою издательскую деятельность, издавал авторские альманахи и газеты, входил в редколлегию Американского журнала «Острова/Islands».

У Сергея очень оригинальный художественный стиль картин, который несет в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же емкими ассоциативными текстами. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея публикуются в Российских и зарубежных журналах. Имеет множество российских и зарубежных наград.

Озарение и справедливость (сказка)

Когда-то в одном из племён Индии жил очень любознательный мальчик, которого звали Риши. Его бедные родители ничего не могли оставить ему в наследство, поэтому, назвав ребенка таким именем, они надеялись, что оно наделит их сына мудростью, благодаря которой тот сможет помочь другим людям.

В племени на то время безбедно жили только жрецы и одна очень богатая семья, имеющая в собственности водоём. Только богач имел право пользоваться водоёмом, в засушливый сезон орошая своё поле. Всем остальным людям за определенную плату жрецы проводили ритуал по вызыванию дождя. Этот ритуал, как брачный танец павлина, использовался ещё издревле, но он практически никогда не приносил желаемого результата. Жрецы привыкли объяснять это слишком малой им платой или тем, что Бог-Павлин не принял их ритуального обращения. Люди племени беспрекословно верили жрецам, ведь перед приходом дождей павлины действительно начинали исполнять свои брачные ритуалы, а затем приходил сезон муссона и начинались обильные осадки.

Мальчик Риши часто задумывался над тем, почему ритуальные танцы павлинов приносили дожди, тогда как ритуалы жрецов из их племени, даже с перьями павлинов и подражаниями их брачным танцам, не приносили такого результата? Он мечтал о том, чтобы облака никогда не покидали небо его родины, чтобы не было засухи, которая губит посевы, чтобы животные, на которых охотилось его племя, не уходили из местности, где он жил.

Однажды, раздумывая над этим под деревом, куда он прилёг, скрываясь от палящего Солнца, маль-

чик заснул и ему приснилось, что он пастух. При этом он был не простой пастух барашков в отаре. Его барашки были облаками, которым он не давал покидать небо, под которым проживало его племя. Но когда Риши решил пересчитать барашков, он заснул, ведь многие, чтобы заснуть, начинают считать барашков. Пробудившись, он обнаружил, что ветер угнал стадо его облачных барашков, а Солнце продолжает безжалостно опалить землю. Тогда мальчик решил по небу догнать ветер. Сокрушаясь о потере облачных барашков и устав в дороге, он приземлился отдохнуть на берегу моря.

Наступала ночь, но Риши так горько переживал о своей потере, что море смущённо спросило его:

— Неужели в моих водах так мало соли, что ты решил добавить её своими слезами?

Риши вначале был напуган и удивлён, что с ним заговорило море, но переборов свой страх, он рассказал о том, что ветер угнал его облачных барашков, которых он хотел пасти над тем местом, где жило его племя, в определенный сезон страдая от засухи. Море рассмеялось ласковым бризом и ответило, что человек не может быть пастухом у облаков. Ведь облака рождаются от Солнечного тепла, испаряясь с нагретой водной поверхности, а где и когда они прольются дождями, зависит от многих причин.

Риши уверенно заявил, что павлины в их местности своими брачными ритуалами и вызывают дожди, это им издревле говорят жрецы, которые порой сами, подражая павлинам, пытаются вызывать осадки. Ведь после того, как птицы исполнят свой брачный танец, действительно приходят дожди-муссоны.

Море от смеха прыснуло волной, но потом, успоко-

ившись, серьёзно сказала юноше:

– Ваши жрецы неверно, заблуждаясь или намеренно, объясняют соотношения на Земле и на небесах, ведь им выгодно получать от своих нелепых ритуалов подношения людей. Мальчик, а ты подумай сам, почему при определенном положении Луны, Солнца и Земли у вас в местности приближается сезон дождливых муссонов? Почему перед обильным насыщением местности небесными водами павлины начинают свои брачные танцы?

Вот тут Риши и проснулся от озарившей его разгадки. Ведь павлины проводят свои брачные ритуалы, предощущая сезонные циклы, чтобы их уже вылупившееся потомство развивалось в более благоприятное время! Павлины, как и жрецы, никакими ритуалами не могут вызывать процесс муссонов, это происходит от географического их местопребывания и рельефа местности, когда облака при определенном сезонном расположении на небесах начинают преодолевать горные хребты!

О своём открытии Риши стал рассказывать людям его племени, что сильно разозлило жрецов и семью богача. Жрецы и богач обвинили мальчика в ереси и в смуте, потребовав изгнания его из племени. Собравшиеся люди заявили, что если юноша не предложит им решения проблемы с засухой, то они поступят с ним так, как требуют жрецы и богач, но если его решение будет действительно мудрым, то они защитят его.

Тогда Риши обратился с призывом к людям своего племени. Он говорил, что надо прекратить заниматься нелепыми ритуалами, что от водоёма необходимо провести каналы, объединив все земли в одно большое орошаемое поле, при этом расширив и углубив водоём.

Немного подумав, он добавил:

– Может быть, это не полное решение проблемы, но зато каждый член племени сможет в равной мере с другими разделять как невзгоды, так и благоденствие. Несправедливо, когда большинство людей постоянно в бедственном положении, и когда меньшинство постоянно имеет излишества.

Выслушав речь юноши, богач и жрецы разгневались ещё сильнее и с суеверными проклятиями хотели наброситься на Риши, крича, что он разгневал Бога-Павлина. Но народ племени отстоял Риши и принял его мудрое решение, а через год юношу выбрали вождём их племени.

Так Риши оправдал своё имя. (Риши в переводе с индийского – мудрый).

Вера Тансканен

Является членом объединения русскоязычных литераторов Финляндии «Иные берега». Принимает активное участие в работе литературной интернетгазеты «Северная широта» в Финляндии.

Пугало

Озорные воробьи над клубникой выются,
В поле пугало стоит – в шляпе, в рукавицах.
Ветер треплет пиджачок, раздувает брюки.
«Кыы-ш, пернатые друзья, вот как вскину руки!
На шесте я здесь сижу в фартуке пятнистом.
Ооо-х, как страху напущу, рас-ссс-кручусь со свистом!
Смелости не занимать, убедитесь сами!
И рубаха у меня в – рубчик, с кренделями!
Обижать не буду зря острокрылых братьев.
Им бы всем понять меня, урожай убрать бы!
Лишь недельку переждать в ожиданьи томном!
Ну, а после? Всем плясать, род неугомонный!
Глаз прищурю шаловливый, поиграем в пряточки!
Был сердит – забыл! Стал милым – вот такие сказочки!»

Храбрец

Гребень в профиль – частоколом.
Глаз востёр – глядит насквозь!
В бой готов – копьём проколет,
Клювом острым, словно гвоздь!

Перья дыбит, ходит кругом,
Охраняет свой форпост.
«Здравствуй, Петя!» Тот с испугом
Наутёк, расправив хвост!

Галина Виллонен

(Финляндия)

Сусликов меняет фамилию

Если у тебя красивая и звучная фамилия, считай, что жизнь удалась. Или хотя бы наполовину. Катька Богатырёва, отличница, говорит, что фамилия отражает характер человека или даже всей семьи. Но скажите, зачем Катьке такая фамилия – Богатырёва? Ей Сковородкина больше подходит.

Мой друг, Лёшка Ляпин, очень страдает от своей фамилии. Старшие ребята смеются: «Ну, Лёха, что опять ляпнул на уроке?». А на уроках он почти не отвечает, ну совсем, как немой. Это, наверное, из-за фамилии.

А моя фамилия? Она же нисколько не отражает моего характера. И на суслика я не похож.

– Мама, – говорю, – тебе наша фамилия нравится?

– А что в ней плохого? – удивилась мама. – Знаешь ли, что суслики – удивительные трудолюбивые и изящные животные. Они даже могут предсказывать погоду. Жизнь сусликов полна захватывающих моментов.

– А зачем нам фамилия трудолюбивого и изящного животного. Вот, например, нашего соседа дяди Бори фамилия Трубочёв, а он работает поваром. Или Гришка Пушкин из нашего класса. Он же сам ни одного сочинения не написал. За него дед пишет.

– Это нехорошо, что ты хочешь свою фамилию поменять. Это фамилия твоего папы, – говорит мама.

Поменять? Вот это идея! Я решил, что эту удивительную трудолюбивую и изящную фамилию нам с мамой надо обязательно поменять.

– Мам, а до папы у тебя какая фамилия была? – спрашиваю я.

– Чайникова, – отвечает мама.

Я с состраданием посмотрел на мою маму Чайникову.

– Дааа, – говорю, – трудное детство у тебя было.

– Нет, – говорит, – я отличница была, поэтому все помнили только моё имя.

– Почему ты замуж не вышла, например, за Богатырёва или Разумова? Меня бы звали в школе Разумом.

– Так я не за фамилию выходила, а за хорошего человека. Твой папа умный и добрый человек. Взрослые иногда разводятся, но всё равно помнят друг о друге.

Тогда я немножко подумал и спросил:

– Мам, а что если ты замуж опять выйдешь... за моряка или полярника... с мужественной фамилией. Чтобы такой сильный, который трудности любит. Это же нелегко, когда мама и сын, вместе, переходят в подростковый возраст. Чтоб выжить с нами, нужен опыт полярника. Потому что иногда в нашем холодильнике, как на полярной станции, только снег.

А мама обняла меня и рассмеялась.

– Кто же захочет дрейфовать на нашей станции ещё и в отпуске?! Уважаемый Сусликов-младший, нам с тобой хорошо и в нашей норке. Главное быть добрым и честным человеком.

И я согласился. Сусликов не самая плохая фамилия. Главное быть самим собой.

Ты согласен?

Яна Марси

(Финляндия)

Сказка

За окном барабанит нудный осенний дождь. На дороге с неотремонтированным асфальтом бесчисленные лужи. В подметке левой туфли дырка. Зонт вывернуло шквальным ветром. Колготки порвались на правой коленке – кто-то чемоданом задел в тесном трамвае. На душе мутно, в кошельке пусто. Работы нет, мужа тоже. Доверчиво лежит в руке теплая детская ладошка. Дочка просит купить шикарную куклу, которую видела неделю назад в яркой витрине магазина. Электричества жгут в магазине – немерено. А мой счет пока не оплачен. Алименты не регулярные, не знаю, когда оплачу.

– Расскажи сказку, – звонко требует дочь, возвращая меня на землю.

А дождь все стучит и стучит. Безысходно и навечно заливая день и надежду. Но я же не могу рассказать ей об этом.

– Хорошо, слушай, – крепче сжимаю ладошку самого дорогого мне человечка.

На высоком холме, в гордом одиночестве и величии, возвышался старый дуб. С приходом весны, под лучами ласкового солнца, начали пробиваться молодые зеленые листочки. Два листика, которые оказались рядом, почти на самой верхушке дерева, изо дня в день украдкой поглядывали друг на друга. Листик-девочка смущалась под пристальным взглядом листика-мальчика. А он же, в свою очередь, любовался ее красотой и совершенством.

В скором времени они подружились. Вместе листики росли и радовались предстоящему лету. Делились самым сокровенным: секретами, маленькими радостями и своими снами.

Листочки любили разговаривать о будущем и строить планы. Вместе они мечтали о том, как будут купаться в лучах дневного света, а ночью разглядывать ослепительной красоты небо, устланное звездным ковром во главе сияющей луны.

В пасмурный день листочек не давал скучать своей подруге, развлекал ее веселыми историями, наблюдая, как на грустном лице робко пробивается застенчивая улыбка. «Ее улыбка лучистая и живая, – думал листик, – Лучшая награда для меня».

Время шло, бежали дни, влюбленные листочки встречали рассвет и провожали закат. Каждый раз, с легким дуновением ветра, листики шелестели, трепетно прижимаясь друг к другу. Казалось, они шепчут ласковые слова. В дни, когда природа буйствовала и проливалась дожди, листочек старался прикрыть собой свою возлюбленную, дрожащую от холода и страха. Она же, в благодарность, под шум ветра шептала ему тихое «люблю».

Они ценили каждый миг, каждое мгновение, каждую секунду их счастья. Им принадлежал весь мир.

Осень... Ветер беспощадно срывает листья с деревьев и те кружатся в прощальном танце. Она увидела его, сорвавшегося с веточки и уносящегося в туманную даль. Навсегда... На нее упала капля дождя и будто хрустальная слеза, скатилась вниз, оставив лишь безмолвные круги на ровной глади лужицы.

Среди осенней суматохи и завывания ветра, печальным эхом отзывалось «прощай».

Увидев в глазах дочери застывшие слезинки, я крепче сжала детскую ручонку и сказала:

– Будет новая весна...

Музыка, Балет, Театр

Музыкальный офШор

**Александр
Матусевич**

В Москве состоялось очередное странное событие в области культуры, когда власть денег и полнейшее отсутствие вкуса и понимания существа вопроса, торжествовало во всей своей «красе», а точнее уродстве. И происходило это – что весьма символично – не где-нибудь, а в самом сердце матушки Москвы – в Кремле, в знаменитом Дворце съездов. Событие трудно отнести к области художественного, к области искусства – это явление социальное и экономическое, говоря по-русски, общественное и хозяйственное.

В самом начале нового сезона в Москве показали страшно распиаренный на всех углах проект – так называемый балет американо-мальтийского композитора Алексея Шора «Хрустальный дворец». На самом деле – киевлянина по рождению, сбежавшего из СССР в 1991 году и пристроившегося где-то за океаном. Математик и компьютерщик по образованию, Шор намурлыкивал рождавшиеся у него в голове (на самом деле, подслушанные в саундтреках к фильмам – когда-то советским, потом американским) мелодии компьютеру, который потом ему все это «обрабатывал», и получалось некое синтетическое варево, гордо именуемое его демиургом «музыкой». Об этом он сам рассказывает в многочисленных интервью, об этом же не стыдится сообщать почтенной публике и программка «балета».

Однажды кто-то (не имеющий ни вкуса, ни мозгов) вложил в этого «композитора» огромные деньги, и эта профанация искусства теперь торжественно шествует по планете – эту музыкальную макулатуру сегодня по всему миру исполняют знаменитейшие музыканты мира – так сказать, не чураются. И то верно – деньги ведь, как известно, не пахнут. Например, сегодня Шор является композитором-резидентом Мальтийского международного музыкального фестиваля, и его «поделки» по этому случаю вынуждены исполнять крупнейшие музыканты современности, приглашенные на этот форум – Лю-

бовь Казарновская, Максим Венгеров, Дэвид Аарон Карпентер, Николай Луганский...

Жутко однообразная, нудная, неинтересная, лишенная логики, развития, оригинальных идей эта с позволения сказать «музыка» способна утомить уже через десять минут, а спектакль длился два с половиной часа – выдержать такое было настоящим и очень тяжким испытанием.

Но таков не только «балет» новоявленного композитора. Достаточно послушать несколько сочинений Шора, принадлежащих к разным жанрам, чтобы прийти к очевидным выводам относительно его метода и одаренности. Они сводятся к следующему.

Творчество Шора производит впечатление абсолютного дилетантизма, помноженного на отсутствие у автора композиторских способностей. Есть несколько характерных признаков, по которым можно сразу же опознать творение бездарного дилетанта, и все они наличествуют в сочинениях Шора:

- отсутствие собственных музыкальных идей;
- неумение излагать музыкальные мысли, даже позаимствованные у других;
- отсутствие слухового опыта, который позволил бы хотя бы воспроизводить уже существующие музыкальные модели.

К этому можно добавить отсутствие мелодического таланта, который в музыке такой стилистической направленности (условно, популярной, доступной широкому кругу слушателей) является совершенно необходимым компонентом: Шор этим даром совершенно обде-

лен. Все, что он может – это использовать осколки всем известных и навязших в ушах банальнейших мотивов. Беда в том, что он даже эти «одноклеточные» не получают мало-мальски пристойного гармонического оформления. Гармонии у Шора сводятся к надоедливому чередованию тонических, доминантовых и уменьшенных созвучий, а если вдруг происходят какие-то сдвиги, они производят впечатление настолько нелогичных, что это заставляет заподозрить отсутствие у автора музыкального слуха.

Излишне говорить о том, что форма этих «сочинений» также не выстроена, потому что строить ее попросту не из чего. То же можно сказать и об инструментовке, которая примитивна до крайности и больше всего похожа на «сработанную» компьютерной программой. Возможно, так оно и есть.

Фактурных находок тоже никаких. Наконец, бесконечно длящийся унылый ля-минор тоже наводит на грустные размышления. 99% дилетантов творят именно в этой, лишенной диэзов и бемолей тональности. Если автор способен написать вариации на «Мурку», которые длятся около 10 минут, и ни разу не перейти хоть в какую-то иную тональность, то это практически диагноз.

Вот что делают деньги! Еще недавно было бы трудно представить, чтобы уважающий себя дирижер или солист добровольно согласился бы играть такое позорище – приличные музыканты сочли это оскорблением.

Музыкальная импотенция Шора – самое яркое отрицательное впечатление вчерашнего вечера. Но и все остальные компоненты «балета» оказались немногим лучше.

Единственное положительное, что было в этом шоу – это роскошные костюмы. Декорации – весьма тривиальные, точнее их почти не было, а весь визуальный ряд – нарисован на компьютере. Миленько, но не сногшибательно – с помощью компьютерных программ сейчас рисуют и не такое. Никаких удивительных, новаторских спецэффектов тоже не было – видели мы шоу и покруче. Всё, что было предьявлено – достаточно банальный набор традиционных театральных «чудес», вроде лошадей, собак, и летающих в люльке под колосниками артистов. Само по себе это может быть и не плохо – настоящий театр не должен подменяться шоу. Но это в том случае, если театр – настоящий. Если же нет, как в нашем случае, то должно тогда быть хотя бы впечатляющее, удивляющее шоу, что-то невиданное ранее: тут и этого не было.

У спектакля напрочь отсутствует драматургия, что, впрочем, неудивительно, учитывая музыкальную мертвечину, под которую всё это поставлено. Нет и настоящей хореографии, хотя артисты задействованы хорошие. Основное содержание их сценических метаний – это нарочитая пантомима. Всё действие очень похоже на очень плохой, самодеятельный драмбалет, достойный разве что детских новогодних утренников в каком-нибудь глубоко провинциальном ДК.

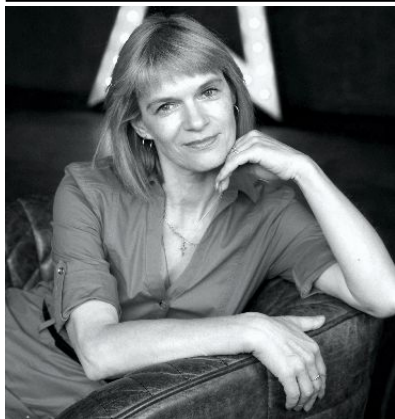

Главной звездой этого «балета» назначена Орнелла Мути. Эта давно уже забытая кинозвезда эффектно выезжает на лошади, важно нарежает по сцене круги, раздает налево и направо голливудские улыбки, усиленно изображая императрицу Анну Иоанновну. Кроме того, произносит несколько фраз на ломанном русском языке: наверняка, у большинства сидящих в зале сложилось после этого впечатление, что царица Анна была такой же плохо говорящей по-русски немкой, как и Екатерина Вторая, а вовсе не природной русачкой, каковой она являлась на самом деле – дочерью Ивана Алексеевича Романова и Прасковьи Фёдоровны Салтыковой. Можно только догадываться, каких денег стоило пригласить в проект давно померкнувшую звезду итальянского кинематографа. Весь вопрос – зачем? Что это дало спектаклю, кроме пиара? С точки зрения художественной – ничего, любая русская драматическая актриса справилась бы с этой задачей на два порядка лучше, а стоила бы организаторам дешевле.

Впрочем, с точки зрения художественной, во всем этом действе живого места не было. Китч, гламур, показуха и безвкусица – вот главные характеристики «Хрустального дворца». А общий итог – полная катастрофа, пошлость, профанация искусства за большие деньги. Печально, что у организаторов этого безобразия (Европейский фонд поддержки культуры, президент – Константин Ишханов) нет дельных советников, которые бы способны были направить их финансовые возможности действительно на стоящие проекты, на продвижение настоящего искусства, а не дурно пахнущих поделок.

фото предоставлены автором

Анна Русских

Родилась в Москве. В 1987 г. окончила Московское хореографическое училище (ныне Московская государственная академия хореографии; педагоги Е. Жемчужина, С. Афанасьева) и была принята в балетную труппу Большого театра. В 2000 г. окончила педагогическое отделение балетмейстерского факультета Российской академии театрального искусства (курс Т. Тучиной), получив специальность «педагог-хореограф». В 2003-06 гг. преподавала классический, народно-характерный и историко-бытовой танец в Балетной школе Большого театра в г. Жоинвиле (Бразилия). В настоящее время учусь в магистратуре МГППУ – этническая психология.

«Спящая красавица»

Давно я не получала такого удовольствия, эмоционального и эстетического, от просмотра балета.

Очень рада, что не поддавалась желанию остаться дома, а отправилась в театр.

«Спящая красавица» один из шедевров П.И. Чайковского и М.И.Петипа.

Балет непростой и в музыкальном плане, и в плане хореографии. Да и сцена «Москонцерт Холла» мало пригодна для такого масштабного спектакля. Но все это никак не отразилось на качестве исполнения.

Труппа Театра балета Классической Хореографии была на высоте. И солисты и артисты кордебалета.

№ 4 / 2020 г.

Кстати, именно кордебалет, на мой взгляд, является визитной карточкой любого балетного коллектива. И по тому, как слажено он танцует, можно сказать о профессионализме и артистов и педагогов.

Еще одним немаловажным фактором является и то, что мне совсем не хотелось смотреть «в ноги» и выискивать там погрешности. Хотя, конечно, и они были.

Но главным был танец.

Под статью кордебалету были и солисты.

Утонченная Фея Сирени – Диана Еремеева.

Фантастическая Фея Карабос в исполнении Максима Асланова.

И конечно, главные герои вечера: восхитительная Наталья Чезганова и Степан Косыгин.

На мой взгляд – лучшая Аврора из тех, что я видела за последние пару-тройку лет.

Блистательна, полувоздушна, а еще юна и очень академична. Все-таки за спиной у Натальи одна из лучших балетных школ страны. Наталья окончила Пермское хореографическое училище.

К тому же, и у Натальи, и у Степана это был дебют. И, на мой взгляд, очень удачный.

Ну и, конечно, стоит отметить красивые яркие костюмы и декорации.

Пожалуй, единственным минусом можно назвать маленькую сцену «Москонцерт Холла». «Эх, жалко королевство маловато, разгуляться негде!», – эти слова героини Фаины Раневской в полной мере подойдут исполнителям мужских партий: Принцу Дезире и Голубой птице. Очень сложно на такой маленькой площадке делать *jete en tournant* (жете ан турнан) и *jete entrelace* (перекидные) по кругу.

Так что тем, кто соскучился по театру и балету, очень рекомендую побывать на спектаклях театра балета классической хореографии «La Classique».

Балет «Спящая красавица» – это сказка для детей и их родителей.

Окунитесь в волшебное сочетание музыки и танца.

фото автора

Что едят балерины. Мифы и реальность.

Блистательна, полувоздушна... Практически эфемерное создание.

Так что же все-таки едят балерины и едят ли они вообще...

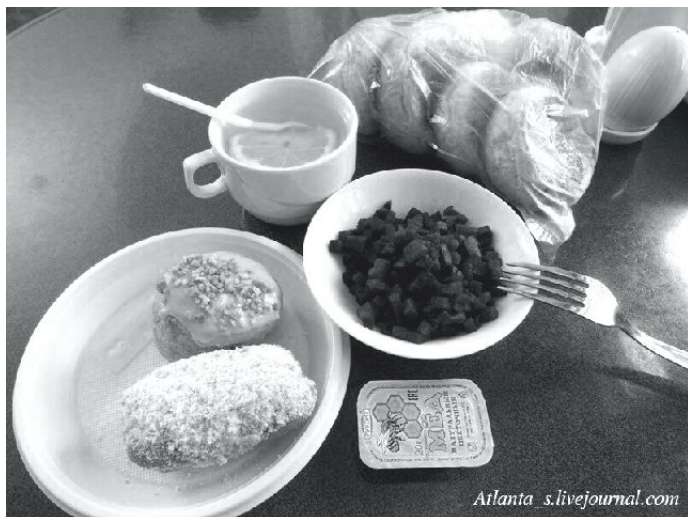
Открою страшную тайну – балерины едят все то же самое, что и обычные люди. Кроме шуток.

Когда я задала своим коллегам вопрос, на каких диетах они сидят, на меня посмотрели довольно странно. А то я сама не знаю, на каких диетах мы сидим.

Самая лучшая диета – это репетиции, то есть нагрузки. Ведь многие из нас, придя на работу к десяти утра, покидают стены театра в десять вечера.

Да, конечно, бывает, что не успеваешь нормально пообедать. Но...

У многих есть традиция – второй завтрак в одном из буфетов театра. И выглядеть он может вот так:

Или, скажем, так:

Балерины едят все: мясо, рыбу, овощи, мороженое и пирожные. Кто-то очень любит шоколад и все сладкое, кто-то – соленые огурцы и острое.

Конечно, все это не съедается тоннами.

Правильно питаться тоже не всегда получается. Ведь буфетах № 4 / 2020 г.

и столовых театра завтракают, обедают и перекусывают не только хрупкие создания – балерины, но и артисты балета мужского пола, а так же артисты хора, оперы, миманса, оркестра, да и вообще все те, кто работает в театре.

Для нас вряд ли будут готовить отдельную, правильную, еду. Конечно, у каждой артистки есть свои устоявшиеся правила питания.

Я, например, никогда не завтракаю дома. Только чашка кофе, в крайнем случае – йогурт. Но зато обязательно завтракаю в театре, часто съедая за вторым завтраком тарелку супа.

Кто-то, наоборот, предпочитает утром съесть кашу. Кто-то не представляет себе завтрака без куска мяса.

Все эти пристрастия чисто индивидуальные.

Одна из девочек мне рассказала, что очень любит соленое и острое, но ограничивает себя в этом, так как соленые продукты задерживают в организме жидкость. У кого-то сушки откладываются не туда, а кто-то не представляет жизнь без порции мороженого.

Как вы думаете, продукты с доставкой на дом – это еда для балерины? А есть среди них и те, кто заказывает на дом ужины. Понятно, что заказать можно салаты и диетические блюда. Но поверьте, что это абсолютно не так.

А видели бы вы как мы отмечаем дни рождения у себя в примерных. Это, я вам скажу, великолепное зрелище. Чипсы, соленые орешки, копченая колбаса, ветчина, сыры, конфеты, пирожные и торты. Кажется, ничего не забыла.))) Ах да, вино, шампанское, ну и, конечно, соки. И пиво мы тоже пьем. Ну те, кто его любит.

Да и то, что балерины не едят после шести вечера, – это тоже миф. Понятно, что наесться перед спектаклем никто не будет. Поэтому вполне естественно прийти домой после спектакля и поужинать.

А диеты? Некоторые сидели на них, но в лет 13 - 15, когда в организме происходили гормональные изменения. Да в этот период возможно набрать лишний вес, особенно если есть предрасположенность к полноте.

фото автора

С чего начинается театр...

Не знаю, почему считается, что театр начинается с вешалки. Это ведь в корне неправильно.

Театр начинается с капельдинера или с билетера (это как вам больше нравится). Ведь именно с ним происходит первая встреча у тех, кто переступает порог храма искусств.

Кстати, именно с такой встречи у меня началось знакомство с Большим театром. Хотя...

Возможно, сначала я попала в мир закулисья, а уже потом в зал... Но сейчас это не имеет значения...

Хорошо помню, как во время учебы в МАХУ мы с одноклассницей постоянно бегали в Большой театр. Не пропускали практически ни одного балетного спектакля. Конечно, если было время.

Смотрели спектакли не только из зала, но и из-за кулис. Сейчас такое просто невозможно.

Как мы попадали в театр? Была знакомая билетер, имя называть не буду, которая нас пропускала. Вместо билета, мы давали ей рубль и проходили. По размеру он был похож на тогдашние билеты.

Смотрели мы из лож бельэтажа или первого яруса. Попасть в них можно было без проблем. Не то что сейчас, когда даже артистов театра не пускают. Иногда нас пускали даже в бенуар.

Ну а еще мы знали тайные ходы в закулисье. Сейчас, после того как театр перестроили, этих лестниц уже нет, а

раньше... На каждом этаже с правой и левой стороны были заветные двери. Но не все они вели к нашей заветной цели. Несколько раз мы оказывались там, где хранились афиши. Приходилось возвращаться. Лишь потом мы поняли, что нужные нам двери расположены на первом и третьем ярусах.

Сколько мы всего пересмотрели. Причем не только спектакли Большого. Гастроли Мариинки, тогда еще Кировского театра, спектакли Молдавского (Кишиневского), Донецкого, Новосибирского и других театров.

Уже потом, придя в театр, я неожиданно встретила с той женщиной, которая «открыла» нам дорогу в Большой. Она работала все на том же месте, с той же стороны.

Потом мы встречались, общались. Иногда я специально приходила, просто чтобы поздороваться... Сейчас она уже на пенсии. И я очень ей признательна, за ту возможность бывать в театре.

Р.С. Считается, что фраза про вешалку принадлежит Константину Станиславскому. Однако нет ни документов, в которых бы эта самая вешалка фигурировала, ни очевидцев, помнящих слова о ней. Вполне вероятно, что фраза могла родиться из письма Станиславского гардеробщикам МХАТа, где он писал: «Наш Художественный театр отличается от многих других театров тем, что в нем спектакль начинается с момента входа в здание театра. Вы первые встречаете проходящих зрителей...».

Экскурсия в Большой театр

Была я на экскурсии в Большом театре.

Не удивляйтесь. Одно дело – ходить туда на работу, а другое дело...

Отправилась я туда с небольшой компанией блогеров.

Как попасть на такую экскурсию, можно узнать на сайте Большого театра.

В первую очередь мы отправились знакомиться с Бетховенским залом.

Располагается он под фонтаном. Тем самым, который на Театральной площади.

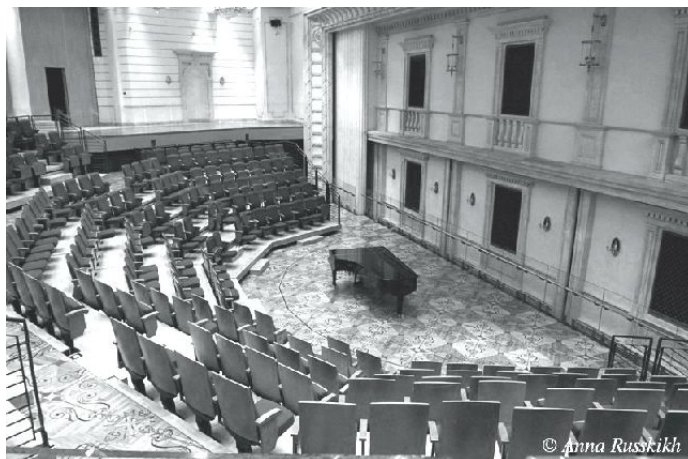
За стеной, напоминающей фасад старого Петровского театра, проходит зеленая ветка метро.

Бетховенский зал – зал-трансформер.

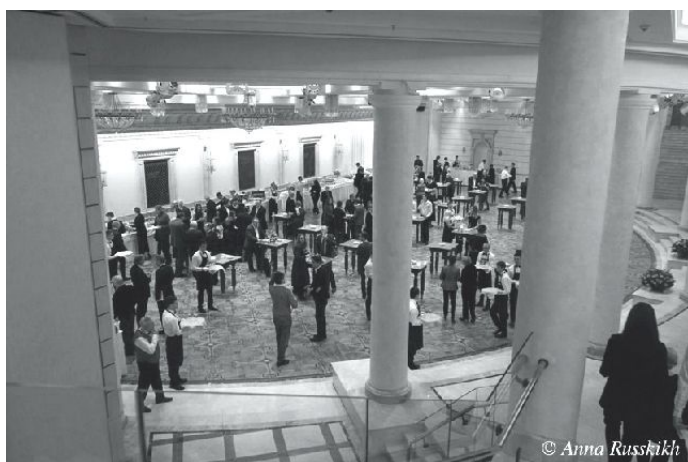
Кресла складываются, пол поднимается и пол становится абсолютно ровным.

Здесь проходят концерты оркестра, творческие встречи, пресс-конференции, камерные спектакли и ...

... приемы, банкеты...

В моменты проведения торжеств зал выглядит вот так.

Ну а мы покидаем Бетховенский и отправляемся...

на основную сцену. Вернее в зал...

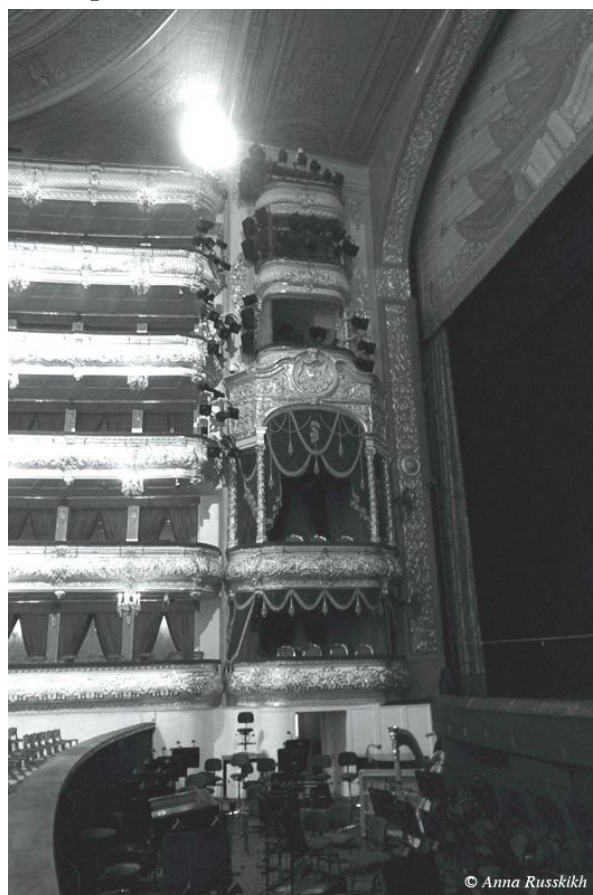

Когда мы вошли, сцена была закрыта черным занавесом, за которым раздавался стук молотка. Но пока экскурсанты фотографировали красоту и позолоту, занавес подняли и перед нами предстали декорации оперы «Манон Леско», которую давали вечером.

Обычно я их наблюдаю с обратной, задней, стороны, когда пробегаю по заднику с одной стороны сцены на другую. И вот, наконец, избушки повернулись ко мне лицом.

Эти две ложи справа, практически над сценой, всегда считались правительственными. В верхней любил сидеть И.В. Сталин, внизу – министр культуры СССР П.Н. Демичев, жена первого президента России – Наина Ельцина. Порой, сидят там и VIP-гости.

Великолепная люстра Большого.

Я, кстати, люблю ее больше вот такой... Сверкающей в тусклом свете дежурного освещения. Нет в ней вычурности, помпезности. Но при этом она, бесспорно, красива.

Царская ложа.

Тут, я думаю, комментарии излишни.

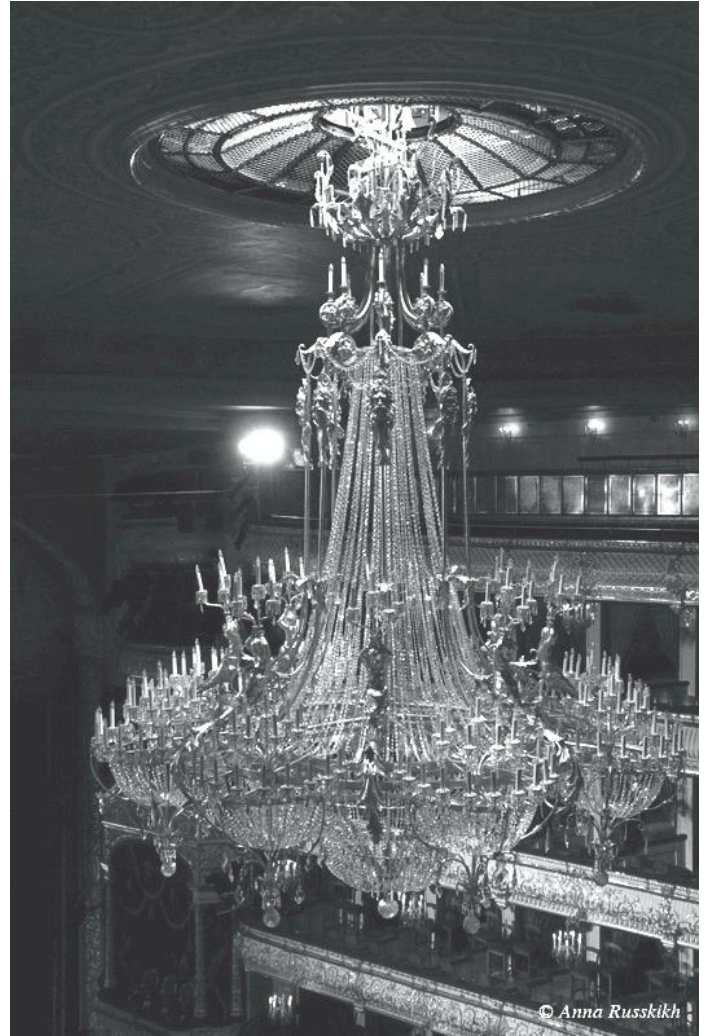

Ну а мы наверх, поближе к плафону и люстре

Раньше, когда освещение было свечное — люстру, чтобы зажечь или погасить, поднимали в специальное помещение между потолком зала и крышей театра.

Так же, если мне не изменяет память, ее и мыли.

Сейчас, чтобы очистить от грязи и пыли хрустальные детали, люстру опускают вниз...

Раньше на четвертом ярусе было четыре ряда кресел и диванчиков. Сейчас их убрали. Теперь здесь только стоячие места.

Билеты сюда можно купить даже за сто рублей.

Но продаются они по предъявлению студенческого билета и практически перед началом спектакля.

Во время нашей экскурсии мы поднялись на Верхнюю, репетиционную, сцену.

Репетировали «Сильфиду». Фотографировать нельзя.

Да и оркестровая яма была закрыта.

И снова зал...

Наша экскурсия продолжилась в Белом фойе. Ну да, знаю. Горизонт завалила :)

А эта люстра висит в Императорском фойе

Здесь все осталось так, как было сделано к коронации Николая Второго.

Кстати, в небольшом шкафу расположилась часть коллекции серебра и хрусталя, как говорят, еще дореволюционного. Раньше вся эта красота была выставлена в большом дубовом шкафу который стоял в центральном буфете Большого театра на первом этаже.

Сейчас этого буфета нет, как впрочем и дубового шкафа. Но если вместо буфета теперь лифт и эскалатор вниз, в Бетховенский зал, то судьба шкафа неизвестна.

А вот про часы ничего сказать не могу. Чьи они и откуда появились не в курсе.

Бывший Бетховенский, а ныне Императорский зал.

Сейчас в антракте здесь прогуливаются зрители. В царские времена здесь гулял сам император. Ну, а во времена советские и в 90-е годы здесь проходили концерты, встречи и профсоюзные собрания.

Одни из немногих сохранившихся бронзовых деталей интерьера.

Ткань на стенах и панно – начала прошлого столетия. Они лишь реставрировались, но никогда не менялись.

А мы, пробежав через белое фойе, оказываемся в противоположном его конце.

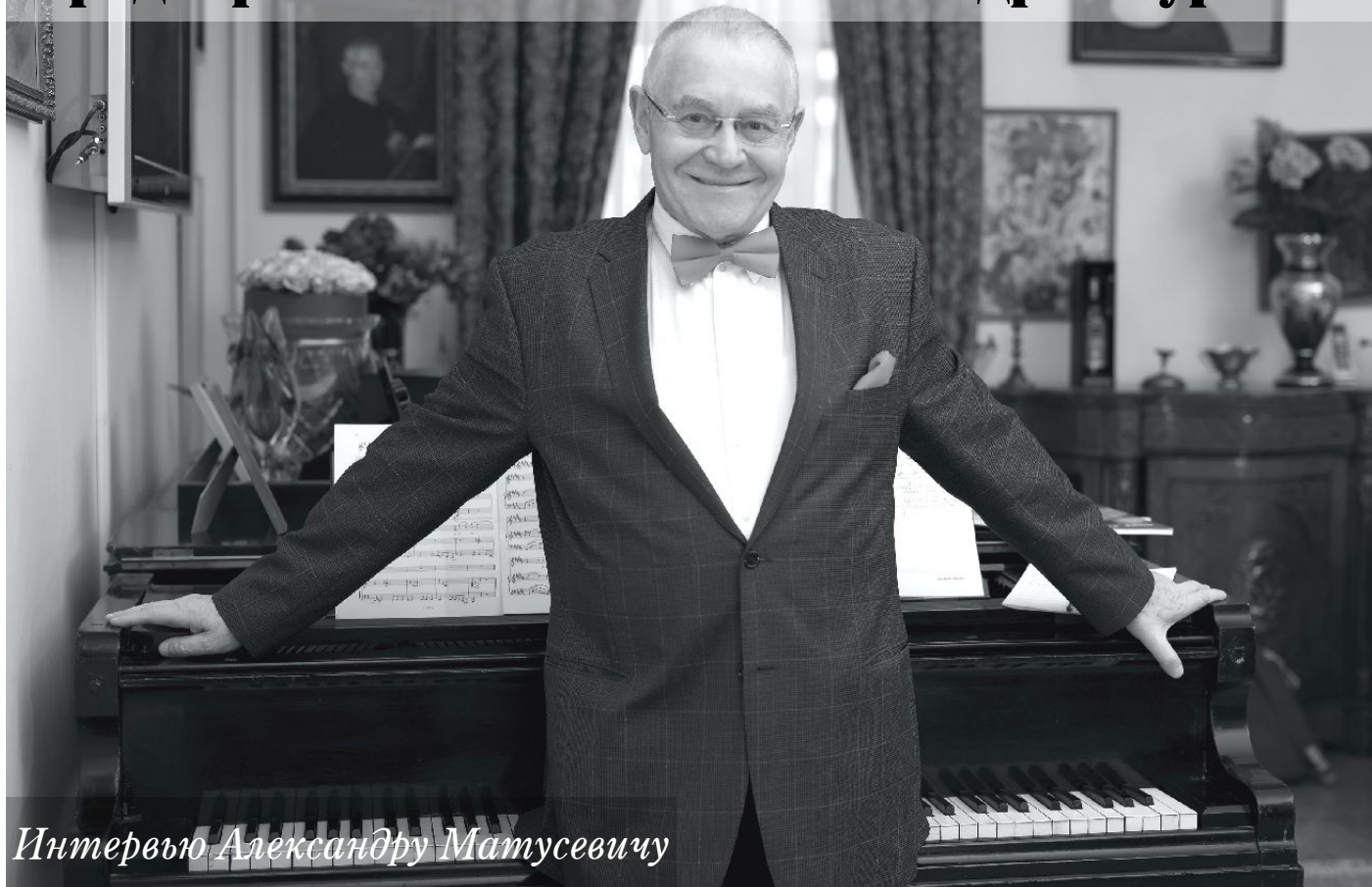
Здесь, в бывшем хоровом зале, располагаются временные тематические экспозиции музея Большого театра.

Эта выставка посвящена талантливейшим художникам – Сергею и Татьяне Бархиным, а также Валерию Левенталю.

Ну вот и, собственно, вся прогулка, которая заняла у нас чуть более двух часов.

Предварительные итоги Александра Журбина

Интервью Александру Матусевичу

7 августа 2020 года бриллиантовый юбилей празднует замечательный отечественный композитор Александр Борисович Журбин. Журбин – уникальное явление в отечественной музыкальной культуре: новатор и первопроходец, каких еще поискать, дерзновенно экспериментировавший на территориях, на которые советскому композитору заходить было категорически не рекомендовано, и в то же время – рыцарь красоты, не боявшийся прослыть старомодным в эпоху, когда красота не в чести.

Он известен, прежде всего, как театральный композитор, автор почти полусотни мюзиклов, а о том, что его перу принадлежит первая отечественная рок-опера, знает, кажется, каждый, даже весьма далекий от темы человек.

Небезынтересно, что «корифей легкого жанра» сочинил дюжину опер и три балета, то есть сделал очень немало в области академических театральных жанров. Значителен его вклад и в камерную и симфоническую музыку. Журбину принадлежит около шести десятков опусов нетеатральной музыки, среди которых – симфонии (пять!), концерты для различных инструментов с оркестром, камерные ансамбли для самых различных инструментальных составов, оратории, вокальные циклы и т. д. и т. п.

За сорок с лишним лет творческих поисков в музыкальном театре композитор Александр Журбин прошел огромный путь от автора зонговых рок-опер и мюзиклов к полноценным оперным полотнам академического толка.

В своем оперном творчестве Журбин всегда остается верен себе: его оперы выстроены по всем канонам жанра: в них есть более чем занимательная история, есть драматургическое развитие, но самое главное – есть место человеческому голосу, пению, мелодии. Именно мелодии, пусть сложной и заковыристой (хотя и вполне «сладенькие», простые для восприятия мотивчики попадаются), насыщенной причудливой интерваликой, но все же мелодии, а не одному «скучному» речитативу или вовсе лишь неким акустическим эффектам, как во многих современных композициях, претендующих быть операми. В этом смысле, Журбин развивает классические традиции, и его смело можно назвать наследником русской национальной оперной школы. И, конечно, на этом пути он встречает серьезное непонимание – именно поэтому его оперы часто записывают в мюзиклы: «Разве может современная опера содержать мелодические мотивы? Это нафталин, XIX век!» – восклицают сторонники «современной» музыки.

Музыка Журбина ярка и свежа, изобретательна и захватывающа, очаровывает с первого звука великолепной мелодикой, обжигает энергией, настоящим драйвом, обладает всеми признаками выдающейся именно театральной музыки – с увлекательной драматургией, с контрастами и переключениями, с эпичностью характеров, с блистательной композиторской техникой. Его музыка, при всем мастерстве, написана сердцем, а потому находит отклик в каждой тонко чувствующей душе.

– Считается, что юбилей – повод подводить какие-то итоги. Особенно такой значимый, как у Вас сейчас. Какие итоги Вас радуют, а какие, быть может, и огорчают?

– В принципе, я доволен своими итогами. Хотя надеюсь, что они предварительные, а не окончательные. У меня еще есть много планов, есть незаконченные циклы (несколько оперных циклов!) и другие задумки.

Но то, что сделано – «норм», как сейчас говорят. Я начинал, что называется с нуля, и многого добился. Я написал много музыки в разных жанрах, и практически вся эта музыка востребована, ее играют, поют, ставят, записывают, издают – что может быть важнее для композитора! Я написал девять книг – и почти все они стали библиографической редкостью. Я написал много музыки для кино – 67 фильмов! – и многие из этих фильмов известны каждому, живущему в России. Так что грех жаловаться.

Правда, список моих наград, всяких там званий, медалей и прочего – скуден и убог; но в какой-то момент меня это даже стало радовать и забавлять. Не хотите меня награждать – и не надо. Есть у меня враги среди чиновников от культуры – да и бог с ними. Я знаю их по именам, я знаю их в лицо. И ладно! Прожил я жизнь без этого, и ничего. И когда я выступаю в каком-нибудь концерте, и меня спрашивают: «А как вас объявить?» – я говорю: «Объявите просто – композитор Александр Журбин». Пусть будет стыдно тем, кто меня не награждал.

– В своей книге «О временах, о музыке и о себе» Вы провели титаническую работу: откомментировали, рассказали, дали характеристику всему своему музыкальному творчеству. Тоже своего рода подведение итогов. С ее выхода прошло три года – что нового вышло из под Вашего пера за это время, что не описано в книге?

– Я работаю много, работаю все время. За это время я написал книгу «Закулисные тайны и другие истории», она только что вышла в издательстве «АРСИС», и пользуется большим успехом. Написал Шестую симфонию – огромную партитуру. Написал новую оперу-буфф «Счастливый день», завершил цикл романсов на стихи Цветаевой, их там целых 25, и продолжается это два часа (сочинение уже звучало в США и Франции), написал музыку к двум фильмам и нескольким спектаклям. И совсем недавно написал произведение, которое называется «Fine Fantasy for Fadolin» («Изыщная фантазия для фадолин»), и посвятил ее моему сыну Льву Журбину.

– А что такое фадолин?

– Ну, это такой, пока редкий, музыкальный инструмент. Это как бы скрипка, но к ней снизу добавлены еще две струны: получается «ми-ля-ре-соль», а потом «до» и «фа» – отсюда и название «фа-до-лин». Мой сын блестяще играет на этой штуке, хотя вообще-то он скрипач и альтист. Это инструмент с большими виртуозными и акустическими возможностями, с богатым тембром, с огромным диапазоном – от виолончели до скрипки. Пока на нем в мире играет не более двадцати человек, но они все энтузиасты, и верят в то, что этот самый «фадолин» станет не менее популярным, чем альт.

– Знаю, что, как и пять лет назад, к прошлому юбилею, этой осенью Вы планируете большой фестиваль своего творчества. Расскажите, что нас там ожидает интересного, что особенно рекомендуете публике?

– О да, фестиваль задуман грандиозный. Больше, чем все мои предыдущие фестивали... Называется он «Серьезно и легко»: понимаете, как хотите! Этот фестиваль – уже пятый по счету. Первый длился пять дней, второй – две недели, третий – месяц, четвертый – четыре месяца. Ну а пятый должен длиться с 23 сентября по 14 февраля, то есть почти полгода.

Запланировано много интересных премьер. Это и опера «Анна К.» – мое многострадальное произведение, которое уже восемь лет я предлагаю разным театрам. Его либретто написали Анна Родионова и Сергей Плотов по роману Льва Толстого. Предлагал и Большому театру, и уважаемый Туган Теймуразович Сохиев года два держал партитуру, и говорил, что ему очень нравится... А потом вдруг передумал, сказав, что мы ставим балет по «Анне Карениной», и нам не надо еще одно сочинение на эту же тему. Когда я ему попытался возразить, что у вас идет два «Евгения Онегина», и оперный, и балетный вариант, а также две «Пиковых дамы», тоже и в опере, и в балете, – он меня не услышал.

Ну ладно, слава богу, сейчас будет концертное исполнение в Зале Чайковского, надеюсь, что это будет, как сейчас принято называть, semi-staged. Дирижер Валерий Полянский, режиссер Игорь Яцко, солисты из разных театров Москвы.

Будет премьера и другой, совсем новой, оперы «Счастливый день», которую я только что закончил. Эта опера написана в жанре оперы-буффа, жанре давно забытом и похороненном. Последняя великая комическая опера, я думаю, это опера Прокофьева «Обручение в монастыре» (хотя были и другие, но не великие – у Хренникова, Кабалевского и пр.). Год написания – 1940. С тех пор как-то никому в голову не приходит, что можно написать что-то смешное, и при этом для оперных голосов и симфонического оркестра. А мы с либреттистом Михаилом Марфиным решили рискнуть. Не знаю что получилось, увидим на спектакле. Ставят оперу два молодых режиссера – Полина Бертен и Дмитрий Маркин, дирижер Владислав Лаврик. В постановке участвуют хор и оркестр Тульской филармонии, солисты из разных театров.

Ну а теперь бегло перечислю остальное. Концерт-открытие фестиваля в БЗК: мировая премьера Шестой симфонии, фортепианный концерт сыграет Полина Осетинская, пьесы для виолончели – Рустам Комачков, дирижер – Филипп Чижевский.

В «Геликоне» будет концерт вокальной музыки, запланировано участие таких певцов как Дмитрий Ульянов, Василиса Бержанская, Лариса Андреева, Алексей Мочалов, Андрей Батуркин и других.

Будет концерт в Доме актера под названием «Семья Журбиных», будет концерт песен и сцен из мюзиклов в театре «Школа современной пьесы», и много еще всего. А на финал будет постановка совсем нового моего мюзикла в Московском театре оперетты. Он называется «Куртизанка». Тоже мировая премьера.

– Помню, что силами Капеллы Полянского десять лет назад была представлена Ваша другая опера – «Альберт и Жизель». Какова ее судьба, ведь ее сюжет – как раз для нашей публики, столь трепетно любящей балет Адана?

– Увы, она так и не поставлена ни в одном театре. Критики в своей массе просто проигнорировали, и не пришли на это исполнение, публика была в восторге – но на этом все и кончилось. Но я верю – придет время и для этой оперы. Ведь хорошо сделанная работа никогда не пропадает. А эта опера, извините за нескромность, сделана хорошо. И она является первой частью оперной трилогии, которую я называю «Оперы для людей». Две других – это «Анна К.» и «Счастливый день».

– Именно «для людей», для широкой публики, Вы – кинокомпозитор, автор мюзиклов и популярных песен. Мешал ли помогал этот приросший штамп Вам уже как автору сугубо академических опусов, коих у вас внушительное количество?

– Это не простой вопрос. Вообще моя жизнь как-то странно разделилась на три части: своего рода трехчастная, репризная форма. Сначала, до 1975 года, я писал исключительно академи-

ческую музыку – симфонии, сонаты, квартеты, оратории и т.д., и был, как говорится, широко известен в узких кругах. Потом, в 1975, написал рок-оперу «Орфей и Эвридика», еще через год написал песню «Мольба» (получившую гран-при в Сопоте), и неожиданно стал известен всем, но именно как эстрадный, мюзикльный композитор. И понеслось: заказы, телевидение, певцы, певицы, кино, театры, я еле успевал написать все, что меня просили. И это продолжалось довольно долго. А сейчас, земную жизнь пройдя намного дальше, чем до середины, я вдруг вернулся к началу. Я опять пишу симфонии, пишу академические оперы (никакие ни рок- и не зонг-оперы), и мне это очень нравится. А от эстрады я как-то незаметно отошел. И эстрадой не интересуюсь. Но если просят написать песню – ну, скажем, для спектакля или для фильма – могу и написать. Но только в моем духе, то, что я умею, не подражая рэпперам и скрэпперам (scarper – в боксе: агрессивный драчун). Мои песни – душевные, мелодичные, так, как нас учили, и как у нас принято. А то, что меня узнают на улице и начинают мне напевать: «Ах, эти тучи в голубом», – ну, что поделаешь! Это приятно. Такая судьба!

– Ваша героиня последних лет – опера, а вовсе не привычный всем в отношении Вас мюзикл: Вы пишете новые оперы, сами часто бываете в оперном театре, пишете об операх, их постановках (хотя бы в своих блистательных репортажах из «Метрополитен»). Почему опера так Вас захватывает – кажется, большинство Ваших коллег уже давно смирились, что жанр неперспективный во всех отношениях?

– Это правда, я один из немногих, кто продолжает писать традиционные оперы, оперы для голосов бельканто, для большого оркестра, оперы с внятным сюжетом, опирающиеся на настоящую литературу.

Наверное, потому что я воспитан на классической опере, с детства слушал пластинки, где пели (по-русски!) артисты Большого театра, и это каким-то образом проникло мне в душу.

Вообще на Западе есть немало композиторов, пишущих оперы, но это совсем другие оперы. Они или бессюжетные, или с абсурдным сюжетом, или со страшным, убийственным сюжетом – ну вот, как виденная мною в Антверпене опера по роману Джона Литтла «Благоволительницы». Роман этот переведен на русский язык, его можно почитать. Это исповедь эсэсовца, фанатика и извращенца, и боюсь, если я начну подробно описывать, что в этом романе происходит, цензура этого не пропустит. И в опере на сцене – то же самое, только усугубленное. В процессе просмотра и слушания этой оперы есть что-то садомазохистское. Но ничего, люди во Фландрии терпят, привыкли, наверное.

Но это не для меня. И не для 95 процентов людей, которых я знаю. И я никогда на подобную тему оперу писать не буду. А те пять процентов, которым это нравится, – пусть слушают, и ощущают себя сливками общества, элитой. А я буду писать «оперы для людей».

Хотя у меня тоже есть довольно жесткие произведения. Например, опера «Мелкий бес», идущая в Большом театре на Камерной сцене, – она тоже включена в программу моего фестиваля. Там тоже есть немало гадкого и отвратительного. Но после нее люди выходят с ощущением надежды. Это главное, что должен дать художник публике. И я никогда об этом не забываю. И верю, что за оперой – будущее. Только за настоящей оперой...

– Кстати, почему опера так сдала свои позиции – в XIX веке это был мейнстрим, а теперь оперные театры практически только оперы позапрошлого века и ставят?

– Потому что в XX веке опера, после Берга, Рихарда Штрауса, Прокофьева, Бриттена, вдруг встала на «кривую дорогу». Интенданты оперных театров, бесконечно подзуживаемые ангажи-

рованными критиками, и псевдо-элитными модниками (а «их есть» в каждом городе мира человек 500-700), стали все больше погружаться в мир авангарда и абсурда. Оперы Нono и Вольфганга Рима, цикл опер Штокхаузена из семи штук под названием «Свет», оперы финки Кайи Саариахо и англичанина Томаса Адеса – только где они? Я не буду сейчас обсуждать их качество, хотя скажу по секрету: они мне не нравятся! Но где они? Кто их ставит? В каких театрах они идут? Два-три спектакля в одном городе, потом через три года еще два-три спектакля в другом. И все. После этого – забвение, смерть. Нет в мире множества людей, которые были бы согласны заплатить 200-300 долларов за билет, чтобы несколько часов подряд слушать невероятно длинную и скучную, чаще всего бессюжетную «бодягу».

А, тем временем, все музыкальные театры мира ставят все те же два десятка опер из XIX века. И народу всюду полно.

– Вы имеете возможность постоянно сравнивать московскую и нью-йоркскую оперную, и шире – музыкальную – жизнь. Что в них общего и чем они отличаются? Какая Вам интереснее и чем?

– К сожалению, обо всем теперь надо говорить в прошлом. Пандемия нанесла очень сильный удар, и в первую очередь по артистам, певцам, музыкантам. Жизнь во всех мировых культурных столицах сильно изменилась за последние несколько месяцев, и вернется к тому, что было, нескоро. Если вообще вернется.

Тем не менее, не могу не сказать, что мне повезло, и я долгое время, с конца 1980-х годов и по 2020-й, постоянно жил в двух городах, двух крупнейших мировых музыкальных центрах – Москве и Нью-Йорке. И по личному опыту скажу, что и там, и там культурная жизнь насыщена – а иногда и перенасыщена – событиями невероятного уровня, международного класса. Сейчас не место всерьез заниматься анализом и сравнением этих двух городов в культурном смысле. Но просто несколько цифр.

В Нью-Йорке минимум четыре музея мирового класса: «Метро-политен», «МоМа», Гуггенхайм и Уитни. В Москве – только два. Зато в Москве четыре концертных зала мирового класса: Консерватория, Зал Чайковского, Дом Музыки и Зарядье. В Нью-Йорке – только два: «Карнеги-холл» и «Дэвид Геффен холл» (правда, сейчас появился третий – «Shed» на пересечении 30-й улицы и 10-й авеню, но пока многие артисты им недовольны).

В Нью-Йорке бесконечно выступают симфонические оркестры со всех концов Америки и мира, здесь вы можете увидеть самых великих маэстро планеты в течение одного месяца. В Москву великие оркестры и их руководители приезжают крайне редко.

Зато в Нью-Йорке всего один оперный театр – «Метрополитен-опера». Правда, многие считают его лучшим оперным театром мира. А в Москве оперных театров целых семь – больше, чем где бы то ни было на земле. И это хорошо. И мы этим гордимся.

В Нью-Йорке около сорока театров ставят мюзиклы. А в Москве – полтора...

Но дело не в количестве, конечно. Дело в качестве. И здесь я остановлюсь. Потому что это совсем разные вещи – культурная жизнь Нью-Йорка и Москвы. Тут надо написать отдельное эссе. Или диссертацию. Но это – когда-нибудь потом.

– Кстати о диссертации. Вы писали в свое время диссертацию о Малере, много позже – сделали его героем своего оперного триптиха «Метаморфозы любви». Это особый композитор для Вас?

– Да, это правда, Малер для меня всегда был некоей особой точкой, особой «эротической зоной» на карте мировой музыки.

Я действительно увлекся его музыкой лет в 14, когда она практически не звучала в СССР, и достать пластинки было невозможно. И все же я как-то ухищрялся и умудрялся что-то слушать и что-то читать о нем. А в 1964 году вышла книга «Густав Малер. Письма. Воспоминания» под редакцией Инны Барсовой, и я ее зачитал до дыр. Это, плюс десяти томник Томаса Манна, вышедший примерно в это же время, изменили мою судьбу – я стал фанатом Европы на переломе веков, и музыки Густава Малера. Это осталось и до сих пор. И моя одноактная опера «Альма, или Измена» (идет в МАМТе как часть триптиха «Метаморфозы любви») посвящена жизни и смерти великого композитора. Конечно, сейчас я слушаю музыку Малера гораздо реже, чем раньше. И все же, когда плохое настроение – поставлю что-нибудь любимое – Девятую симфонию, или «Песнь о земле» – и настроение поднимается.

– Малер не написал ни одной оперы, но был гениальным оперным дирижером и организатором оперного театра. Почему он не сказал своего композиторского слова в этой стихии, которую чувствовал и понимал, как никто?

– Ну, на самом деле все-таки одна опера у него есть, вернее, пол-оперы: он был соавтором другого композитора, а именно великого Карла Марии Вебера, в создании оперы «Три Пинто», и по слухам, влюбился в жену Карла Вебера-младшего, внука композитора, который и предложил ему эту работу. Но опера, получилась, на мой взгляд, так себе...

– Да-да, ее ставили относительно недавно в Театре Покровского...

– На самом деле Малер мечтал написать оперу, и несколько раз брался за разные сюжеты, но, увы, не осталось ни музыкальных эскизов, ни либретто. Вполне возможно, что его гениальные вокальные циклы, особенно такой как «Песни об умерших детях», или вторая часть Восьмой симфонии, написанной, как известно, на тексты Гете из второй части «Фауста», в каком-то смысле замещают оперу в его наследии.

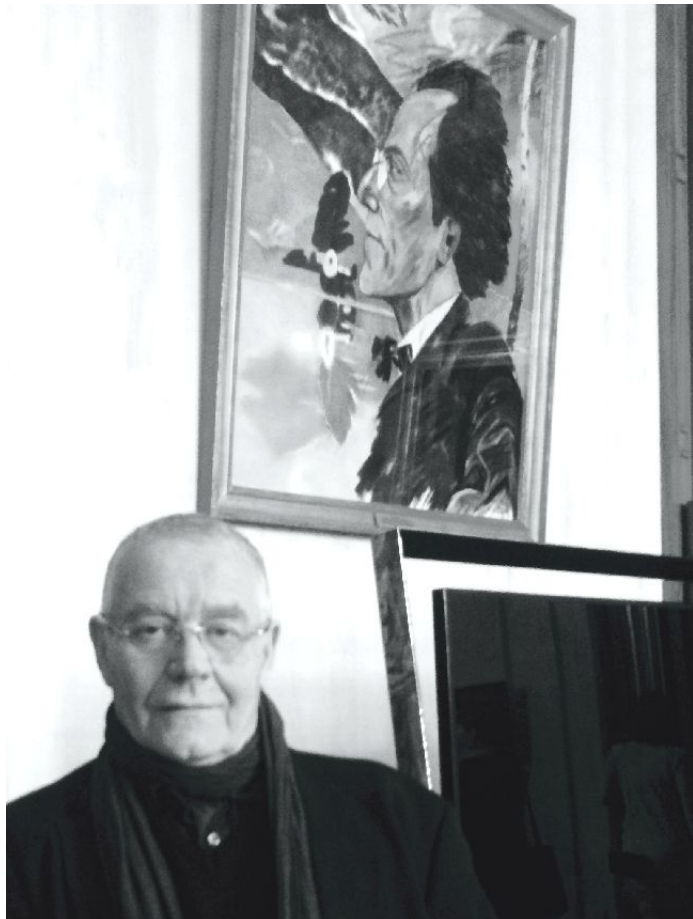
– Вы следите за новинками западной композиторской мысли? Что-то Вас по-настоящему привлекло, порадовало в последнее время?

– Увы, ничего нового, ничего интересного. Весь так называемый «авангард» я слышал уже в 70-е годы, когда ездил ежегодно на «Варшавскую осень». К сожалению, все повторяется, и оттого, что придумываются новые названия, типа спектральная музыка, пост-спектральная музыка, компьютерно-ассистированная музыка (computer-assisted music) – это все уже было давным-давно, и это такая же хрень, как когда-то распропагандированная Ксенакисом «стохастическая музыка». Случайные сочетания, не зависящие от воли композитора, а зависящие от программ мощного компьютера – может, это и интересно с точки зрения программирования, но никак не относится к искусству, к художеству.

И я буду неустанно повторять – я против. Композиторское искусство – очень тонкая и нежная вещь, его надо холить и лелеять, передавать из рук в руки. И я уверен – все эти новейшие вещи уйдут. Как ушли все предыдущие «измы». А останется музыка, обращающаяся к человеку, к его Душе.

– Как Вы относитесь к музыкальной критике? К Вам она благоволила на Вашем творческом пути? Есть мнение, что действительно серьезная музыкальная критика практически умерла – Вы согласны с таким приговором?

– Серьезный вопрос. И очень важный. Но не для России. В России музыкальная критика действительно умирает, а, может, и уже умерла. То, что осталось – это «клановые разборки». Совершенно ясно, что если придет критик Н, то он напишет гадость про композитора М, или режиссера Л. А если критик А – то он похвалит певца Б, и балетмейстера Ф. Это все заранее

известно, и уже даже не интересно. А самое главное – никто эти критические статьи не читает, (кроме коллег-критиков) и, насколько я знаю, жанр рецензии практически изгнан с журнальных и газетных страниц, и из любых других СМИ, в том числе из радио и телевидения. Только интернет пишет комментарии в соцсетях, но там два-три толковых рассуждения перебиваются сотней безумных визгов и воплей.

А, между тем, критик – важнейший человек в музыкальной индустрии, и я глубоко уважаю настоящих критиков, музыковедов, музыкальных историков. Они приносят колоссальную пользу, они формируют процесс, и именно благодаря великим критикам, таким как Теодор Адорно, Алекс Росс, Энтони Томмазини, наши Михаил Семенович Друскин, Александр Ивашкин, или таким пишущим композиторам, как Альфред Шнитке или Сергей Слонимский ранее всегда существовал «прочный забор», препятствовавший всякой «музыковедческой нечисти», как говаривал Геннадий Николаевич Рождественский.

Человек, пишущий о музыке, должен быть всесторонне образован, но, прежде всего, должен быть музыкантом, уметь обращаться с нотным текстом, разбираться в партитуре. А у нас есть критики, выступающие в СМИ и безапелляционно выставяющие оценки певцам и музыкантам, но при этом не знающие, что такое энгармонизм и кадансовый квартсекстаккорд... Очень жаль. На Западе это все-таки пока не так, и эта профессия пока держится. Наиболее крупные газеты и журналы позволяют себе иметь постоянного музыкального критика, а то и двух-трех. Но и там этот «статус кво» тоже деградирует, и очень может быть, что скоро эта профессия вообще исчезнет с лица Земли. И тогда ушлые продюсеры будут за деньги заказывать хвалебные отзывы, шустрые звукозаписывающие фирмы будут записывать всякую бездарь, а всякие там Spotify и Bandcamp будут раздувать и втюхивать огромному количеству лохов эту псевдо-музыку. И зарабатывать при этом несметные богатства. А музыкальные критики пойдут изучать новые профессии. Вот такие я вижу перспективы. О дивный, новый мир! Идущие на смерть приветствуют тебя.

АВСТРАЛИЯ

Наталья КРОФЕТС

Родилась в 1976г. в городе Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. Сейчас живёт в городе Сидней, Австралия.

Автор двух поэтических сборников. Стихи, рассказы и переводы публиковались в русскоязычной периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе – «Согласование времён», «Золотое перо Руси», «Цветаевская Осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира переводчиков «Пушкин в Британии».

* * *

Разрыв. Фигурка схватится за бок –
живой лубок.
Час новостей. Адреналин. Игра.
Ты щёлкнешь кнопкой – и конец. Нет ран,
потери, смерти, зла... Застынет крик.
Ты – в капсуле. В скафандре. Ты – внутри.
Замри.

Замри. Ни с места. Стой, нельзя наружу –
за рамки, за обложку, из себя –
к соседям, соплеменникам, со-душам –
задушат.
Ты – мишень. Рога трубят.
Охота. Крестный ход на бордаж,
на брата, на врага, на тот этаж,
где нагло распускаются герани –
цвет мяса в ране.

Где ты уже – игрушка на экране.
Ты раб. Под рьяный рёв других рабов
на солнечной арене Колизея
ты умираешь. Крик – и мы глазеем
на красное на острие зубов.
Агония. И гонка – мчатся снимки
в Facebook, диктует Сапон свой канон:
у трупа, у меча, со львом в обнимку.
И лают «лайки»: кадры – как в кино,

где даже смерть кошмарная – прекрасна,
где люди растворяются на красном –
заката, крови. Жажда на губах –
адреналина! – зрелищ, твиттов, хлеба,
убойных кадров: нас на фоне неба –
красивых,
молодых,
в гробах.

ПОЭТ ЭПОХИ ДИНОЗАВРОВ

Я – нефть. Я выжил. Я не сгнил
среди поклонников и лавров.
Пройдя свозь тысячи горнил,
я стал живучее чернил –
поэт эпохи динозавров.

Я – нефть. Я – золото. Я – власть.
Я снова пробуждаю страсть –
певец покойный.
Как миллиарды лет назад,
взрываюсь, превращая в ад
мирок спокойный.

Я – нефть. Я – топливо. Я – снедь.
Меня опять сжирает пламя.
И, птеродактильно дыша,
моя крылатая душа
кружит над вами.

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов –
одинокость, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою
окрылённую тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,
только совы от солнца застынут,
только молится вьюга вслух.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.
Обезвращенный.
Обезвреженный.
И почти уже
не земной.

ФЕВРАЛЬ

* * *

Антиподное лето. Февраль от жары разомлел,
развалился, разнежился на эвкалиптовом воздухе –
словно ящерка, что под окном распласталась на ворохе
заскорузлой листвы. На прожаренной этой земле,
прокалённой, калеченой засухой, чёрной – но заново
выпускающей жизнь на смолистую, жжёную паль –
на земле этой южной удушливо-пряный февраль –
ни пролётки, ни слякоти – будит несытое зарево
смертоносных пожаров. И дарит искристую синь
беззаботного пляжа, где шумно, и девочка пляшет
у останков рождественской ёлки. Раздет апельсин –
ароматное солнце. У берега – брызги и радуга.
Австралийский февраль – это жизнь. Он калечит и радует.

Что же, радуй, резвись. Буду ящеркой юркой лежать
на ладони у света, вдали от угара и сора,
даже зная – однажды сюда доберётся пожар –
и обнимет меня. Убаюкает. Может быть – скоро.

ЗАРИСОВКА ИЗ ШРИ-ЛАНКИ

Конец июля. Влажная жара.
Здесь мошкара, молясь, кружится в танце
на тёмных ликах сказочных посланцев
других миров. Даров цветистый ряд.
Обряд. Поют, жуют, снуют – и спят.
Вхожу в толпу. Всё жарче заклинанья,
гуденье просьб. Мы движемся вперёд,
под ступы белокаменный живот,
беременный уже ненужным знаньем,
мы, пилигримы, суетная нить –
коснуться, помолиться – и забыть.
Шуршанье ног, жужжанье мух и слов –
но древний взгляд скользит поверх голов.

Назад иду сквозь лес. Он тих и пуст.
Вдруг хрустнет ветка, хитро и упруго:
в глаза мне глянет крохотный мангуст.
И – Будда правый! – мы поймём друг друга.

О НАС

В порыве, в огне и в пыли безотчётно сметая
налаженный быт, превратив его в жаркую небыль,
взорвётся накопленной страстью вулкан Кракатау –
и ринется в небо.

Под рокот и грохот, в горячке искрясь от каленья,
он рад, как ребёнок, свободе от уз и уступов.
И долго ещё будут волны голубить колени
обугленных трупов.

А после – уляжется буря, и, дни коротая,
спокойное море разнежится, пепел размочит.
Но жадно потянется к небу Дитя Кракатау.
Пока ещё – молча.

Отраженье гор на воде – впритык
к отраженью туч. Ухожу за край.
Погоди. Остаться бы. Я привык
говорить себе: «Поиграй».

Ты играй, не бойся, что будет час,
леденящий миг на краю зари –
незнакомый голос прошепчет: «Раз...»
Ближе: «Два» ... И потом –
«Замри».

Я замру. Надолго. На сотни лет.
Покачнётся небо, прольёт кагор.
Остаются – вечность. Мой хрупкий след.
Отраженье туч. Отраженье гор.

КРАЙ

Край света. Свято поверишь в это – кругом раздрай,
грубит народец, погрязший в дрязгах, сварливей Грай.

Но даже если ты вдруг пролез бы в цветущий рай,
где чужды лица – хоть рой землицу, хоть помирай –

недолго спиться, упасть на спицу в таком раю.
Край света. Свита твоя верёвка. Ты – на краю.

А в центре мира – тепло камина, огонь свечи,
живёшь без грима, и беды – мимо, и кот мурчит.

Там – *рук сплетенье*, там свет и тени живут в ладу.
Край света – это где нас не любят. Где нас не ждут.

* * *

Время съёжилось.
Мрачно забилося в паркетную щель –
то ли стыдно ему,
то ли – мне.
И вообще,
больше не о чем –
незачем –
с ним разговаривать.
Полоумный старик –
время месит болотно-тягучее, жгучее варево
из нелепых обрядов, обетов, несытых утроб,
похорон и хвороб,
из ворованных мыслей, восторженных чувств и вороньего
грая.

Может, просто играет.
Войнушки –
любимая с детства игра.
И стирается грань –
на экране –
то Звёздные войны,
то – пылает Рейхстаг,
то – пылает над полем рассвет –
Куликовым, кровавым –
скажите, какой это век?..

Башкортостан

Михаил Смирнов

Смирнов Михаил Иванович, родился в городе Салавате, год рождения: 27 сентября 1958 г., печатался: «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Молодая гвардия», «Литера», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Казань», «Белая скала», «Балтика», «Простор», «ДОН_новый», «Камертон», «Родная Кубань», «Воскресение», «Великоросс», «Гостиная», «Север», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Огни над Бией», «Отчий край», «Петровский мост», «Луч», «ЛиФт», «Кольцо А», «Приокские зори», «Жемчужина», «Новый континент», «Нёман», «Слово\Word», «Зарубежные заворски» и др.

Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп»;

Лауреат Всероссийской литературной премии «ЛЕВША» имени Н. С. Лескова;

Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н.

Толстого; Лауреат международного литературного конкурса на соискание премии им. А. И. Куприна;

Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и мн. др.

Люди-птицы

Алёшка, сидевший на крылечке, потёр красные воспалённые глаза и поёжился, поправляя старую куртку. Казалось, солнце пригревает, а потянет ветерок и сразу знобит. Что ни говори – осень на дворе. Он вздохнул. Вот уж который день не спит. Вроде закроешь глаза, а сон не идёт. Всё бабу Шуру вспоминает. К ней привязался, когда родители померли. Баба Шура забрала его к себе. Одна жила. Дед Василий давно пропал. Вышел на двор и исчез. Долго искали, но не нашли. Разное говорили в деревне, будто он с нечистой водится, но чаще дурачком называли, но баба Шура никого не велела слушать. Говорила, что дед Василий хорошим мужиком был. Пусть у него мозги набекрень и со своей чудинкой, но все люди такие же, как дед и ничем не лучше, а может и похуже, но скрывают это. И обещала, когда Алёшка вырастет, рассказать про него. Алёшка остался жить с баб Шурой. В школе слабенёк учился. Бог ума не дал, как соседи говорили. Учителя махнули рукой, что толку тратить на него время, если ветер в голове гуляет. В одно ухо влетает, а из другого со свистом выскакивает. Сидит на уроках и ворон в небе считает. А бывало по осени, когда птицы собирались в стаи, Алёшка выскакивал из класса и начинал кружить по двору, словно взлететь пытался. Девчонки смеялись и дураком обзывали, а мальчишки нередко лупили его, а он ни на кого не обижался. Он смотрел на всех и улыбался – широко и радостно. Учителя головой качали, мол, бабка Шурка, ты намучаешься с внуком-то. А когда тебя не будет, совсем пропадёт паренёк. И советовали, чтобы сдала его в детдом или в специальный интернат, где такие же живут, как он, а то и похуже. Убогие – одним словом. А баба Шура хмурилась, и начинала грозить всеми земными и небесными карами, за то, что живого человека хотят на погибель отправить и говорила, что костыми ляжет, но не отдаст родного внука. Пусть мозги

набекрень, как у деда Василия, но он же человек – это главное! Как же можно взять и своими руками родную кровиночку в интернат отдать? И грозила скрюченным пальцем...

Баба Шура повезла внука в райцентр, врачам показала. Может, таблетки или микстуру выпишут, чтобы умишка прибавилось. Всего лишь капельку, а больше и не нужно. Жалко внука, к жизни неприспособлен. Врачи руками развели. Если своего ума нет, чужого не добавишь. Хворобу в башке нашли. Какое-то наследство передалось, как баба Шура всем говорила, а потом смеялась, что богатым будет внук-то и справки показывала, а что там понаписали врачи, чёрт ногу ломает. Махнёт рукой баба Шура и меленько засмеётся, прикрывая беззубый рот уголком косынки. А потом пристроила Алёшку в мастерские. Пусть полы подметает да всякие железяки таскает, чем сиднем сидеть дома. Глядишь, копеечку заработает. Какая-никакая, а помощь. Там Алёшке понравилось. Особенно, когда разрешали в кабине посидеть. Вот уж радовался! И Алёшка стал в мастерской пропадать с утра до вечера. Особенно, когда посевная или уборочная, когда каждая пара рук на вес золота, даже руки убогонького. Вернётся домой, усядется за стол, а сам носом клюёт. Не успеет улечься, уже засопел. И почти всегда один и тот же сон, будто баба Шура стоит возле калитки и ладошкой машет ему, словно подзывает, чтобы поторопился, а сама улыбается и вся светлая-светлая. Родители не снились. Ни разу. Потому что не помнил их. Так, какие-то образы мелькали и всё. И деда Василия не видел, только на фотографии. А баба Шура всегда во сне приходила. Наверное, успевал соскучиться за день. А она жалела его, всё расстраивалась, как он будет жить с птичьими мозгами, если ни к чему не приспособлен. Всё дожидалась, что старшая дочка приедет. Надеялась, что Алёшка

ку к себе заберёт. И не дождалась. Померла. Тихо ушла, незаметно...

Осень на дворе. Пусть солнце не такое яркое и тёплое, а всё же согревает, но ветер прохладный. В теньке сидишь, как задуёт, аж сразу начинает знобить. Осень, ничего не поделаешь... Вон дедка Ефим выбрался из дома, не стал на крыльце сидеть, а на лавочку подался, где солнца побольше. На улицу вышел, чтобы с баб Шурой попрощаться, в последний путь проводить, а потом на лавочке старые кости погреть, покуда солнышко тёплое. Сидит в зимнем пальто с потёртым и облезшим воротником, в шапке, очки на кончик крупного носа сползли, а он не поправляет. Видать, пригрелся и уснул, притулившись к забору. Сидит старик, посыпыхивает...

Алёшка вздохнул и, приложив ладонь к глазам, всмотрелся вдаль. Там желтел густой лес, а опушка покрылась пятнами: где-то зелёные мелькают, в других местах пожухлая трава, а там чернью отдаёт. Издалека донёсся птичий гомон. Алёшка задрал голову, взглянул вверх и не удержался. Вскочил и завертелся на одном месте, размахивая руками, словно крыльями, а сам засвистел, будто с птицами разговаривал и так тоскливо, так больно, словно жаловался, что баб Шура померла, что один остался... Птицы закружились над головой, загомонили, точно за собой звали, а потом скрылись за лесом. Следом за ними потянулась огромная стая. Вон полнеба закрыли. Гомонят и гомонят... В осенние дни Алёшка места себе не находил. Закружат птицы над головой, и тут же словно душу в кулак сжимают. Непонятная тревога охватывала, тоскливо становилось на душе, как-то неуютно, но в то же время был необъяснимый восторг, и ему хотелось разбежаться, вытянуться в струнку, взмахнуть руками, закричать громко и протяжно, взлететь над деревней и помчаться вслед за птицами...

— Алёшка, ну-ка, прекрати! — крикнула баба Шура и нахмурилась, когда впервые заметила, что он, раскинув руки, мечется на краю высокого обрыва, а над головой кружилась стая птиц. — Отойди от края. Упадёшь. Костей не соберёшь. Уйди, пока не отлупила! Весь в деда уродился. Таким же был — мозги набекрень. Узнала про это, да поздно. Замуж выдали, а потом сказали, будто у моего Васьки с головой не в порядке. Вся деревня потешалась, когда он в птицу превращался, — и опять закричала, намахнувшись тряпкой. — Ну-ка, хватит кружиться, живо по заднице надаю. Кыш, кыш отсюда! Ишь, разлетались! Мало, один пропал, так ещё и внука за собой тащите. Летите отсюда, летите, — и тут же повернулась к Алёшке. — Твой дед Василий начинал чудить, когда осень наступала, и птицы в стаи собирались. Он следом за ними рвался. Говорил, что душа мается, места не может найти. Встанет посередь улицы, задрёт бошку и смотрит в небо, где птицы кружат, а сам квохчет, вскрикивает, словно с ними разговаривает. И птицы ниже опускались, тоже криком исходили. Столько было, что белый свет застилал. А твой дед Василий раскинет руки в стороны и начинает кружиться и хлопает себя по бокам, хлопает, словно крыльями, а потом взмахнёт руками, тоненько вскрикнет, словно прощается с ними, и птицы выше поднимались, ещё кружочек делали над двором и улетали. А дед усядется посередь дороги и с тоской глядит вслед. И так до следующей стаи. И так, пока последние птицы не улетят... А потом дед Василий пропал. Вышел на двор. Всё на крыльчке курил и прислушивался, как птицы летели. Я выглянула — он кружится по улице, руками машет. Позвала, а он не слышит, на небо смотрит, и ото всюду птицы кричали, словно за собой звали. И так мне тоскливо стало на душе, аж в груди защемило. Вышла на двор, гляжу, на крыльчке папироски лежат, спички, а деда Василия нет. Думала, может к кому-нить подался. Всё ждала, что вер-

нётся, ан нет, так и пропал, и до сей поры не могут найти. Может птицы забрали с собой, а может рассудок потерял и теперь лежит в какой-нить больнице с решётками и даже имени своего не помнит. Никто не знает, где он и я — тоже...

И баба Шура посмотрела на тёмное небо...

Алёшка поднялся. Потоптался на крыльчке и с неохотой зашлёпал в избу. Сегодня снесли на мазарки бабу Шуру. Она лежала, как принято, три дня в избе, и каждый раз, когда свечи догорали, кто-то из старушек, что сидели возле гробика, неслышно поднимались и меняли свечи, зажигая новые, и опять присаживались на лавку, горестно покачивая головой. Это дядька Кондратий смастерил гробик. Небольшой. Лёгонький, как сама баба Шура. Алёшка хотел помочь ему, но дядька Кондратий прогнал. Велел возле двора сидеть и никуда не уходить. Соседки приходили, обмыли, переодели в смертную одежду, какую Алёшка вытащил из старого сундука — это давным-давно бабка Шура показала и велела, ежели она преставится, отдать соседям, а они разберутся, что к чему. Так и получилось...

Бабка Шура тихо, неприметно прожила свою жизнь. И ушла так же тихо. Правда, последние дни твердила, как же Алёшка останется один. Он же не знает эту жизнь, не приспособлен к ней, потому что у него своя жизнь, более понятная для него, где чужим не место. Ему легче с птицами разговаривать и, как казалось, они понимали его, чем быть с людьми, которые его прогоняли и смеялись над ним — убогоньким. А если баба Шура помрёт, тогда Алёшка может пропасть без неё, как когда-то исчез дед Василий. Вон уже птицы кружат над двором — его высматривают, как бы с собой не забрали. И тыкала пальцем в потолок. Расстраивалась. И в последний день, ближе к вечеру, всё возле Алёшки ходила и печалилась, что один останется на белом свете и норовила дотронуться до него, по плечу или голове погладить, а он отдёргивался и хмурился. Не нравилось, словно маленького гладит, а он же большой. За окном темно было, когда они собрались спать. Бабка Шура долго сидела на кровати, глядела на него, что-то шептала, а может, молилась, а потом перекрестила его, спящего, и задёрнула занавеску.

Алёшка проснулся утром, в доме тишина, лишь ходики отсчитывали секунды, и запоздалая муха сонно колотилась в окне, а потом притихла. Он поднялся. Вышел на улицу, постоял на крыльце. Не слышно бабки Шуры, зато птицы кружились над двором. На него пикировали и опять взмывали, а на их месте другие появлялись и снова взлетали, а сами криком исходили, словно что-то рассказывали. Алёшка встрепенулся, опять появился какой-то непонятный восторг. Хотелось спуститься во двор, взмахнуть руками, словно крыльями, закричать протяжно и... И следом навалилась тоска, словно к земле придавила, аж дышать тяжело стало. Он оглянулся. Куры бросились к нему, думали, корм насыплет, а он нахмурился, опять взглянул на небо, махнул рукой птицам, чтобы прочь летели, и скрылся в избе. Зашёл в горницу. Отдёрнул занавеску, где стояла кровать бабы Шуры, и уселся на табуретку, что рядом стояла. Казалось, баба Шура спит. Морщинистые руки на груди сложены, а лицо какое-то светлое и спокойное, а по щеке муха ползала, а она лежала и не прогоняла её. Алёшка посидел возле кровати, несколько раз окликнул бабу Шуру, потом дотронулся до руки и отдёрнул. Холодная она — рука-то...

— Баб, вставай, баб, — забубнил Алёшка и снова дотронулся. — Почему лежишь, а? Дай хлеба...

Но баба Шура не шевелилась.

Алёшка опять завздыхал, закрутил лохматой башкой, не зная, что делать, поддёрнул одеяло, прикрывая бабу Шуру, опасливо прикоснулся к руке и опять отдёрнул, потом поднялся и поплёлся к соседке, к тётке Зине, которая частенько его подкармливала, то яблочко совала, то пряник.

— Это... Тёт... — он сунулся в дверь, и затоптался возле порога. — Это... Бабака не встаёт. Я кушать хочу.

И замолчал.

— Как не встаёт? Давно утро, а она... Да неужели померла, — она заметалась по избе. — Я ж вчера с ней говорила. Она всё за тебя тревожилась, да старшую дочку ругала, что не приезжает, а потом взяла молочка, сказала, что кашку потомит в печи и ушла. Как же так, а?

И, прижимая руки ко рту, опять качнула головой.

— Она лежит, — пожимая плечами, повторил Алёшка. — Я проснулся. Подошёл, а она лежит. Холодная. Одеялку поправил. Бабака замёрзла.

Сказал и зябко передёрнул плечами.

— Ой, божечка, беда пришла, — запричитала тётка Зина, рот платком прикрыла и закачала головой, а потом вздрогнула от окрика и засуетилась, повернулась к мужу, который сидел за столом. — Петь, а, Петька, накорми паренька. Чать маковой росинки во рту не было. Налей вчерашних щец. Вкусные — страсть! — она причмокнула, закачала головой, потом подтолкнула Алёшку к столу, а сама подалась к дверям. — Петька, обойди мужиков. Пусть могилку копают. Проследи за ними. Я в правление сбегая, начальству сообщу, потом бабок покличу и за монашкой зайду. А ты, Алёшка, когда покушаешь, посиди на лавке. Не входи в избу-то, не путайся под ногами — не мужицкое дело покойницей заниматься. Сами управимся, а тебя покличем, когда понадобиться.

Сказала и умчалась, хлопнув дверью.

Алёшка изредка подходил к двери, стоял на веранде, прислушиваясь к тихим голосам, но войти, не решался. Тётка Зина ругать начнёт, ежели заметит. Заскрипела дверь. Вышел дядька Кондратий. Сунул в карман складной метр. Постоял, задумавшись. Потом коряво написал цифры на клочке бумаги, посмотрел на Алёшку, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и, надвинув фуражку на глаза, заторопился со двора. Алёшка подался следом за ним и вернулся, когда его прогнали. Постоял возле двора, посмотрел, как дядька Кондратий захромал, подтягивая ногу с протезом, и размахивал руками, когда оступался. Взглянул на занавешенные окна, а потом уселся на лавку возле забора. И стал ждать, когда его позовут. Он сидел, поглядывая по сторонам, смотрел на старух, которые заходили в избу, а некоторые так и норовили погладить по голове, как делала баба Шура, но Алёшка отдёргивал голову и хмурился. Не любил, когда его гладили, как маленького. Старухи уходили, а он продолжал сидеть. Услышав гомон птичьей стаи, Алёшка поднимал голову и с тоской посматривал на птиц, которые проносились над головой. Поднимался и, размахивая руками, начинал кружиться на траве, криками подзывая птиц, и рассказывал им, что произошло, а они металась над головой, за собой звали. И Алёшке хотелось разбежаться, взмахнуть руками и полететь вслед за птицами. Он бы полетел, да нельзя, как же бабу Шуру оставит одну-одинёшеньку. Алёшка встрепенулся и опять посмотрел на птиц. Баба Шура говорила, что птицы — это души людские. Его ругала, что с ними разговаривает, прочь гнала, а сама вслед ушла. Видать, правду говорила бабака, что души людские — это птицы...

— Врёшь ты, бабака, — отмахнулся Алёшка, когда она опять взялась ругать его, что кружился на краю высокого обрыва, — что птицы — это души. Птички маленькие, а люди вон какие большие. Обманываешь...

Сказал и тут же получил подзатыльник.

— Нельзя так говорить, ежели не знаешь, — баба Шура погрозила пальцем. — Ишь, умник-полоумник, выискался! Мне ещё отец твоего деда Василия говорил, что души переселяются в птиц. Ага... Вот каким был человек в жизни, его душа в такую же птицу перебирается. И не спорь со мной, Алёшка, потому что умишка в тебе, кот наплакал! Вот, к примеру, взять плохого человека. Как ты думаешь, в какую птицу попадёт его душа, а? — и бабка, подбоченясь, взглянула на Алёшку, который сидел и молчал. — Правильно думаешь — в плохую птицу. Если человек обманывал в жизни, воровал и на других вину перекладывал за дела содеянные, его душа окажется у кукушки или в сороку-воровку переселится. Что смеёшься-то, злыдень! — и она опять намахнулась. — У чёрного человека, душегуба какого, душа попадёт в ворону-падальщицу и будет до скончания веков дохлятиной всякой питаться. Ага... А ежели светлый человек был или, не дай Бог, ребёночек помер, а у них-то души всегда чистые, значит тому дорога к светлой птице.

— Ага... — недоверчиво протянул Алёшка. — А куда дядька Еремей попадёт, который всё стучит и стучит большим молотком, аж страшно становится, когда к нему заглянешь. Как же он в птицу залезет? — он засмеялся, плечики затряслись, а потом затих, задумавшись, и опять сказал. — А наша деревня тоже в птичек заберётся, а куда всякие артисты переселятся, которых по телеку показывают, а?

И Алёшка опять засмеялся, прыгал с пятого на десятое, задавая вопросы.

— Ишь, разговорился! То слово из него не вытянешь, а тут не остановишь. Куда... — баба Шура задумалась, а потом кивнула. — Дык это же... У души дядьки Еремея одна дорога — это птица, которая дятлом зовётся. Ну, ты видел этих дятлов, когда в лес ходили. Вот и Еремей привык по наковальне стучать, а помрёт, душа к дятлу отправится и опять-таки начнёт своим делом заниматься, как при жизни. Деревня, говоришь... Мы же привыкли работать, каждый день землице-матушке в пояс кланяемся. Вот и получается, что переберёмся в грачей. Ты видел грача. Такие важные весною ходят по полям. Тоже кланяются, корм добывают. Наши душеньки к ним отправятся, и опять начнём поклоны отбивать, как при жизни было. Что касемо артистов... — баба Шура поджала губы, нахмурила и без того морщинистый лоб, потом сказала. — Одни в соловьёв перебираются, другие в дроздов, в общем, кто куда, а самые знаменитые и голосистые — эти в жаворонков. Ага... Ты, Алёшка, не гляди, что жаворонок — птичка-невеличка, зато её вон как с небес слышать. Звенит голосочек-то! И людям радость несёт, и к Боженьке поближе. Поэтому и говорю, что у каждого человека своя птица, и у тебя — тоже. Ага...

И утвердительно ткнула пальцем в потолок.

— Баб, а где твоя птичка? — Алёшка долго молчал, видать, старался понять, о чём говорила бабака, потом спросил. — А где она?

И задумчиво поглядел на сухонькую бабу Шуру.

— Моя-то? — усмехнулась баба Шура и поправила платок. — Я стану курочкой Рябой. Яички буду для тебя нести. Ты ж из избы не выйдешь, пока парочку не скушаешь, а с улицы

возвернёшься, с пяток можешь умять за один присест, а то и поболее и глазом не моргнёшь. Наши курочки не успевают нестись для тебя. Хочу или не хочу, а придётся в несущку превращаться, чтобы ты с голодухи не помер.

И тоненько засмеялась.

Вслед за ней рассмеялся Алёшка, представляя баб Шуру несущкой...

Сегодня снесли бабу Шуру на мазарки. Остался лишь небольшой холмик и неуклюжий крест, да ещё веночек и маленькие букетики ярких осенних цветов. Видать, в школьном саду сорвали. Соседки пришли проводить в последний путь бабку Шуру. Поплакали возле могилки, когда её опускали, а Алёшка стоял, смотрел на неё, а потом задира голову, чтобы взглянуть на стаи птиц и ему хотелось взмахнуть руками, взлететь и помчаться вслед за ними. С кладбища все отправились в дом бабы Шуры. Тётка Зина с бабками щи сварила и лапшу, кто-то кутью приготовил, а баба Вера кашу принесла. Откуда-то пироги на столе появились. Всё сделали соседи, чтобы проводить бабу Шуру и помянуть её. Недолго сидели за столом. Мужики стопки подняли. Выпили. Алёшка сидел в уголке. Сгорбил. Глядел, как поминали, как едва слышно разговаривали. Потом стали расходиться. Две соседки остались. Всё убрали, помыли и тоже ушли.

— Алёшка, — дверь распахнулась и появилась тётка Зина. — Слышь, никуда не уходи. Дома сиди или во двор выйди. Я все дела переделаю, а потом за тобой приду. Пока у нас побудешь. Может, твоя тётка придет. Телеграмму отбили. Ну, а не появится, тогда в интернате станешь жить. У себя не могу оставить. Извиняй!

Она развела руками, поправила платок и ушла.

Алёшка остался один...

Он долго сидел и смотрел в щелку между ставнями, а потом не выдержал, вышел на улицу. Сегодня тепло. Алёшка вздохнул. Взглянул на солнце и прислушался. Яркий день и тишина на улице. Казалось, всё притихло в природе. Лишь берёзки золотом горят, а трава уж пожухла, прижалась к земле, прислонилась — зиму дожидается. Откуда-то донёсся запах дыма. Видать, старую ботву сжигают на огородах. Туманом стелется дымка, скрывая округу. Тишина... Нет, издали донесли крики птиц и сразу же душу жало в кулак, тоска накатила, а вместе с ней непонятный восторг и, едва птицы показали в вышине, опять потянуло за ними и снова захотелось разбежаться, раскинуть руки, взлететь и помчаться вслед за птицами...

Алёшка встрепенулся. Оглянулся на дом. Показалось, баба Шура позвала. Взглянул и тут же поник. А потом закутался в куртку и притих. Солнце яркое, дымка плывёт по огородам, всё призрачно до синевы, а здесь холодно. И птицы покоя не дают. Кружат и кружат над головой. Видать, за собой зовут. А может среди них и душа бабы Шуры. Алёшка задрал голову, стараясь рассмотреть птиц. Вот одна пошла вниз и закружилась над двором, словно присесть хотела, а потом жалобно вскрикнула, и помчалась вслед за стаей...

Поднявшись, Алёшка осмотрелся. Дед Ефим, что напротив живёт, так и сидел возле двора. Видать, пригрелся. Хорошо ему. Задремал... Алёшка зашёл домой. Тишина в доме. Все звуки с улицы приглушены закрытыми ставнями. Тик-так, тик-так — качается маятник на старых часах, что висели в

горнице. Алёшке, как казалось, часы всегда здесь висели. Старые. Циферблат уж давно облез да потемнел и цифр на нём не видно, а маятник продолжает качаться, отсчитывая секунды жизни: тик-так, тик-так, тик... Алёшке нравилось смотреть на маятник. Усядется возле стола, смотрит на него, прислушивается к звукам, и сам качается как маятник. И так сидел до тех пор, пока баба Шура не прогоняла его. А сегодня бабу Шуру закопали, а часы всё тикают и тикают, отсчитывая секунды. И сколько они ещё будут работать — никто не знает и Алёшка — тоже...

Он стоял в дверях горницы, но не проходил. В горнице темно. Лишь редкие лучики солнца пробивались через закрытые ставни. Густой запах воска, тлена, каких-то трав и тянет лекарством. Зеркало завешено, на телевизоре накидка, окна закрыты. Пусто в доме. Лишь на стенах несколько фотографий в рамках и всё. Да ещё кошка промелькнула, припав к полу, и исчезла на кухне, скрывшись на печке. Под полом заскреблась мышь и тут же пробежала кошка. Неслышно скользнула по горнице и опять скрылась. Алёшка медленно подошёл к фотографиям. Баба Шура говорила, что это отец и мать, а Алёшка не помнил родителей. Так, что-то мелькало в голове и тут же исчезало. Он взглянул на фотографию. Отец хмуро и напряженно смотрел перед собой, а мать, наоборот, улыбалась. А сегодня бабу Шуру закопали. Нет, её душа с птицами улетела...

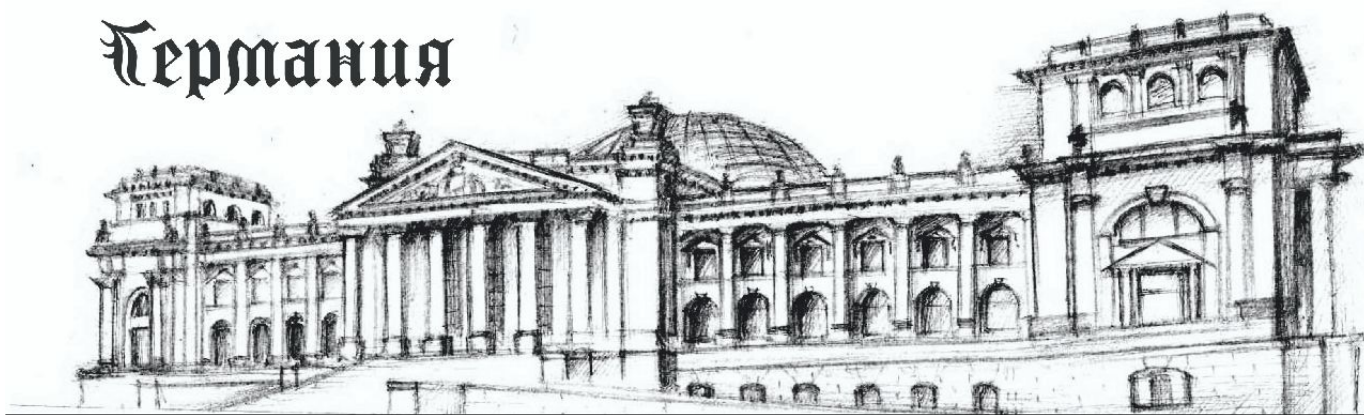
Алёшка вышел из горницы. Потоптался на маленькой кухне и присел в уголок, где всегда сидел, и прислонился к обшарпанной стене. Опять мелькнула кошка. Муркнула, а потом притихла. Видать, тоже чувствует, что одни остались. Он скрипнул табуреткой. Взглянул на окно, закрытое ставнями. Сквозь узкую щель пробиваются последние лучи солнца...

Тихо в доме. Изредка осенняя муха зажужжит, забудётся и притихнет. С улицы донеслось мычание коров — это стадо под окнами прошло, а вскоре затихло вдалеке, лишь редкий раз в проулках блеяли овечки, отбившись от стада. Взлаивали собаки лениво так, словно напоминали, что службу свою несут, хозяйское добро стерегут. Протарахтел мотоцикл. Видать, кто-то поехал кататься. Молодёжь собиралась в берёзовой рощице, что стояла на взгорке над рекой. Там собирались. Сидели до первых петухов, ребята показывали свою удаль, гоняя на мотоциклах, а те, кто постарше, парами расходились вдоль речки, находили укромные места и сидели до рассвета...

Он долго сидел на крыльце, дожидаясь, когда тётка Зина придёт. Потом прислушался. Со стороны обрыва донёсся птичий гомон. Алёшка затоптался. Тоскливо стало на душе, и в то же время появился непонятный восторг. И Алёшка не удержался. Неуклюже побежал по меже между огородами. Он бежал, размахивая руками, словно крыльями. В сумерках казалось, будто летит. Алёшка выскочил на обрыв и закружился, раскинув руки. Защёлкал, засвистел, птиц подзывая, потом взглянул ввысь, а небо над ним: яркое, тёмно-синее и бездонное. Опять восторг и захотелось взлететь. Он вытянулся в струнку, взмахнул руками и с обрыва шагнул в небо. Шагнул и закричал: громко, восторженно и замахал руками, словно крыльями и полетел. Он летел над деревней, над лесами и полями, над реками и озёрами и отовсюду к нему присоединялись такие же люди-птицы, чьи души в птиц превратились, и они стали подниматься всё выше и выше в синь небесную, навстречу солнцу, и вокруг него был яркий и тёплый свет...

А над деревней опустилась ночь...

Германия

Владимир Эйснер

Родился в 1947 в Омской области. Учился в Пятигорске.

Бывший полярник. Работал метеорологом на островах в Ледовитом и охотником-рыбаком на Таймыре.

Участник походов на Полюс и пр. экспедиций в российском секторе Арктики.

Женат. Дети, внуки. Рассказы и повести.

АТЛАНТ ИЗ ТУЛЫ

«Беда, коль пироги начнёт печи сапожник...»

И. А. Крылов

(Рассказ сантехника Ивана Подмоткина о научных изысканиях и сопряжённых с ними путешествиях)

1. Разработка теории

Ой, чё пишут то!

Атлантиду в Антарктиду поместили!

И доказывают писател**Я** – астероид упал в океан и погиб тот остров.

Видать, Платона не читали. А он прямо пишет, что атланты в Европе высадились и с греками воевали. И в атаку, заметьте себе, шли под звуки букцин!

А Греция та от берега океана – не ближний свет.

Что ж они, чуть живёхоньки на скалы выбрались и сразу в драку полезли?

Нет, тут что-то не тае...

Рассказал я о своих сомнениях собригадникам. А те и говорят:

– А ты проверь!

Тут меня зло взяло – и проверю!

Засел я за платоников и антиплатоников, тектоников и антитектоников, ударной теории поклонников и папской курии каноников, глянул в карты, слазил в Интернет и убедился – да, долбанул метеорит! И крепенько. Мексиканский залив до сих пор круглый, будто акула откусила.

А что Куба и острова: так это пенки всплыли.

И пишут ещё – из людей кого потопило, а кого цунами расшвыряло.

А вот и нестыковочка! Не больно-то расшвыряло, раз они флот снарядили, в Европе высадились и даже дочки свои не забыли!

Я сразу сообразил, что раз Атлантида, то и плясать надо от этого слова! И тут же нашёл одинаковые корни в языке двух разделённых океаном народов – мексиканцев и русских.

Раньше мексиканцев ацтеками звали. И говорили они всё на «итль», «атль». Главный бог-вождь у них Кетцалькоатль, ели они пататль а сражались копьеметалкой – атлатль.

А древнее имя русских – анты! Верховный вождь – Ант!

Написано про него в манускрипте: «... А нос имел продолговенен и поклап, велми могуч во телесех бысть и женолюбив зело. Потомки же его – Гига-Анты, а внуки – Гига-байты суть!»

Полез я в родные словари, а там сколь хошь слов на «ант-мант», да на «итль-атль».

Так и видишь, как эти Гига-анты, на груди аксельб-ан-

ты, слева музык-анты, справа адъют-анты, проходят со своими эмигр-ант-ами через всю Европу как нож сквозь масло, делают всем атл-личные кр-ант-ы и, покрытые пылью и славой, возвращаются в Тулу!

А почему же в Тулу?

Да потому что в священных хрониках ацтеков так и стоит: «Прародина нашего народа – Туле». Делаем скидку на древность, – получаем – Тула!

То есть, за много веков до метеорита «втулили» наши предки всем племенем повышенную скорость и отправились в кругосветку. Прошли Евразию и Северную Америку, на берегу Мексиканского залива стали корабли строить, но натакались на нефть и тормознулись, а тут, – на тебе! – метеорит нехстати!

Конечно, какой-нить зловредина спросит: «А почему же народ этот себя ац-теками называл, а не атл-теками, как, вроде бы, должно?»

Да уж проще некуда! Так их долбануло, что заикаться стали! «Клац-ац!» – зубами с перепугу! Так и закрепилось. А русские с годами передвинулись на другие площади и, естественно, у них передвижение гласных произошло. Вместо «ац» стали «ец» произносить. До сих пор так и говорят, если кр-ант-ы: полный, дескать, песец, и к бабке не ходи!

И как всё сходится: с одной стороны океана – «атл», с другой – «ант», а вместе – один народ – «атл-анты», выходцы из Тулы!

Но, предвидя нападки учёных завистников, решил я всё же проверить теорию на практике и лишь затем открыться миру.

Короче – надо в Мексику!

II. Соображаем на троих

Кореш мой, Лёха Фаянсов-Трубецкой, со мной напросился:

– Я – друг твой, третье твоё плечо, и мало ли чего бывает!

Ладно, пошёл в турбюро, а Нюрка, жена его, прямо дыбки встаёт:

– Не пуцу Лёшку одного, он бедовый! Или вместе летим, или другого ищи!

Что ж, думаю, ест она мало, а носки стирать надо, и согласился.

А вредная бабища, видит, что поддался и дожимает:

– Летим через Голландию, Лёша мне со свадьбы цветов не дарил, а после Мексики домой – через Японию, там как раз икебана цветёт и всякая сакура вишнёвая.

Ладно, думаю, западники эти ведь каждый день носки меняют.

III. В Голландии

Прилетаем, это, в Амстердам. Гуляем, цветами дышим. Всё путём. Вдруг Нюра вскинулась:

– А где Лёша?

Оборачиваюсь – нету! Вот только был, и – нету!

Мы – туда, мы – сюда. Обернулись, крутанулись. Как корова языком!

Один ино-дядечка услышал наш выговор и посочувствовал:

– А фи на «Улитца Красних Сорь» хадиль?

А мы про такую и не слыхивали!

Прохожий опять:

– Налефо са уголь пофернить. Там мнока рюсс мьюжик смотреть.

Нашли мы ту улицу по красным фонарям. А за стёклами – «девушки на выданье». Какая в чём мать родила, а какая в костюме Евы.

Тут и Лёху обнаружили.

Стоит перед одной рыжей, рот раззявил, а та ему лыбится и ручкой делает: заходи, мол, милоч, у нас недорого!

Стал я его за рукав тянуть: пошли отсюда!

А Лёха вырывается и в витрину пальцем тычет:

– Ты ж посмотри, какая у неё харизма!

Тут Нюра вскинулась:

– Я те щас покажу харизму! Ят-те щас такую покажу – навек запомнишь! А ну пошли, а то – вот тебе развод и девичья фамилия!

Но Лёха как прирос. Я его за рукав, Нюра за другой, нет, стоит и на рыжую ту колдунью пялится!

Стал народ собираться. Полисмен жесты делает:

– Ноу-ноу, – говорит, – гоу-гоу, хоум-хоум!

Да какой там «гоу-гоу», когда мы Лёху вдвоём развернуть не можем!

И ещё двое подошло. С дубинками. Хвать кореша под белы рученьки и поволокли!

И вот тут я увидел что значит любить по-русски!

Как кинется Нюрка вослед! Разом Лёху отбила, а полицейских на десятый этаж вознесла! А спускается медленно, на каждом этаже остановочку делает и родню полицейскую на всю «Улицу Красных Зорь» поминает.

Народы рады. Кто кино, кто фото снимает, а любители изысканного слова в блокноты пишут.

Гляжу, и группа наших флотских, с боцманом во главе, объявилась. Внимательно прослушивают каждое колено и кивают: дескать, всё верно, без запинки идёшь, землячка!

Лишь однажды боцман на неточность в перечислении достоинств полицейских указал, так Нюра и его за хххромовыми сапогами послала!

Видя такое дело, стражи порядка разулыбались и отпустили нас с миром, а я позавидовал Лёхе: за такой женой – как за каменной стеной!

Мы – боком-боком в такси – и в аэропорт.

Я, конечно, молодым внушение сделал и штрафными санкциями пригрозил.

Надулись – молчат.

И как же тяжело в наше время пробиваться сквозь пелену будней к светлым вершинам науки!

IV. В Мексике

Прилетаем в Мехико и сразу по музеям пошли.

Слушаю гида-переводчицу и удивляюсь: как это раньше учёные люди такие вопиющие факты пропустили?

Оказывается, когда Кортес с братками появился в Мексику, то ацтеки его спросили: «Откуда будешь, бородатый?» Он и показал рукой за океан: оттуда, мол.

А те им в ответ: «Так и мы ж оттуда! В древних манускриптах прописано о наших предках, бородатых людях с востока! Двигайте к столу, отмечать будем!»

И давай пришельцев жареным пататль потчевать да горячий шоколатль наливать. На десерт подали им салатль из томатль. А на верхосятку смуглые девчатль им ацтекский танцатль сплясали.

Но испанцы ото всего нос воротят: им золото подавай! Как узнали, что народ сей за весь долгий путь из лесов Тулы до пустыни Чиауа немало желтого металла накопил и насчёт нефти кумекает, так напали на ацтеков с пушками и захапали страну. Ацтекский царь Монтесума насилу скрылся на горе Попокатепетль, где стал козопасом, а под конец жизни с сумой по миру пошёл (Монте) по-ихнему – гора, а сума она сума и есть!)

Отсюда и пословица мексиканская: «От горы да от сумы не зарекайся!»

Анты же ничем помочь не могли. Они в это время пронызывали Европу, да и радио в те времена ещё дорогой игрушкой было, не каждый король себе позволить мог.

Я за гидшей – как привязанный, слова на «атль» записываю и радуюсь. Сошлись теория с практикой и «атл» с «ант». Теперь можно и за книгу садиться и доказать всем этим «учёным заседателям», что может простой слесарь-сантехник из обычного ЖКХ!

Тут Лёха мне и говорит (а дышит в сторону):

– Ещё одно наше слово пиши: текила. Крепкая, зараза, и текёт гладко! Сало не едят, а солью закусуют... А это мой друг, Паша, амиго Пабло, по-здешнему. Я его уже научил шкурку от сала жевать.

Гляжу – а рядом с ним здоровенный такой смуглый парень в агромадной шляпе соломенной. Стоит нетвёрдо, но улыбается и шкварку мусолит.

Нюрка шипит на Лёху:

– И где ж ты успел, горе луковое? Вот только отошла за открытками, а он уже «друга» нашёл! Мало мне своего алкаша? Гони от себя эту паблу пьяную, не то я вам сейчас такую текилу включу, – будет вам вечный кайф!

Насилу я их утихомирил, да в аэропорт направил.

V. В Японии

Прилетаем в Токио, а там всё не так.

Повели нашу группу икебану смотреть. Мы думали – цветы. А это камни!

Так и написано: «Сад камней».

Хоть стой, хоть падай!

Ну, понюхали мы те камни – ничё не поняли, а гидша злится:

– Вы, граждане, не крутитесь, вы не суетитесь, это не для понюшки, а для размышления камни посажены, для мыслей о вечном и сердечном, вы же круговерть вносите и аффект восприятия ничтожите!

Странный народ японцы...

Едят палочками.

Гора по-ихнему – «яма».

На Ленина нашего «Рейрин» говорят!

А водку знаете, как называют?

Сакэ!

Лёха попробовал, глаза выпучил:

– Саке и есть...

А Нюра обрадовалась:

– Молодцы, – говорит, – японцы! Если бы, – говорит, – и наша водка так называлась, так мужики и пили б меньше её, проклятую!

Мы переглянулись, а Лёха и говорит:

– Не-е... у меня на даче сад. Настоящий. Я камни на ограду складаю. Сирень цветёт. Под ей столик вкопан. На столике водочка холодная. Колбаски палка. Огурчик-хренчик на тарелочке. И Нюра рядом. Романтика!

На обратном пути пришла мне в самолёте мысль следующее своё исследование истории японцев посвятить. Поделится с Лёхой, а он и говорит:

– Атл-ичная идея, господин дилет-ант!

Лёха, конечно, классный мужик, но часто меня огорчает. Я ему ничё не говорю. Бесполезно. Во все времена удел таланта из народа – непонимание родных и близких.

Судьба самородка – страдание при жизни и слава после смерти.

Но «где какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче?»

Юрий Тубольцев

Родился 25 мая 1976 года. Известный современный поэт-неверифмист и минькатурист, писатель и публицист; член Западноевропейского отделения Союза писателей «Новый современник», Международного литературного клуба «ИнтерЛит», Международного союза писателей «Фракция Эпатажистов» и Сообщества Минькатуристов; лауреат Второго этапа Третьего международного конкурса «Вся королевская рать» литературного портала «Что хочет автор», главный редактор сетевого журнала «Речевые игры», яркий представитель современного сюрреализма и основатель течения абсурдософии в литературном авангардизме XXI века. Проживает в Германии (г. Регенсбург) и России (г. Москва).

Юрий Тубольцев
Абсурдософия

Абсурдософия Юрия Тубольцева

В московском издательстве «РОСА» вышла новая книжка нашего постоянного автора и бывшего члена редакционного совета Юрия Тубольцева «Абсурдософия».

Издание представляет собой сборник коротких, выполненных в уникальном авторском стиле Юрия, авангардных афоризмов.

Абсурдные, на первый взгляд, высказывания удачно сочетают в себе присущую классическим афоризмам меткость и любопытную игру смыслов в рамках сюрреализма и литературного абсурдизма (или, как определяет своё направление сам автор, абсурдософии).

Выход даже небольшой книги – событие радостное, тем более, когда выходит книга нашего друга и коллеги. Поздравляем Юрия! И приводим ниже выдержки из книги.

Малевич нарисовал поезду ноги, и поезд ушел, тогда он нарисовал Черный Квадрат, чтобы отыскать там поезд.

Подойти к смыслу можно только отойдя от мысли.

Любовь – это ткань вселенной, но слишком тонкая, чтобы мы ее могли узреть.

Власть – это яма, в которую человек закапывает гору любви.

Когда философ выносит суждения – он грузчик.

Если тропа ведет в тупик, значит через пару лет на ее месте будет дорога.

Если хочешь понять суть слова, нужно забыть о словах и раствориться в контексте.

Мелкая карта, когда ей козыряешь, становится еще мельче.

Слово – это оболочка, которая не все мысли в состоянии обернуть.

Судьба – это всего лишь часто повторяющаяся случайность.

Осмысленное страдание лучше бессмысленного удовольствия.

Мир реален, ибо он нам только чудится.

Без человека не было бы бесчеловечности.

Сколько в пустом стакане дырочки не делай – из него вода не потечет.

Критик поэта превращает в прозаика, ибо интерпретированный поэт – до пошлости прозаично.

Если ты попал в точку там, где точки нет – там скоро появится многообразие, а ты окажешься совершенно обесточенным.

Всегда правильная позиция только у маятника, так как нельзя быть объективным, не колеблясь.

Переплетая буквы собственными мыслями, читатель становится соавтором любого текста.

Нет правды в жизни, но есть художественная правда, бытие в этом запуталось.

ИЗРАИЛЬ

ИННА КОСТЯКОВСКАЯ

Член союза русскоязычных писателей Израиля. Автор семи поэтических сборников. Сборник стихотворений «Философия любви» (Хайфа, 2013) занял 4 место в литературном конкурсе «Лучшая книга года 2014» в Берлине, (диплом за поэтическое мастерство). Финалист турнира поэтов в Лондоне «Пушкин в Британии 2014».

Публикация в журналах: «Зарубежные задворки», «Эдита», «Мастерская» (Германия), «Интеллигент» (США), «Интеллигент» (Москва), «Лексикон» (США), в электронных журналах «Наука и жизнь Израиля», «Исрагео», «Еврейский мир» (Нью-Йорк), «Новое резюме», «Континент», «45 параллель» и др.

Я знаю точно,
что жизнь есть борьба.
Проверка на прочность
и сердца, и лба.
Я точно знаю,
что жизнь – полет,
уставшая стая
летит вперёд.
И каждый ищет
свои высоты,
а ветер свищет
и жмёт к болоту,
заносит пылью
до неприличья –
размахи крыльев
у всех различны.
Дух мой уставший!
Тебе – летать!
День мой вчерашний!
Тебя – понять!

Таков мой дух
на сегодняшний день.

Забиться в угол и дрожать,
и слышать горизонта вдохи.
Кому-то страстно подражать,
и в кучу сваливать упрёки,
что день растаял и погас,
что снова дождь стучит по окнам,
в чужих домах играют вальс
и тает жизнь над горизонтом...

Забиться в угол и терпеть
обиды, подлости, наветы,
своим теплом кого-то греть,
а будешь ли в ответ согрета?

Забиться в угол и мечтать
о вечном таинстве мгновенья,
а, может, просто молча ждать
лишь мига, мига вдохновенья.

Мир кончается на пороге
собственного «я»,
как здесь интерьеры убоги,
как тяжела земля.

В этом саване душно.
В этом саване тесно.
Заперта равнодушьем
я в надёжное место.

Нет ни крика, ни стона.
Призраков тихий шаг.
И не блестит корона.
И не смеётся враг.

Иркутск

Ирина Апарченко

Родилась в 1959 году на севере Красноярского края. В 1982 году закончила физико-технический факультет Новосибирского Электротехнического института. В Ангарске живёт с 1983 года. Работала на Ангарском электролизном химическом комбинате, инженер-метролог.

С 2005 года состоит в Ангарском литературном объединении при ИРО СП России.

Публиковалась в местных СМИ и коллективных поэтических сборниках, а также в литературных журналах «Сибирь» (Иркутск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия).

Автор книги стихов «Имя моё – Женщина».

Котлетка

Марья Ивановна с удовольствием отломилла вилочкой очередной кусочек горяченькой, аппетитной котлетки, но раздался звонок, и она настороженно взяла трубку – номер снова был незнакомый.

Воодушевлённый мужской голос из трубки, вежливо назвав Марьяванну по имени, напевно предложил кредит на фантастически выгодных условиях, совершенно не желая слушать очередной отказ.

Ох, уж этот двадцать первый век... Она считала себя дамой весьма продвинутой – ну как же, уже пару лет расплачивалась в магазине карточкой! Она горделиво рассказывала сухонькой соседке с третьего этажа, что теперь ей не надо мелочи и кассирша, опустив глазки, не сообщает при каждой покупке, что вот именно для неё снова нет пятидесяти копеек сдачи. Но кредит! Марьяванну это слово пугало, было чем-то из области неведомого и опасного, и она, слушая сладкую речь настойчивого молодого человека, грустно смотрела на остывающую котлетку.

Её взгляд упал на заклеенные щели в деревянном окошке с раскохшейся рамой, на полужакрашенный шпингалет, и она, неожиданно для себя, посередине очередной фразы из трубки медленно произнесла:

– А вы, случайно, не подскажете хорошую контору окно поставить?

Трубка оторопела и переспросила уже не таким вежливым голосом:

– Вы о чём, Марьяванна? Я представитель банка.

– Да знаю я. Но вот кредит мне не нужен, а окно очень даже нужно. Вон Ульянов поставили, а оно растрескалось и промерзает, а новое. Вот я и спрашиваю, не знаете ли...

Трубка выученным голосом начала повторять условия кредита.

Марьяванна вдруг улыбнулась – сначала уголком усталого рта, потом широко и довольно, и снова невинно спросила:

– Так что про окна-то?

Трубка сухо попрощалась, и наступила долгожданная тишина.

Марьяванна от избытка чувств даже погладила своё старенькое окно и поставила чайник. Последний кусочек холодной котлетки показался ей необыкновенно вкусным.

Сумерки

Вечер только начинался. Тени деревьев постепенно теряли отчётливость, расплывались по снегу, растворялись в сумеречной загадочности. Краски дня понемногу тускнели, дневной полноцветный мир неторопливо становился чёрно-белым со всеми переходными оттенками.

Свеча загорелась не сразу – фитилёк упрямо клонился набок, и небольшая огненная горошина перекатывалась по нему лениво и неспешно, пока не превратилась в маленький дрожащий язычок на так и не распрямившемся фитильке.

Сквозь прозрачное тонкое стекло кружки, освещённое пляшущими отблесками, было видно, как чайные листья разворачивались, отдавая настою древнюю пряную силу, превращались в ароматное

зелье, исцеляющее усталую душу...

И привычный домашний мирок отступал, и взгляд непроизвольно тонул в заоконном лесном покое, и тончайшей золотистой вязью высвечивались тающие вечерние облака на самом краю неба...

Сумерки медленно густели. Ветви берёз с тонкими нервными пальцами уютно легли на плечи сосен, и снежные шали ещё белели на сосновых лапах, и степенно шагал по тропинке человек, словно запоздалый странник...

Каждый глоток чая приятно-горячей волной разливался по телу, и казалось, что время замерло вместе с природой, и не будет конца этим сумеркам, этому вечеру, этому тягучему и сладкому ощущению покоя и вечности.

Зачем?

Струится День сурка,
Спланирован и сжат
До чётких директив,
До точки в перспективе,
А мотыльки кружат,
Но зоркий объектив
Не углядел пока
Ни кадра в креативе.

Вот звёздное драже
Сужается в кайму,
И чёрный чай уже
Подобен злему зелью...
Зачем себя беречь?
Продолжит время течь –
Вдруг я вот-вот пойму,
Зачем пришла на Землю...

Поздний блюз

Я сижу и смакую
Терпкий жизненный вкус,
На виниле тоскует
Поздней осени блюз...

Индевелые ветки,
Серебристый бокал
И осеннего ветра
Заунывный вокал...

И качаются звуки
Вдоль серебряных струн,
До неистовой вьюги
Мир наполнен и юн,

И усталого друга
Я молю – продержись,
До ледового круга,
Может, целая жизнь...

Не осталось ни слёз, ни надежды.
И разруха настолько сильна –
Над Землёй, обитаемой прежде,
Чёрной тучей висит тишина.

У растений здесь выжжены корни,
И сгорели в огне семена...
Вместо сосен, ветрам непокорных,
Груда пепла на поле видна.

Не помогут ни дождик, ни солнце,
И дрозды не летят по весне,
И осушены реки до донца –
Всё пропало в проклятом огне.

Сколько надо засушливых вёсен,
Чтоб проклюнулся первый росток,
Чтобы между молоденьких сосен
Родничка расправлялся поток.

Здесь когда-то появятся люди –
Землянику, грибы собирать...
Я не знаю, когда это будет.
А леса продолжают сгорать...

Другу

Я боюсь не успеть:
Не успеть заглянуть Вам в глаза
И слегка разыграть
Восклицанием «С первым апреля!»,
Не успеть рассказать,
Как пропитана солнцем лоза,
Не успеть передать
Придыхание нежной свирели...

Пусть ещё подождёт
Раззолоченный звёздный покой.
Только жить! Каждый миг
Постигать этой жизни искусство!
Мне бы Вас удержать
Не соломинкой – тёплой рукой...
И случайной строкой
Не задеть истончённые чувства.

Травинка на поле. Кто знает о ней?
Бескрайни поля золотые...
Кто знает об участии мелких камней,
Слагающих горы крутые?

Но с них начинаются жизни круги,
Где властвует высшая воля...
Без этой травинки, без тысяч других
Не будет и русского поля.

Здесь неизвестность бродит под луной,
На слово «завтра» наложили вето.
Не торопясь, поговори со мной –
До сумерек... до ночи... до рассвета...

Порассуждай, навспоминайся всласть,
Как васильки синели на поляне,
И юности невидимая власть
За нитью разговора – нить протянет

От чистых вёсен, звонких и шальных,
От клейкого берёзового лета –
До запоздалых отсветов стальных
Сегодняшнего хрупкого рассвета.

Пока друг другу в души мы стучим –
Не потонуть в житейском водопаде,
И высветят рассветные лучи
Прекрасный мир в усталом, мудром взгляде.

Неудержимо время,
Необъяснима жизнь:
Мы расстаёмся с теми,
С кем хочется дружить...

Бегучим рады вёснам,
Во власти суеты
Мы сетуем, что поздно
Переходить на «ты»...

И с гордым чувством пешки
Вперёд шагнуть спешим...
Необъяснима спешка.
Неудержима жизнь.

Илья Липес

Живу в Торонто, Канаде, работаю переводчиком и нотариусом. Родился и вырос в Украине, в городе Первомайске Николаевской области. Учился в Нежинском педагогическом институте на факультете английского языка. Жил в Чернигове, Славутиче, Москве и в Иерусалиме. Руководил Литературной студией Чернобыльской атомной станции после произошедшей там аварии. Пишу стихи на русском и украинском языках; многие годы занимался переводом классической поэзии с английского, украинского и иврита на русский язык. Мои стихи и переводы неоднократно печатались в русских газетах и журналах Канады, США и Израиля. В 2008 году в Торонто вышла моя книга стихов и переводов на русском и украинском языках. Финалист всемирных поэтических фестивалей и конкурсов: «Музыка перевода», «Эмигрантская лира», «45 параллель» в 2011 году;

«Пушкин в Британии», победитель конкурса поэтопереводчиков фестиваля «Эмигрантская лира» в 2012 году.

Мэм, Вы беременны?

Больше всего мне нравится переводить тем, кто проходит сканирование в госпитале «Брансон»: весь процесс занимает 30-40 минут, а платят за 2 часа работы, да и добираться туда 5 минут – дорогу переехать. Но не всё коту масленица... Помню как-то прихожу переводить миловидной женщине, а та, буквально с порога, ошарашивает меня вопросом: «Скажите, на сколько лет я выгляжу? Только правду». – Слегка озадаченный, я честно ответил: «Ну, не больше 40». Женщина тяжело вздохнула: «Ничего не помогает. Я уже и краситься перестала». «А в чём собственно проблема?» – удивился я. «Да понимаете, мне ведь 57 на самом деле. А никто не верит. Куда ни придёшь, буквально часами проверяют, настоящая ли у меня медицинская карточка, вопросы дурацкие задают. Сами сейчас увидите». Действительно, работники больницы проявили небывалую бдительность, долго где-то пропадали с медицинской карточкой Валентины (так звали эту женщину), затем успокоились и попросили пройти к медсестре; та должна была ввести Валентине в вену иглу. Как только мы появились, медсестра сразу же спросила Валентину: «Вы беременны?» И тут вдруг прорвало: «Видите ли... с какой такой радости я могу быть беременной? В конце концов, это просто бестактно задавать мне такие вопросы...» Валентина говорила минут пять, причем её речь

была настолько убедительной, цветистой и виртуозной, что знаменитый адвокат Плевако, будь он свидетелем этого выступления, от зависти посыпал бы голову пеплом и принял обет молчания. Медсестра ошарашенно смотрела на неё, ничего не понимая. Я перевёл: «Она не беременна». Сестричка возмутилась: «Валентина взволнованно говорила несколько минут, а Вы перевели её ответ тремя словами. Как это понимать?» Я обреченно вздохнул и начал переводить: «Don't you know... What's supposed to mean? Actually, it's just in a bad taste to ask me such questions...» И так далее. Медсестра совсем ошалела: «Вы что пришли сюда издеваться надо мной? Я задала простой вопрос, который требует однозначного ответа «Да» или «Нет». «Послушайте, Валентина, – я старался говорить спокойно, – Вы можете просто сказать: «я не беременна». И всё. И больше ничего». Иглу ей всё-таки ввели. По дороге в процедурную я сказал: «Валентина, перед тем, как ввести в вену красящее вещество, Вам обязательно зададут тот же вопрос. Я вас очень прошу, ответьте одним словом «нет», если Вы действительно не беременны, в чем лично я уже сильно сомневаюсь». «Да о чём речь? – Запросто», – бодро ответила она. Когда Валентину положили на кушетку и спросили: «Мэм, вы беременны?» она, посмотрев на меня, завела: «Видите ли... с какой такой радости...».

Дядя Йося, Драпкин и другие

У прибалтийского Вилли Токарева есть такие строчки: «Всех, кто кушает мацу, узнаю я по лицу». Меня не только узнают во всех странах и на всех континентах, но ещё и приветствуют, принимая то за Борю из Минска, то за Эдика из Баку, то за Сёму из Риги и т.д. Перечислять можно до бесконечности. Особым вниманием я пользовался в Израиле. Как-то на одной вечеринке оказалось, что меня одновременно видели в Житомире, Кустанайской области и в порту города Находка. В Торонто всё продолжилось, хоть и с меньшим успехом. Одно время меня активно принимали, особенно в профиль, за Леонида Бердичевского, известного в нашей общине своими короткими рассказами, которые публиковались в русских газетах чуть ли не ежедневно. Поначалу я отнекивался, но потом мне это надоело, и я отвечал неопределёнными фразами на все вопросы, критические замечания и комплименты: «Ну, это не однозначно. Тут можно было бы и поспорить. Ответ Вы найдёте в следующем рассказе». Первое время меня несколько раздражала такого рода «популярность», но затем это стало даже забавлять. Перед тем, как отправиться в поездку в какой-нибудь город или страну, я заключал с женой Мариной пари на предмет того, узнают меня или нет, и почти всегда выигрывал. А выигрыш был всегда один – 200 грамм куриного паштета, который мне под страхом смерти не дозволялось есть, потому как холестерин.

Исключением стала Аляска. Я имею в виду не само путешествие на корабле, где меня подкарауливал средних лет поджарый господин, пытаюсь выяснить, не являюсь ли я дантистом Драпкиным из Чикаго, который отказывается переделать передний мост во рту его любимой Ханночки. Нет, я говорю об экскурсиях по самой Аляске. Все эскимосы, не говоря уже об англосаксах, смотрели сквозь меня и не узнавали. Мне как-то стало даже неловко за Аляску: не ожидал я от нее такой подлости. Но я отомстил хотя бы нескольким американцам, в упор не замечавшим меня. Будучи на экскурсии, я громко спросил гида, находимся ли мы

уже на территории провинции Юкон в Канаде и, убедившись в правильности моего предположения, рявкнул: «Янки, гоу хоум!»

Если всерьёз, то лишь однажды, после посещения Парижа, у меня надолго остался горький осадок от «узнавания». Лет пять назад я был в гостях у своей сестры в Берлине. Раз уж попал в Европу, хотелось увидеть что-нибудь ещё, кроме Германии. Две поездки в Чехию и в Голландию сорвались, так как не набралось достаточно туристов. Времени оставалось в обрез, и я решился на двухдневную поездку в Париж. Честно говоря, никому не пожелал бы такого туризма: за три ночи мне удалось поспать всего 5 часов; Эйфелева Башня, Елисейские Поля, Лувр, Версаль, бесконечные дворцы и памятники мелькали сплошной вереницей с 6 утра до полуночи. В то же время нас практически обязали посетить какую-то подозрительную парфюмерную фабрику и кабаре.

В Париже мы остановились ненадолго на Монмартре. Как только я вышел из автобуса, ко мне на шею бросился какой-то невысокий старик: «Марик, – кричал он, – Ты откуда? Ты где сейчас? Как там Полина?» Я слегка опешил, осторожно отвёл его руки и сказал: «Я не Марик. Вы, очевидно, ошиблись.» Но он продолжал: «Ты же Марик Бродский из Бобруйска! Это же я, дядя Йося с Краснофлотской!» «Дядя Йося, – спокойно ответил я. – Я не Марик. Я никогда не был в Бобруйске и, к сожалению, вряд ли когда-нибудь буду». Старик как-то сразу же обмяк, потускнел и жалобно пробормотал: «Ну, так извиняюсь. Ну, так и не надо». Он медленно отошёл к своему автобусу и продолжал говорить, обращаясь в никуда: «Раз ты стал таким важным, что не можешь сказать «здрате» дяде Йосе, таки, не надо. Таки, обойдусь. Когда нужно было недорого пошить костюм, одолжить деньги, устроить ребенка в детский садик дядя Йося был нужен».

Жаль, если этот добрый старик не узнал, что Марик Бродский не виноват перед ним.

Анастасия Сойфер

Торонто, Канада. Родилась и выросла в Одессе; закончила филфак одесского университета; преподавала литературу и эстетику в профтехучилищах. Стихи писала с ранней юности; печаталась в периодике; побеждала на областных конкурсах молодых поэтов. Был круг людей, которые стихи мои знали и любили. Но, в основном, все годы писала «в стол».

В Канаде с 1979-го. Уезжали на той «волне» без надежды когда-либо вновь увидеть родные места и оставленных близких – это отразилось в стихах. 4,5 года была автором, переводчиком и замредактора единственной тогда в Канаде русскоязычной газеты (военной иммиграции) «Вестник». Позже, получив новую специальность, 25 лет проработала в международной компьютерной корпорации. После долгих лет молчания, в последние годы вернулись стихи. Финалист поэтического конкурса «Эмигрантская Лира - 2012».

САД

От досад и от надсад,
От вопросов без ответа
Есть за домом дикий сад –
Мной взращён клочок планеты.
Маленький, заросший, мирный,
Неужоженный года,
Сад души – мольба Марины –
Незаслуженно мне дан.
Обладание – лишь степень
Ожиданья. Там, в саду,
Предвкушаю каждый стебель
И весной как друга жду.
Там содружество растений
Не в обиде в тесноте:
Всем хватает солнца, тени,
Влаги, счастья без затей.
Вновь цветения запой
На полотна бросит краски –
Без зазрения, без опаски,
Щедро, не гордясь собой.
От забора до калитки –
Измеренья ни при чём –
Всем – от птицы до улитки –
Право, песня и почёт.
Там непугано пирует
Мало-мальское зверьё,
Орошают ливня струи
Наше, Богово, моё.
Так Создателю, наверно,
Грезился творенья миф:
Без страдания и скверны,
Выросших между людьми.
И когда плодов и ягод
Чаша вышешу рукой
Наполняется – без ядов,
Без подкормки хоть какой –
Всем – с достоинством и
вдоволь,
Не убог никто, не мал,
Есть и сиротам, и вдовам.
Сад – утопия сама!
И одной только хозяйке –
Жизнь была, да вот, сплыла –
Не хватает скудной пайки
Человечьего тепла.

КЕНОТАФ*

Я здесь живу, я здесь умру, наверно,
В стране, что мне вторую жизнь дала.
Прах Данте не Флоренция – Равенна,
Не родина – чужбина приняла.
Уже тогда была она стара,
Утратив море, блеск былых могуществ
Укрыв в базилик каменные куши.
Длинноты гулких улиц; зной; ветра.
Каким усталым он пришёл туда,
Из ада – ад пройды уже. Не рая
В тебе искал он, родина вторая:
Достоинства; приюта для труда.
Невелика Италия, но путь
От родины – попробуйте, измерьте! –
Что вытёс из груди – и снова в грудь,
Тысячекратно жая, так – до смерти.
Что ж родина так горько унижала,
Не разгадав, не веря, не щадя...
Соблазна возвращения бежал он,
Всех смертных мира дальше уходя.
Пустует мрамор Санта Кроче. Тает
Закат, и в небе – надпись наискось:
«Его душа здесь больше не витает».
И даже гроб вернуть не удалось.
В Равенне, в мавзолее – о, как мало,
Как поздно, родина – клейма не снять! –
Лампада светит флорентийским маслом
На эпитафию «...нелюбящая мать».
...Лоб мраморный, привстав, поцеловала,
Лист сорвала, взращённый той землёй.
Утихшая тоска из-под завала
Лет, оживая, выползла змеей.
Изгнанников и беженцев ролей
Не переписывали столетья.
Могу из них любого пожалеть я –
Моя лишь в этом с Данте параллель.

Душа моя, как деревянный дом
Над океаном, на семи ветрах.
Старинный дом, где жизнь была подробна,
Тучна, криклива, где рождались дети,
И с редкой почтой отсылались письма,
А в шторм свеча мигала на столе.

Еще я помню хриплые часы
И библию на полочке каминной.
Все умерли, разъехались, а дом
Заколотили, чтобы он хранил
Те запахи, и скрипы, и преданья,
И страхи детские, и поцелуи...
Моя душа – как этот старый дом
Над океаном, на краю земли.
Дом обречённый, где разбиты окна
И с четырех сторон впустили ветер –
Пусть больше ничего не уцелеет
От прошлого! Пусть выдует дотла.

На озере

Спит озеро, дышит чёрными поймами,
Слился с водой берегов мазут.
Спят рыбы, что завтра будут пойманы,
И те, которые уплывут.
Спят утки, что завтра будут подстрелены,
В злобеще шепчущих камышах.
Луна посветила тускло и зелено,
За остров скрылась, совсем ушла.
И лодке моей не доплыть до берега,
На камни лечь в водяном гробу.
Но чья-то рука зажигает бережно
Фонарь вдалеке – на него гребу.
Господь, не гаси ещё свет спасительный,
Зачем-то берёт, дай последний шанс!
...Причал, и старик с фонарём.

Спросить его!..

Уходит во тьму, ускоряет шаг.

Ко мне иди – с уродливой бедой,
Непоправимою тоской, спеша
Сплошною ахиллесовой пятой
Усталой, несговорчивой души –
От сирых дней, от безотрадных лиц,
Автомобильных улиц-бесприют...
Садись к столу, спроси вина налить
И рядом усади – здесь вместе пьют.
Не пляшущее первое вино –
Сок солнечный, любовная купель:
Сад в сентябре, лоза почти в окно,
Тень облака, и сладкий, сладкий хмель...
Последнего – на выжимках души,
Горчайшего, отравного, из вен
Испей – а слово молвить не спеша,
Не жди ни откровений, ни измен...
Моё, твоей – не помним красоты.
Дай руки на последний перегон,
Держась, как судорожные кусты,
За крайний обрывающийся склон.

* Прах Данте покоится в Равенне, где он провёл последние годы жизни, которую полюбил, и где был написан «Рай» (последняя часть трилогии «Божественной Комедии»).

Во Флоренции, на родине поэта, откуда он был изгнан, в базилике Санта Кроче, построена пустая гробница (кенотаф). Из Флоренции ежегодно доставляется оливковое масло для светильника, горящего в мавзолее поэта в Равенне.

КАРЕЛИЯ

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе.

Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово», а в начале 2019 года сборник стихов «Запах осени».

Долгое время входила в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент». Была главным редактором изданий.

Не смогла иль просто не успела
Вознести осеннюю красу?
То, что у мороза под прицелом,
Вряд ли отогрею и спасу.

Не коснусь изысканно словами
Золотой симфонии ветров,
Слившейся в союзе с куполами
До не наступивших холодов.

Цвет шафрана, теплый и любимый,
Ласковой строкой не оценю.
Планы октября непоправимы,
Не подвластны пасмурному дню.

Золото на белом – так случилось:
Миг, секунда... и уже в былом
Осени обещанная милость –
К сроку не воспетая стихом...

А Осень – она не спросит,
Насколько я стала старше....
И завтра по тихой просьбе,
Попробует сделать краше.

Все то, что так любит тело,
Подарит мне, безусловно:
Помаду рябины спелой,
Прохладный парфюм сезона.

Прикроет туманом плечи –
Столь хрупкие и поныне.
И я в листопад беспечный
Несмело войду богиней.

Пусть где-то грохочут бури –
То будет совсем неважно...
Прикрою глаза, зажмурюсь –
Ведь с Осенью мне не страшно!

А счастье любит тишину...
Оно боится чуждых взглядов.
В окно пытаюсь заглянуть,
За дверью топчется наградой.

О нем не пишут на стене,
В инете не кричат прилюдно.
Оно дороже и ценней,
Когда порой дается трудно.

Оно, как жилка на висках,
Пугливой птичкой в клетке бьется.
Сдержат его нет сил в тисках,
Спугнешь... и ляжет тень на солнце.

Но искушать Судьбу... зачем,
Крича о самом сокровенном?
Ведь лучше тихо, и не всем –
Шепнуть о главном во Вселенной.

Из Вечности в Вечность, где Жизнь –
остановка:

Короткая, длинная – как повезет.
Нельзя утверждать, что фортуна жестока,
Грядущее всем приготовило счет.

А листья желтеют. В пожаре осеннем
Сгорит зелень лета, дающая тень.
Надежда вернется весёлым цветением, –
Мы вновь привыкаем к судьбе перемен.

И мы привыкаем к дождям окуянным,
Ветрам леденящим, сезонной хандре,
Считая, что осенью это нормально –
Природа устала, она всех мудрей...

И ей в круговерти нужна остановка,
Антракт, передышка – всему свой черед!
Ах, нам бы, ЖИВЫМ, вот такую страховку:
Чтоб где-то за Вечностью встретить Восход.

Ах, мне бы тоже на крыло
Подняться, чтобы удалиться
От жухлых трав, сиротских гнезд,
Пожара, что еще дымится.

Взлететь, как птица в вышину, И
где-то там вздохнуть свободно.
Но держит, право, та же грусть.
Так, видно, Господу угодно...

Из ниоткуда в никуда
Стекает жизнь в часах песочных.
Следы надежд порвутся в клочья
Еще до призрачного дна.

Бесстрастным звуком метроном
Отметит времени движенье
Без суеты, опереженья,
Без снисхожденья «на потом».

Лишь бледно-желтый серп луны,
Имея право конвоира,
Зависнет у окна квартиры,
Чтобы взглянуть со стороны –

На тонкость жилки у виска,
Дрожащей от биенья сердца.
И в намерении согреться,
Пошлет привет издалека...

Истончаются дни-страницы,
Оставляя холодный слепок.
Еженощно его частицы

В дверь скребутся и глухо, слепо
Шелестят под порывом ветра,
Призывая уйти в былое...
Где по памяти – метр за метром
Повторять всё опять...

Чтоб снова –

Прикасаюсь душою к близким,
К тем, что тенью уже навеки.
Не чураясь каких-то истин,
Обнимать их, прикрывши веки...

Но бессонница вновь с рассветом
Обожжет нестерпимой болью.
С ней вина гнетущая следом –
Снег бы выпал скорее, что ли...

КРАСНОЯРСК

Николай Еремин

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный и.м. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин».

Автор многочисленных книг стихов и прозы. Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в различных литературных изданиях в России и за рубежом. Победитель и лауреат различных конкурсов, Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ.

Является автором-составителем проекта «Миражисты», под грифом которого издал альманахи «Пощёчина общественной безвкусице», «5-й угол 4-го измерения», «ЕБЖ-Если Буду Жив», «Сибирская ссылка», «Кастрюля и звезда, или Амфора нового смысла»

Трепетно и вдохновенно

«Тебе надлежит пророчествовать!»
Строка из «Священного Писания»

Умный критик
Умного поэта
Просит перед входом в ресторан:
– Извини, Что я уйду с банкета
По-английски, вновь – по-русски пьян...
...Ты уж сам уж воздержись,
Не пей
С Музой удивительной своей...
А не то – будь в курсе:
На беду
Я её с собою уведу!

Старик
Сгубил в себе поэта,
Поскольку не был людям рад...
И осудил себя за это –
Без малого,
Сто лет назад...
И вдруг –
Бессмертье возлюбя,
Снял обвинение с себя...
И, полон вдохновенных сил,
Он
Радость песней воскресил...
Которую
Хмельной народ
Поёт на свадьбах каждый год...

ПЕСЕНКА НА МОТИВ ТЮТЧЕВА

Не верь, не верь Адаму, Ева!
Его своим ты не зови
И к Змею не ходи налево
В бесплотных поисках любви...

И тот, и этот:
– Very good! –
Воскликнешь – сами прибегут!

ОБСЕРВАЦИЯ

Мне снятся Лондон и Париж...
Но над Москвой –
Покой и тишь...
Лишь облака летят – и тают...
А самолёты
Не летают!
И я –
Меж Стиксом и меж Летой –
Как все,
Обклеен изолентой...
По радио –
Дурная весть:
Нельзя ни встать, ни лечь, ни сесть...
Где я?
В какой такой стране?
На Солнце или на Луне?
Зачем –
Билет в моей руке,
Когда границы – на замке?..
Неужто это снится мне?
И я, как все, –
В карантине?
А за окном –
Всегда права,
Увы, безлюдная Москва...

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

– Среди столичных мартовских поэтов –
Ни одного поклонника сонетов! –
Она воскликнула, – Увы, один лишь ты...
Хотя, по сути, все они – коты,
Готовые, сопернику грозя,
Всерьёз повыцарапывать глаза...
Лишь ты один меж них – не кот-воркот...
Обиделся? Чего молчишь? Ну, вот...
А впрочем, докажи, что ты – поэт
И сочини признание-сонет!
Ну? О любви, о солнце, о весне...
И посвяти его – на счастье – мне!
Пусть все про всё чего-нибудь поймут...
Даю тебе 14 минут!

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Верлибр, однако.
Вере ЧИЖЕВСКОЙ и
Эльвире ЧАСТИКОВОЙ посвящается
Рак – это Рок.
Раньше смерть была женского рода.
Но так как Земля меняет полюса, –
И она
Сменила
Пол...
...Только жизнь
По-прежнему остаётся
Прекрасной женщиной!
Имя ей – Судьба.
За что её мы –
Владимир МОНАХОВ,
Владимир РЫЖКОВ
И автор этих строк
Продолжаем любить
Трепетно
И вдохновенно...

МАГАДАН ИНТЕЛЛИГЕНТ

Петр Цветков

«Творчество помогает мне видеть то прекрасное, которое, порой, не разглядеть на бегу...»

Сегодня мы с удовольствием представляем нашим авторам и читателям очень интересного автора из Магадана, а именно Петра Цветкова.

О творчестве и общественной жизни Магадана с ним побеседовал Сергей Пашков.

– Здравствуйте, Петр!

Вот лично у меня сложилось такое ощущение, что рост в Вашем творчестве происходил непосредственно в наших изданиях. Или Вы до этого вели активную творческую деятельность и активно публиковались?

– Здравствуйте, Сергей! Действительно, «Карибская дорога в колымское детство» была первой опубликованной («Интеллигент Нью-Йорк» №7 2019 г. – ред.), до нее были записи, как называется, в стол, для себя. Чтобы сохранить и оставить на бумаге самые яркие события из жизни, в мелочах и чувствах, которые тогда пережил. Так же было и с историей о поездке на Кубу. Инициатором написания этой работы стал Сергей Малашко; на очередной встрече я стал рассказывать ему о своих впечатлениях, а он попросил не говорить долго и много, а написать, и он все прочтет. Так записи переросли в многостраничный рассказ. Подобные записи становятся основой моих работ, настоящих и будущих, которые, надеюсь, так же впервые опубликуются в ваших изданиях.

– Меня удивила Ваша первая напечатанная у нас работа, а именно тем, что она начинается с холодных пейзажей Колымы, затем картинка резко меняется на экзотическую и теплую Кубу, но концовка опять заворачивает эту горячую и экзотическую начинку в пейзаж Колымы. Этаким рулет получился, что приходится вспомнить: «Колыма ты, Колыма. Чудная планета. 12 месяцев зима, остальное – лето». Вы этот материал писали под новыми впечатлениями, просто под неким вдохновением или все же в соотношении различного природного бытия и ментального сознания?

– Поездка на Кубу стала для меня большим потрясением.

Я хотел увидеть страну, о которой много читал, природу, архитектуру, уклад жизни. Многое узнавал о ней из книг Хемингуэя, к слову, одного из моих любимых авторов, особенно нравится книга «Острова в океане». Но я не ожидал встретить там таких людей, открытых, честных, беззлобных. Они не могут позволить себе излишества за столом, у них не велик выбор одежды в магазинах, но эти тяготы жизни никак не отразились на отношении друг к другу. Я словно вернулся во времена своего детства. Люди в Гаване по-прежнему такие, как были на Колыме раньше, как большинство, с кем сталкивала меня жизнь на работе и в быту. И слово «были» звучит для меня особенно печально. Мне кажется, эти особенные, северные, отношения между людьми уходят безвозвратно, это основная мысль той работы.

– Я в курсе того, что Вы не только человек пишущий и поддерживающий творчество и творческих людей в Магадане, но Вы еще и политик. Что больше вам приносит удовлетворения, занятие творчеством или, когда Вы реально кому-либо смогли помочь, имея свои политические, так сказать, рычаги, а, может, просто у Вас есть во всем личная позиция или принципы?

– Виктор Гюго написал замечательную фразу: «Ум богатеет от того, что он получает. Сердце – от того, что отдает». Что может быть приятнее, чем, имея возможность, давать, оказывать помощь и поддержку людям? Ведь они обращаются в самой крайней необходимости, не находя понимания в компетентных органах. И идут они не с протянутой рукой, а с житейской неразрешимой проблемой. Для меня работа в Думе в большей степени не политическая, а общественная. В моем понимании, быть депутатом, значит – помогать людям, а не играть в политику. Я больше пятнадцати лет занимался

этой деятельностью в качестве помощника депутата, в этом году сам был избран на пять лет в Магаданскую городскую Думу, значит, буду продолжать эту работу.

– Раз уж коснулись политической тематики, то поздравляем Вас с выбором в депутаты! Людям пытаются навязать однобокое сейчас представление о Колымском развитии в Советское время, мол, там были одни, якобы, политически репрессированные, и на их, якобы, костях поднимали этот край. При этом такие люди в упор даже не замечают и потому не замечают, что эту же современную Австралию, по сути, создали люди, предками которых были сосланные из Британии преступники. В чем Вы видите не только проблемы в культурном аспекте, но и в экономике вашего края и этого же исхода людей из Магаданской области? Почему там не сохраняют и не берегут, не создают культурную среду, хорошую инфраструктуру, самообеспеченность и выгодный обмен в продуктовом секторе и в природных богатствах? Ведь нельзя же верить в то, что в СССР Колыму осваивали и поднимали только осужденные и корыстные люди, которые ехали сюда за «длинным рублем»!

– Это суждения людей, совсем не знающих Колыму, построенные на стереотипах и штампах. Осваивать просторы Крайнего Севера приехали десятки тысяч людей, по комсомольским путевкам, по зову сердца, стремящихся за неизведанным, за романтикой! Они не боялись тягот и лишений, и палкой их никто в край вечной мерзлоты не загонял. Именно они сформировали тот особый культурный фундамент так называемого северного менталитета. Особенно важно, что с рабочей молодежью приехали творческие люди, интеллигенция. Это был порыв людей, стремившихся именно своим трудом поднять страну, внести личный вклад. Большим примером в этом был мой отец, приехавший в Магадан с молодой семьей в конце шестидесятых. Он строил Магаданскую ТЭЦ и жил в холодном самодельном вагончике.

Сегодня на север не едут трудоспособные люди, не манит их ни «длинный рубль», ни ранний уход на пенсию. А настоящим романтикам, бесребреникам, готовым ехать, нужна перспектива развития региона, масштабная стройка нужна, вера в долгосрочное развитие! Тогда люди перестанут уезжать, и молодежь вернется, окончившая учебу в ведущих ВУЗах.

– Петр, вот мне творчество дает не только вдохновение к самой жизни, но и отвлекает от того негатива, которого сейчас довольно очень много в РФ, а Вам что дает творчество?

– Занятие творчеством, для меня, в первую очередь, возможность быть услышанным. Показать прелесть и неповторимость окружающей нас природы. Высказать свои мысли, субъективные суждения о событиях прошлых и настоящих, которые происходили непосредственно со мной. И плохих событий со мной, как мне кажется, произошло в моей жизни не так много. Негатива, конечно, хватает, и в федеральной повестке, и в региональной, некоторые даже пытаются заработать на этом очки, ругая всех и вся в своих работах. Творчество должно быть в стороне от этого, занятие им помогает мне видеть то прекрасное, которое, порой, не

разглядеть на бегу, за каждодневной суетой. Я стараюсь жить по принципу, что, сколько бы не было много на небе туч, не каждая поливает дождем, надо обязательно примечать во всем позитивные моменты.

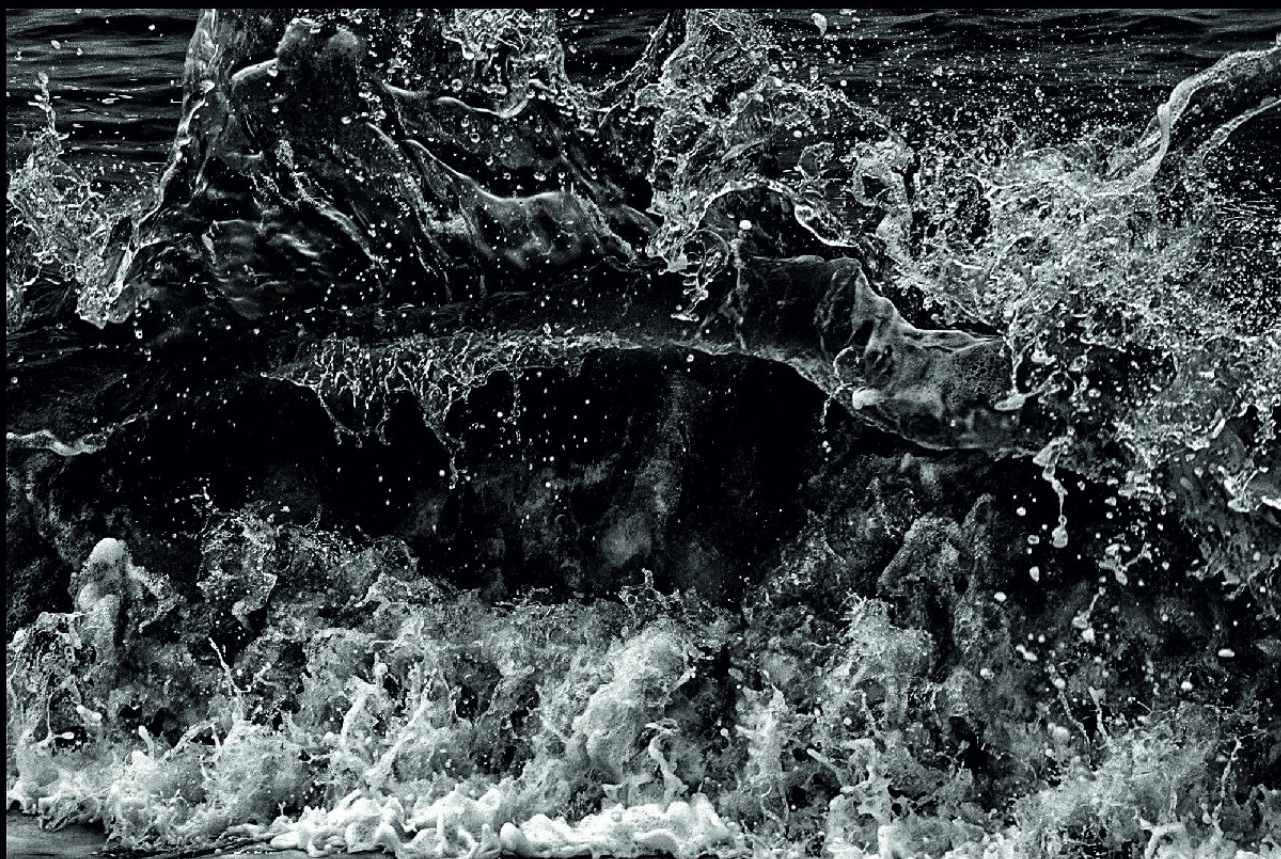
– Вы охотно откликнулись не только на предложение предоставить свою работу в юбилейный номер журнала «Интеллигент Магадан Избранное», но и помогли финансово. Лично Вы считаете, что этот номер журнала обязательно должен войти в культурную историю современного Магадана? Возможно, тут другие люди диктуют, кто и что должно стать культурным наследием Магадана, и этот журнал не имеет в этом ценности?

– Выход такого журнала – это большое событие в культурной жизни моего города. Отличная работа Сергея Малашко и всей команды, участвовавшей в его выпуске. За годы издания газеты «Интеллигент Магадан» он смог найти многих пишущих авторов региона, работы которых без его участия никогда не вышли бы в свет, как и мои. Юбилейный журнал стал квинтэссенцией его труда. Какой подбор работ в прозе и стихах, замечательные интервью! Картины магаданца Владимира Мягкова, размещенные на обложках журнала, в них прошлое, настоящее и будущее нашего города, которое он отражает уникальным, наполненным глубоким смыслом, художественным словом изобразительного искусства. Я рад, что моя скромная работа попала именно в этот журнал. Это первый магаданский журнал в таком формате и наполнении, все, кто видел его, удивлены качеством журнала и вообще его появлением. Удивлены даже те, кто непосредственно отвечает в городе за культуру, но они больше заняты организацией, на их взгляд, более массовых культурных мероприятий и на помощь авторам и редакторам печатных изданий, порой, у них времени нет, или желания, кто знает?! Для поддержки выхода в свет литературного издания нужно постучать не в одну дверь, объяснить и доказать значимость, да и деньги найти, к сожалению.

– И общий, так скажем, вопрос. Вы могли не раз познакомиться с различными нашими изданиями и оценить их не только полиграфическое исполнение, но и подбор авторов и материалов. Хотелось бы лично от Вас узнать оценку наших изданий и материалов в них и Ваши пожелания проекту Медийной группе «Интеллигент».

– Я каждый раз с нетерпением жду выхода нового номера, и читаю его неспешно, порой возвращаясь к некоторым работам и интервью по несколько раз. На страницах журнала множество литературных жанров, проза гармонирует с поэзией. Мне очень нравится, что в одном номере можно прочитать работы русскоязычных авторов с разным мировоззрением, живущих, без преувеличения, во всех уголках земли, стремящихся общими усилиями сохранить традиции русского языка, это уникально. С произведениями именитых и заслуженных авторов соседствуют работы новичков, делающих первые шаги в литературе, по-моему, это здорово. Да и качество верстки и изготовления неизменно очень высокое, в этом огромная заслуга редакции. А пожелать хочу медийной группе «Интеллигент» развития и процветания, творческого и издательского долголетия, плодотворного сотрудничества с авторами, уже печатавшими на его страницах свои работы, а также знакомства с новыми именами активных и талантливых людей.

Аквариум

Из диалога двух рыб:

«Вот ты говоришь, бога нет! Тогда кто меняет в аквариуме воду?»

Яркие экзотические рыбки, диких растений – полноценный живой микромир, замкнутый в стеклах. Красивый аквариум редко кого оставит равнодушным. Мое знакомство с аквариумистикой началось с трехлитровой банки с двумя Гуппиями и веткой пушистой Элодеи, подаренной мне в незапамятном детстве, она стала мне отправной точкой в этот удивительный мир, которым я увлечен по сей день.

За сорок лет было много аквариумов с разными обитателями и растениями. От простого к сложному, с опытом содержания рыб и водных растений, я постигал непростую науку поддержания баланса в этом микромире, баланса жизненно необходимого. Бесцельно плывущие Меченосцы или чинно проплывающие мимо твоих глаз Скалярии, кустики живых растений, даже мелкие и незаметные улитки, все они вынуждены взаимодействовать друг с другом и сосуществовать в аквариуме по воле человека. Замкнутая система чрезвычайно ранима, а для поддержания баланса стоит уделить лишь немного внимания, создать условия для ее развития и процветания, и от благополучного аквариума не оторвать глаз.

Для кого-то аквариум является предметом интерьера, некоторые покупают его детям, ради забавы, вместо собаки. Для меня аквариум – это зеркало своих успе-

хов и неудач, возможность отвлечься от навалившейся рутины, или, напротив, детально обдумать последние события, уставившись в него.

Сквозь стекла аквариума я вижу отражение и нашей жизни. Родная мне Колыма, да и другие островки северо-востока России, которые являются замкнутой системой, полностью зависящей от внешних ресурсов и неспособной к автономности, сегодня представляет собой эдакий заброшенный аквариум, окруженный мутным стеклом, в который заглядывают все реже и реже. Некогда цветущий сад покрывают водоросли, а яркие рыбы превращаются в бесцветных существ. Красота, созданная десятки лет назад, разрушается на глазах, а новых условий для развития и процветания не создается. Не дают необходимого, не до излишеств!

Север становится местом временного пребывания, как банка для передержки рыб. Трудоспособное население, в поисках лучших условий, покидает регион, и молодежь не возвращается после учебы. Не едет больше народ сюда ни за туманом, ни за запахом тайги. В городе не найти людей на рабочие специальности, что говорить о поселках!

А ведь когда-то жизнь на Севере была сродни яркому, цветущему тропическому аквариуму, когда ему уделяли должное внимание.

Татьяна Лукина

7 лет Татьяна Лукина руководит территориальным отделом по обеспечению жизнедеятельности поселка Сокол объединенной территориальной администрации, а до этого работала директором в детском саду «Золотой петушок» и активно занималась творчеством в своём коллективе. В её семье все пели, и были активными в культурной причастии, а это не могло повлиять и на прораствание этих, так сказать, семян в самой Татьяне.

Прочитав стихи и прослушав песни в исполнении Татьяны, мне захотелось поближе познакомиться наших авторов и читателей с её творчеством

– Доброго времени суток, Татьяна! Вас не удивляет то, что клипы с песнями в Вашем исполнении слушают совершенно на другом краю России, а именно практически на границе Финляндии?

– Если бы этот вопрос мне задали пять лет назад, я бы удивилась, сказав, что Вы шутите, так как на тот период у меня было несколько песен, а о клипах – только мечты. Сегодня же отвечаю так:

Скорее – нет, чем да. В наш век продвинутых технологий, при желании и наличии заинтересованных людей, можно реализовать многое. Тематика моих песен жизненная, (хотя муж называет мои песни «нюни в сахаре»), заставляет думать, примерять на себя, это я вижу в глазах зрителей на концертах. Отрадно, что слушают их и возрастные люди, и молодёжь, есть вокалисты, которые взяли песни в свой репертуар. А мой альбом «Баллады о любви», презентация которого состоялась 04.05. 2019 года, слушают уже в Турции, Америке. Клипов у меня всего 11, есть сделанные профессионалами, есть любительские, думаю, что всем понятно, что их создание сопряжено с финансами. Собственно, я за этим и не гонюсь, меня устраивает и нынешнее положение дел, хотя не буду лукавить, конечно, хочется, чтобы песни обрели новый уровень звучания (имею в виду ранг сцены). Считаю, что предназначено человеку, то обязательно придёт, никто другой этого себе не возьмёт. Главное, чтобы было желание, всё остальное приложится.

– У меня тоже крепкая и большая семья, но т.к. у всех нас разные увлечения, то мы выбрали между собой отношения НЕ МЕШАТЬ друг другу, а вот у Вас дочь активно Вам помогает в Вашем творчестве. Бывают ли некие разногласия с дочерью по публичному предоставлению Вашего творчества?

– Нет, не бывает. Хотя, когда я стала делать клипы на свои песни и попросила её разместить их в Интернете – она отказалась, мотивируя тем, что клипы, на её взгляд, старомодны и не соответствуют требованиям современности, поэтому с этой «задачей» справились мои друзья.

Знаете, я ведь самоучка, сама удивляюсь, как мне удаётся «писать» мелодии, в большинстве случаев они приходят при чтении стиха, так как наиграть на музыкальном инструменте я их не могу (не владею нотной грамотой), то записываю на диктофон, чтобы не забыть, а потом прорабатываю каждую музыкальную фразу, чтобы не было одинаковости мелодий. Песня «Почему», например, родилась в самолёте, когда я летела в отпуск, записывала на подручных средствах: каких-то чеках из магазина, посадочном талоне, салфетке. В основном дети и внуки меня поддерживают в творчестве и гордятся.

– Когда я встречаюсь с публичным реализацией творчества, тем более в лирическом амплуа, людей уже довольно зрелого возраста, то у меня возникают три вопроса. То ли эти люди раньше были не удовлетворены лирическим

романтизмом из-за загруженности в работе и в бытовых отношениях, то ли творить для себя самих или просто «в стол» уже наскучило и человек захотел не только быть самкритичным, но получать оценки других людей, то ли «сосуд» переполнен и стал изливаться этим источником уже для других? Как это произошло у Вас?

– Да, Вы правы: в молодости в приоритете была семья, работа, общественная деятельность, и только с появлением свободного времени и «личного пространства» пришло и творчество. Начиналось всё с выпускных утренников в детском саду, где я работала, переделывалась известная песня на свой лад и звучала как подарок выпускникам и их родителям. Потом было неоднократное участие в фестивалях трудовых коллективов, в номинации «вокал», после которых меня пригласили в студию авторской песни «Диамант» (п. Сокол), где собрались талантливые авторы во главе с руководителем – Виктором Морозюком. Вначале я просто исполняла песни других авторов, а через семь лет, вдохновившись творчеством других, начала писать и сама. Опять же, так как не играю на музыкальных инструментах, а хотелось, чтобы песни звучали, пришлось искать аранжировщиков, помогли друзья, которым я безмерно благодарна. В настоящий момент все аранжировки пишутся профессиональными музыкантами в г. Тольятти.

– Слушая Ваш голос и Ваши песни, поймал себя на мысли, мол, как в таком суровом крае может рождаться лирическая романтика? Хотя ЛЮБОВЬ, конечно же, не знает преград и не зависит от мест проживания. Вопрос в обратном, а именно, как Вы считаете, такое творчество в суровых краях сказывается благотворно на состоянии живущих там людей?

– Состояние души и любовь не зависят от места нахождения человека – это, скорее, зависит от характера, хотя я, конечно, надеюсь, что мои песни и стихи согревают людские души, а в суровом северном крае – это немаловажное тепло. Главное, что песни нравятся слушателям, я это не просто вижу, смотря в зал, а чувствую на энергетическом уровне, когда моя душа соприкасается с душами зрителей, это непередаваемое ощущение, испытываю счастье и удовлетворение, и это не фигура речи.

– Вы правы, что многие люди, даже одарённые в разном творчестве не то, что они скромные, а просто не чувствуют себя на публичном их представлении, не нервничая и не стесненными. Ведь публичность подразумевает получать порой не только похвальные оценки, но и разного рода замечания и даже очень отрицательные оценки. Я вот раньше сам был довольно некоммуникабельный человек среди незнакомых мне людей, но научился это преодолевать, сначала в заочных общениях, а потом уже и лицом к лицу. Что бы Вы посоветовали творческим людям, которые порой буквально закапывают свой талант?

– У меня волнение присутствует всегда, несмотря на то, что я

человек публичный и имею большой опыт выступлений на сцене. Бывает, что забываю текст песен или от волнения перехватывает дыхание, но собираю себя, иногда переступаю через себя, через страх и волнение – выхожу на сцену и творю. А тем, кто пишет «в стол», боясь публично представить своё творчество, посоветовать могу только одно: ничего не бойтесь, «идите в народ», начиная с маленьких коллективов: друзей, коллег, знакомых, так же, как я это сделала в своё время. Начало – самая сложная часть любой работы, в том числе и творческой. Приведу один пример, в прошлом году мы с мужем отдыхали в санатории в г. Ессентуки, познакомилась с человеком, который там бывает ежегодно, в разговорах выяснилось, что он не равнодушен к авторской песне, муж дал ему послушать мои песни, в дальнейшем последовало предложение выступить в этом санатории с авторским концертом и я согласилась. Конечно, очень переживала за явку, успокаивало, что вход был бесплатный, а людей пришло много, может, название нашего города привлекло, короче, на следующий день я проснулась «Звездой», люди высказывали своё мнение, просили поделиться своими песнями. А я только после концерта поняла, на что я согласилась, переживал очень муж, я это видела, но всё получилось, потому что я поверила в себя.

– Есть, так сказать, божественные комедии, божественная музыка и прочее творчество, а есть творчество от неземного мира или порочное, НО многие, имея уши и глаза, этого не только не понимают, но и не различают. Простой пример: так в советских комедиях высмеивали пороки, а сейчас злорадствуют над бедами других, веселятся над пошлостью, а придурковатость становится основой всякого веселья. Потому, когда творчество исходит от возвышенных мыслей и чувств, оно с трудом сейчас может выйти на большую аудиторию. Как вы считаете, пусть, хоть с трудом, и малым сеять доброе, мудрое, вечное, или ради новой парадигмы вписываться в современные критерии, ведь для этого сейчас большие пути и широкие ворота?

– На мой взгляд, лучше с трудом сеять доброе, мудрое, вечное, чем, в угоду времени, принять современные критерии так называемой псевдокультуры для того, чтобы любым способом продвигать своё творчество на «звёздный олимп». Пусть аудитория будет меньше, но ты сам будешь испытывать удовлетворение от «обратной связи». Любое творчество предполагает большую работу души, а придёт известность или нет – для меня не особо важно. Мне абсолютно непонятен юмор, который представлен в программах сегодняшнего медийного пространства.

Приведу один пример: во время моей поездки в аэропорт в Питере (возвращалась из отпуска), в такси из радиоприёмника на протяжении 30 минут шёл разговор о предмете женского туалета, сопровождающийся взрывами смеха и аплодисментов слушателей данной программы, такой пошлый и плоский юмор, к сожалению, в большом объёме присутствует и в молодой среде.

– Сумели ли Вы ознакомиться с юбилейным выпуском журнала «Интеллигент Магадан Избранное», а также что бы Вы лично пожелали нашей международной медийной группе «Интеллигент»?

– Да, с юбилейным выпуском журнала «Интеллигент Магадан. Избранное» я знакома. Меня поразила география, разнообразие и высокий уровень творчества авторов. А коллективу редакции журнала я бы пожелала дальнейшего процветания и незаурядных авторов, вдохновения и удачи, как в настоящем, так и в будущем.

Беседовал Сергей Пашков

ЛУННАЯ МЕЛОДИЯ

1. Я прихожу не потому, что ждёшь,
И ухожу не потому, что надоела,
Ведь ты и сам куда-то вновь идёшь,
Но мне, поверь, до этого нет дела.

Я не стремлюсь туда, где не нужна,
И не стучусь я в дверь, что вновь закрыта.
И не моя, и не твоя вина,
Что лунная мелодия забыта.
2. Мы – «Инь» и «Ян», загадка и ответ,
Стремленья наши будоражат души,
Не принимай молчания обет,
Ведь без дождя жара живое сушит.
3. Уже не раз меняли мы пути,
Вычёркивали из маршрута встречи,
Но кто-то вновь нас вынуждал туда идти,
Где лунная мелодия весь вечер.

УЗЕЛКИ СУДЬБЫ

1. Разорвалась нить между душами,
Стало пусто внутри и темно.
Почему же так чувства простужены,
Отчего ж их снежком занесло.
Может света, тепла не хватило
В повседневной жизни двоим,
Или счастье обид не простило
И уже нам не встретиться с ним.

Что же души расстаться заставило:
Нелюбовь или завистников рассказы,
Может, счастье немного sluкавило
И разбилось о толки промозглые.
2. Там, где рвётся – мы бережно штопаем,
Иногда так немного прочней!
Так бывает: что сказано шёпотом,
То доходчивей громких речей.
Всё латаем стежками да строчками,
Укрепляем душевный покой,
Ты свяжи эту нить узелочками
И скрепи эту память судьбой.

Дождик сменится солнышком ласковым
И любовь в Душе зазвенит струной,
И судьба исправит сбой красками,
А тоску смоем в море седой волной.

ПОЦЕЛУИ ПОД ДОЖДЁМ

1. Вы целовались под дождём когда-нибудь?
А если нет, попробуйте, понравится,
Губами капли он старался промокнуть,
Себя счастливой ощущала и красавицей.
На нас дождь тихо падал, падал с высоты,
А мы стояли, обнимаясь, хохотали.
Прохожие смотрели, прячась под зонты,
Безумства нашего они не понимали.
2. А мы вокруг не замечали никого,
Дождинкам подставляли наши лица.
Он только мой, а я была его,
Друг в друге нам хотелось раствориться.
И громко так стучали в унисон наши сердца,
Душа с душой слились в единой песне.
Я думала, не будет счастья этому конца,
Казалось нам – мы вечно будем вместе!

Мне не забыть то состояние души
И ощущение счастья неземного,
Ты только расставаться с этим не спеши,
Хоть не вернуть уже былого.

ВОЛШЕБНИК-СЕНТЯБРЬ

1. Волшебник-сентябрь природу окрашивал в дождик,
Свершая свой необычный простой ритуал,
И, как уникальный стилист и отменный художник,
Он краски палитры и с ветром, и солнцем мешал.

Осень – грустное время в любовном романсе,
Где ветер и дождь с листопадом всегда исполняют
свой блюз,
И где в унисоне с природой листья кружатся в вальсе,
Грустным танцем, венчая капризов Вселенский союз.
2. Звенели, блистая, берёзок листочки-монетки,
Весь охрой, краплагом и умброй окрашен был лес,
Волшебник-сентябрь колдовал, изменяя расцветки
Ковром жёлто-красной листвы все красоты чудес.

**НУ ЧТО ЕЩЁ МНЕ
У СУДЬБЫ ПРОСИТЬ**

1. Ну что ещё мне у судьбы просить,
Она и так почти не обижает.
И от любви душа моя парит,
Ведь это чувство все другие затмевает.

Любовь по жизни нас соединила,
И ангелов-хранителей дала,
И две души благословила,
Волшебным светом нас зажгла.
2. Бывает, люди жизни проживают,
Не ощутив всей прелести любви,
И кто любил, тот это понимает,
Стараясь бережно её нести.

3. Любви нужны свобода и взаимность,
Без этих чувств она не может быть,
Присуща ей неповторимая наивность,
Нежна, чиста, её не хочется делить.

Любовь по жизни нас соединила,
И ангелов-хранителей дала,
И две души благословила,
Волшебным светом нас зажгла.
И счастье безмятежное открыла,
И с нею мир стал ярче и теплей,
Любовь с тобою нас благословила
Волшебной музыкой своей.

Я ЗАБЛУДИЛАСЬ

1. Я в мыслях заблудилась, как в объятиях,
Спешат секунды, улетаю ввысь.
И коль судьба включила неприятие,
Ты отпусти меня и не сердись.

Ты – где-то там, я – где-то тут,
Спешат секунды, улетаю в вечность,
И между душами порвать не просто нить,
У жизни существует бесконечность.
2. Всё встанет на привычные места теперь,
И я приму разрыв, как неизбежность,
Ответную любовь устала ждать, поверь,
Ушло тепло душевное и нежность.
3. Пускай судьба решила всё иначе,
И вместе нам не суждено идти,
Останусь навсегда твоею тайною,
А ты – осколками моей души.

ТЫ ПРИХОДИ

1. Ты приходи, когда наступят холода,
Чтобы согреться, мы вдвоём сумели,
Рассказывай про всё, о чём болит душа,
Какие страхи в голове засели.
Ты приходи, когда не сможешь ждать,
Счастливого конца событий трудных,
Мы посидим с тобою молча у окна,
Прощаясь с днём ушедшим, ночью лунной.

Ты приходи, ты приходи всегда,
Я по шагам тебя узнаю сразу,
Я буду выбегать, встречать тебя,
Теплом укутывая раз за разом.
2. Ты приходи, когда устанешь от всего:
От творчества, искусства и работы,
Садись со мной за стол и выпьем граммов сто,
И чувства нежные распишем в ноты.
Ты приходи, чтобы остаться навсегда,
Соединить два одиноких сердца вместе,
Мы посидим с тобою молча у окна,
Забыв про всё и всех на миг, на вечность.

Андрей Шаповал

Шаповал Андрей Степанович. Родился 26.12.1960 в гор. Черногорске, Красноярского края. В 1970 году, с родителями приехал в Магаданскую область, посёлок Мянунджа. Мама была работником торговли, отец – водителем Колымской трассы.

По образованию – врач-хирург, подполковник медицинской службы запаса.

С 2010 года живёт и работает в Подомосковье.

Сегодня мы знакомим наших авторов и читателей с весьма интересным и своеобразным автором-исполнителем своих песен Андреем Шаповалом.

– Андрей, рады видеть Вас у нас в гостях. Для знакомства расскажите, как попали на Колыму, что Вас с ней связывало и связывает ли сейчас?

– Здравствуйте! Я родился и до 10 лет жил в городе Черногорске, Красноярский край, Хакасия. Степной край, единственная достопримечательность которого в этой местности – Енисей. Зачитываясь в своё время книгами В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю», мечтал о жизни в таёжном крае. Мечты сбылись – в 1970 году родители привезли нас на Колыму. Поселились мы в Мянундже, которая, с годами, стала родной. Я был на седьмом небе от счастья – вот она тайга! С друзьями, такими же пацанами, мы пропадали в лесах близлежащих сопок, где были и индейцами, и следопытами... Подрастая, мы стали «добытчиками», были обловлены реки и речки в радиусе, не совру, 120 – 150 километров и все зимовья в радиусе до 30 км. нам тоже были известны. Тайга многому научила и многое воспитала в нас, научила относиться к ней с должной бережливостью и уважением.

Окончив в 1978 году Мянунджинскую школу (низкий поклон ей и её педагогам), поступил в Благовещенский медицинский институт. Колыма не отпустила. Окончив в 1984 году институт врачом-хирургом, добился распределения в Магаданский облздрав, откуда был направлен в Сусуманскую районную больницу. Моим наставником, учителем, а в последствии и другом, стал легендарный хирург Магаданской области – Прохоров Анатолий Васильевич, дай Бог ему здоровья на долгие годы!

В начале 90-х перестройка добралась до Колымы. Чтобы «бескровно» вывезти семью, мне пришлось встать под погоны. Служил в Хабаровске, Белгороде в должности старшего ординатора, затем начальника хирургических отделений. В 2010 году уволен в запас в звании подполковника м/с. Иногда, оглядываясь на прожитые годы, я понимаю, что Колыма, Колыма тех лет – один из лучших периодов моей жизни! Что связывает с Колымой теперь? Воспоминания, друзья, живущие там и могила брата на 13 километре (Царство ему Небесное!).

– Общаясь с нашими общими знакомыми в известном Вам посёлке Мянунджа, я узнал, что песни, написанные на Ваши стихи, до сих пор поют под гитару любители бардовской песни. Когда начали писать, что стало толчком для проявления творческих способностей?

– Это было в октябре 1993 года. Призыв в Армию уже вошёл в заключительную стадию – сборы, увольнение, переезд. Я поздно ночью вернулся из стационара. Семья спала. Сел на кухне, закурил и меня, что называется, «накрыло» – ВСЁ ПРАВДА, ВСЁ ВСЕРЬЁЗ И НАВСЕГДА! «Прощание с Колымой» написал за час и практически без поправок. Много народа уезжало в те времена из Колымы, захотелось поделиться своими чувствами на происходящее и я опубликовал стихотворение в «Горняке Севера».

– Андрей, когда я слушал исполнение песен на Ваши же стихи, то у меня даже «мурашки» появились, но когда стал Ваши стихи читать, то они, как бы, и не читабельные. Я, конечно же, знаю, что такой феномен есть и даже у знаменитых поэтов, хотел бы в связи с этим задать вот какой вопрос. Вы сначала пишете

музыку, или стихи, а потом уже представляете их как песню?

– О читабельности моих стихов. Я, конечно же, не профессионал в поэзии, никогда не интересовался, не знал и не знаю её правил. Все мои стихотворения написаны душой, как бы высокопарно это не звучало, на пике эмоционального накала, мой ответ на происходящие события. Однажды я исполнил «Прощание с Колымой» здесь, в Подмосковье, во время встречи с одноклассниками. Ребята выложили её на «Одноклассниках» (прошу прощения за тавтологию). Песня набрала 1,5 тыс. откликов колымчан. Тёплые, душевные воспоминания и переживания о происшедшем и происходящем с Колымой! Кто-то предложил переименовать её в «Гимн уезжающих».

В 2005 году я исполнял песню «Памяти “Курска”» на фестивале военной песни в Сочи. Зал слушал стоя. Не думаю, что их поднял мой вокал... Вот и вся читабельность. Да, сначала пишутся стихи, мелодия, гармония приходят позже. Мне очень повезло с друзьями-музыкантами в г.Сочи. Они прекрасные аранжировщики и звукооператоры, соавторы моих песен!

– В Советском кинофильме «Офицеры» герои повторяют такую фразу: «Есть такая профессия – Родину защищать!» А как в Вас совмещается врач, который даёт жизнь и вылечивает от ран и болезней, с военным, который, защищая страну, вынужден причинять противнику боль от ранений и даже нести ему смерть?

– К вопросу о враче и военном. Меня минула чаша сия, поучаствовать в военных конфликтах, хотя в первую Чеченскую кампанию был весьма близок к этому. Ребята, которые были там, рассказывали потом, что оперировали всех, и военных, и гражданских, и русских, и чеченцев. Это долг врача, его профессионализм и призвание. А снаряжённое оружие лежало в предоперационной... Это страшные реалии войны.

– У Вас довольно много хобби (это и гитара, и поэзия, и резьба по дереву) и довольно большое семейство. Разные хобби не мешают друг другу? А, может, большая семья иногда мешает Вашим увлечениям?

– Да, у меня большая семья. Любимая жена (в этом году исполнилось 40 лет нашей любви!), дорогие взрослые дети – сын и дочь, и три ЧРЕЗВЫЧАЙНО любимых внука – Максим (Макс), Дима (Димыч) и Андрюшка!!! Это моя опора, мой смысл жизни, мои надежды и чаяния! Они с радостью принимают все мои начинания и, конечно, поддерживают во всём.

– На Ваши творческие занятия, что больше повлияло, места проживания или профессия?

– На моё творчество всегда влияли и влияют события нашей жизни. Не терплю ложь, популизм во всех их проявлениях! В основном из-за этого год назад ушёл с должности главного врача поликлиники. Спираль жизни сделала очередной виток, и всё вернулось на круги своя – я опять просто врач-хирург и это здорово!

Желаем Вам и Вашим родным и близким здоровья и долголетия, в том числе и творческого долголетия!

Беседу провёл Сергей Пашков

Возвращаясь всю жизнь

Возвращаясь всю жизнь,
Я, конечно, вернусь.
Может быть, через год,
Или пять, или – вечным...
В глухаринном распадке
Ручьём обернусь,
Побегу, серебрясь,
По твоим редколесьям.

А потом обернусь
Краснобокой брусникой,
И крикливою сойкой
Полечу над тайгой,
Бородатым сохатым,
Я шагну в бесконечность
И останусь навеки с моей Колымой!

Возвращаясь всю жизнь...

«Безумный сериал»

Ну кому, кому нужна она,
Мачеха солдатская – война.
Поднимается в ущелье дым-туман,
Словно вновь вернулись мы в Афган...

Только вот, Серега, в чём беда,
Это не чужая, брат, страна.
Вроде как, Россия она,
Просто все мы сошли с ума!

И как в безумном сериале,
Опять Чечня, уже «вторая»,
И кровью алой, словно пламя,
Мы топим, плавим снег под нами!
И где-то снова плачут мамы,
Опять несут ребят «Тюльпаны»,
И души наши рваны, рваны...
Где взять лекарство их зарубцевать...

Сняли мины в отчем доме твоём,
Мы вчера с Серёгой, дружкой.
Обнимал ты нас, кормил и поил,
А потом, по-волчьи, в спину, убил!

Не забудь, Россия, нас, помяни,
Рощами, лесами зашуми,
Наши души омой росой,
На груди у себя успокой.

И как в безумном сериале,
Опять Чечня, уже «вторая»,
И кровью алой, словно пламя,
Мы топим, плавим снег под нами.
И где-то снова плачут мамы,
Опять несут ребят «Тюльпаны»,
И души наши рваны, рваны,
Где взять лекарство их зарубцевать?

И нет лекарства их зарубцевать...

Стихи о Колыме

Вы спросите: «Скучаешь?» – Нет. Страдаю!
Страдаю по покинутой земле,
По белоснежно-вымерзшему краю,
По ледяной планете-Колыме.

Вы вскрикните: «С ума сошёл? По ней-то?»
Что вам сказать... Да и поймете ль вы?
Для вас она лишь ЗОНА континента,
И вход туда – через порог тюрьмы.

Ярлык, неправда, наговор – поверьте!
И в том, что было, не её вина!
Став, подневольно, спутницею смерти,
До сей поры брусникой плачет Колыма!

Что обо мне – я знал её другою,
Когда ласкал распадки иван-чай,
А солнце поднимаясь над тайгой,
Лучом, как золотом, расцвечивало марь!

Осеннею порой багрянец сопок,
Притягивал восторженный мой взор,
И россыпи брусники и морошки,
Мерцали, словно сказочный ковёр.

Суров был край колымскою зимою,
Скрывая за туманом облик свой,
Порою мне казалось – всё подвластно,
Всё скованно морозной тусклой мглой!

Но мгла, метель, туманы и морозы,
Всё разбивалось о заветный круг,
О тёплый круг людей, которым я был нужен,
Как человек, как врач, как просто – друг!

Мой милый край! Как же далёк ты ныне!
Как всё вернуть, не только чтоб во снах?
В ответ мне – тишина... Лишь звёздами блеснули,
Погоны на моих опущенных плечах.

«КУРСК»

*Памяти капитан-лейтенанта Дмитрия Колесникова
и экипажа АПЛ «КУРСК»*

Море, Великое Море,
Как мы любили тебя!
Волны, простор и воля,
И экипаж – как семья!

В рейде мы шли своим курсом,
Чтобы потом и опять
Вернуться на базу всем «Курском»
И наших детей обнять.

Но вот упала разом тьма тугая,
И жизнь, и кислород уходят в ноль...
А мне осталась истина простая,
Записку в целлофан и боль, и боль, и боль!

Близко, всего-то лишь сотня,
Лишь сотня до воздуха, неба!
Отчизна, ну где ж ты, Отчизна!
Как трудно уйти мне в небыль...

Да нет, мы уже не в силах,
Порвал океан переборки.
Запомни же нас, Отчизна,
Ребят, что погибли в подлодке.

В холодном Баренцевом море,
Лежим мы в глубине, скорбя,
Вы не поймёте наше горе...
Любви и жизни вам, друзья!

Любви и жизни, любви и жизни,
Любви и жизни вам...
Море, Великое море,
Как мы любили тебя...

Сергей Стельмашенко

34 года

Родился в посёлке Нексикан Магаданской области. В десять лет с родителями переехал в Магадан, где и проживает в настоящее время. Работает на автозаправочной станции.

Стихи пишет с двадцати лет, с перерывами на жизнь.

Это нормально

Серое небо здесь очень нормально,
люди привыкли, всегда привыкают.
Цвета другого совсем минимально,
многие просто иного не знают.

Снегом сереющим в лужах из стали
город свои насыпает гримасы.
Звёзды давно в них смотреть перестали,
в них отражаются серые массы.

Серые будни, души паутина,
бродят по ниточкам серые маски.
Эта, нормальная в целом, картина
серой написана кистью и краской.

Цвета и будней, и неба,
и лужи серые лёгкие дым выпускают
в серое «лишь бы мне не было хуже».
Это нормально, такое бывает...

Это нормально, на мокром карнизе
серая чайка тоскливо кричится
в небо о солнце, о море, о бризе...
Но остаётся, глупая птица.

Мы остаёмся, седыми камнями
в землю забиты рядами неровными.
Богом забытые, битые днями,
только ночами псевдосвободные.

Злые, голодные, серые глазки,
тускло мерцают в сером азарте.
Это нормально, смотреть по указке
в серые контуры контурной карты.

Тёмное время на сером не страшно!
Прячутся в белянкой блёклые души,
глядя из серенькой кухонной башни...
Это нормально, бывает и хуже.

Цветы из пустоты

Оно уходит, чувствуешь? Как тень с восходом солнца,
как лёгкая улыбка с губ на выдохе тоски.
Уходит и возможно, что обратно не вернётся.
Усохнет, распадётся в пыль, как розы лепестки.

А нам лежать на берегу, мы немощные рыбы,
беззвучно и бессмысленно разявливаем рты.
Мои/твои слова пусты, цветами быть могли бы,
но не растут в сердцах, увы, цветы из пустоты...

Оно уходит, очень жаль, давай станцуем тризну,
безжалостно смеясь над тем, что остаётся в нас.
Мы предоставим все права пусто Уму – механизму,
а сами растворимся в том, что здесь и что сейчас...

И в дивной нашей тишине, во власти сердца стука,
нежданно и негаданно Цветы Любви взошли.
Прекрасная, загадочная, странная наука!
Оно вернулось, чувствуешь? Как только мы ушли...

Собирательный образ

Ты не что-то конкретное... Зыбкая, тонкая дымка.
Словно тело тумана струится в осенней ночи...
Ты моё наваждение, призрак, моя невидимка!
Ты удар, что от солнца я так и не смог получить.

Я не помню ни цвет твоих глаз, ни изгиба улыбки.
Голос твой вечерами покой у меня не крадёт.
Но я точно уверен, что ты не фантом, не ошибка!
И я жду тебя так, как никто никого уж не ждёт...

Тебя в городе нет, а возможно и не существует!
Очень тонкое чувство, ты словно моя жамэ ву.
Сердце бьётся над этой загадкой, оно протестует.
Ведь нельзя полюбить ту, что даже не знал наяву!

Слишком много неясных, безликих, туманных деталей.
Слишком мало частичек тебя у меня в голове.
От себя до тебя я в бреду я бреду по спирали,
понимая, нам места не будет в последней главе...

Вспоминая обрывки твои, собирая осколки
обречён я на вечные сбор и потерю, увы.
Собирательный образ твой хрупкий, прозрачный и колкий.
Он не хочет покинуть темницу моей головы...

Люди как двери

Люди как двери. Бывают открыты,
заходишь, кругом чистота, всё в порядке.
Бывает, разруха, разбито корыто,
орда сорняков на заброшенных грядках.

За дверью одной неприметная зала,
узкая, тесновата и давит на плечи.
Другая ведёт в бесконечность спортзала,
свободно, просторно и дышится легче!

Так часто бывает, что дверца красива,
покрытая лаком на солнце искрится!
Проходишь, а в комнате пусто, тоскливо,
лишь слышно, как скучно скрипят половицы.

А вот просто дверь, незатейлива, даже
не дверь, неприметная серая дверца.
Однако за нею вселенной пейзажи,
а в центре огромное, доброе сердце!

Закрытыми двери нередко бывают,
надёжно свою охраняют загадку.
Возможно, конечно, что чудо скрывают,
но чаще за ними кирпичная кладка.

Все люди разнятся и разные двери,
не к каждому ключик подобран быть может.
Но к лучшему нужно стремиться и верить
и в этом наш собственный ключик поможет!

Александр Нагаев

Александр Петрович Нагаев – композитор, член Союза композиторов России. Почетный профессор Дальневосточной консерватории. Пишет классическую и эстрадную музыку. Весь мир 40 лет играет его Сонату для баяна. В 2019 году триумфально прозвучали премьеры его симфонии «Апокалипсис 20-го столетия», – в Голландии, во Владивостоке и в Москве. Его песни («Знаю любил» на стихи Джуньи) пели Ирина Понаровская, И.Кобзон и А.Малинин.

Однако на страницах этого номера Александр является нам как незаурядный поэт, тонко чувствующий, лиричный, рефлексивный. Что еще раз доказывает подлинный талант творца, личности созидатель.

Надеемся, читатели получают такое же удовольствие от чтения стихов Александра, как и мы.

*«Надежда – сводня смерти»
Акутогава*

Я рвался, я метался, я так ждал...
Но время у висков моих струилось.
Вина налил в твой призрачный бокал
И в сумраке ночи душа взмолилась...

Движения твоей души – легки,
Куда-то также устремлялись.
И в ауру твоей тоски
Мои сомнения впивались.

Я ждал, надеялся, мечтал.
В трансцендентальном состоянии
Тебя во сне я навещал
Как луч надежды? Покаянья?

И флер твоих остывших чар
Несостоявшихся свиданий
Оправдывался и кричал
На перепутье мирозданий...

Так в космосе сияет много лет
Звезды, уже давно погасшей,
Таинственный надежды свет,
Как будто все ещё летящей...

Надежда – сводня смерти, так сказал
Акутогава – он в стане восточной
На флейте ветра напевал
Песнь одиночества – и ночью
Мне его далекая душа
Без переводчика призналась,
Что в этом мире все круша
В безбрежье звезд она прорвалась.
И я метался, и кричал,
И понял, все это приснилось,
Кого-то в этом мире ждал?
Кому-то в том я впал в немилость.
Я так надеялся...

ПЕРВЫЙ СНЕГ В МАГАДАНЕ

Сегодня ночью выпал первый снег
Он тихо шел, никто и не заметил
И серебристый его, нежный свет
На все мои вопросы не ответил...
И я подумал, у тебя в Москве
Сегодня этот первый снег идет
Возможно, он напомнит обо мне
И боль ошибок наших всех сотрет
И белым покрывалом сладких грез
Накроет наши все больные раны
И глупые, случайные обманы
Уж не достойны его чистых слез
Твоя душа чиста, как этот снег
Накрывший город белым покрывалом
С тобою вместе мы уже сто лет...
И в грешной нашей жизни все бывало...
Слияние сердец в ночной тиши...
И боль разлуки – сладкая струна...
Просил тебя: «Ты больше не греши»,
Я убеждал – ты у меня одна...
Ты говорила: «Будь со мною нежен
Люби меня, ведь так мне это надо...»
Прошу тебя, прости, коли я грешен
А я прощу тебе твои улады...
Они уж не волнуют, в эту ночь...
Я вспомнил наших дней очарованье
Твоей душе пытаюсь я помочь...
Тебя люблю...

Так сладко покаянье...

Вчера с тобою говорил...
Сегодня – телефон твой занят...
В бокал шампанского налил...
Меня вино сегодня манит...
Шипит и пенится оно...
Все в доме спят давным-давно...
Лишь я ловлю ночной тот миг
Когда души не слышен крик...

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

День воспоминаний
 Лентой голубой
 Опоясал теплый вечер.
 Все, что было с нами
 Можешь взять с собой
 И хранить до первой встречи
 Игорь Тальков

Ну, что же ты,
 милая,
 сладкая...
Чувства твои —
 в пути?..
Буреломы
 сламывая,
Долго тебе
 идти...
Навороты судьбы
 крутые...
Тебе их
 не преодолеть...
Твои заботы мирские
Не смогут помочь взлететь...
Взорваться,.. испепелиться...
В безумный,
 космический смерч...
А может лучше влюбиться?..
И нежно потом умереть?..
Блистательная
 жар-птица,
Перо у меня в руке...
А может, все это снится?..
А ты на другой звезде?..
Где ты теперь летаешь?..
Голос твой —
 шелест в ночи...
Слезы мои алые
Звездные капли свечи...
Истаивающей нежностью...
Струйками серебра
Во временной безбрежности
Светоноситель добра...
Звезда твоя —
 скрытная,
(таинственная моя)
Она может быть хитрая,
Но душенька твоя...
Молится своему богу...
Надеемся на прощение,
Но золотую берлогу
Ты предпочтешь мщению...
Ну, что же ты,
 милая,
 сладкая...
Все растеряла в пути...
Буреломы адские
Нас изломали ...
 Прости...

ДЕЛИЙСКИЙ РЕСТОРАН

Сегодня в Дели, в ресторане...
Свеча горела на столе...
И капли слез по ней стекали...
Я снова вспомнил о тебе...
Ты далеко сейчас летаешь...
А я вдруг оказался в Дели...
Как мне узнать, — о чем мечтаешь?..
Что птицы райские напели?..
Что мои слезы?.. — твой обман?..
Надежды слабое сиянье...
Скажи, кто богом тебе дан?..
Кому возносишь подаянье?..
И что ты можешь в этом мире?..
Душа твоя не знает слез...
Моя душа — подобна лире...
Поет о нежности берез...
А на столе свеча горела...
Напоминая о тебе...
Моя душа вдруг просветлела...
Я кофе заказал себе...
Взял в руки чашку теплую...
Но сахара в нее не бросил...
Пил кофе... твою душу томную,
Я познавал, и превозносил...
И в это грустное мгновенье
Тебя узнал, и в нежность грез
Я окунулся, в сладость пенья
И благодарен был до слез...
Тому, что снова я один...
Сижу за столиком хрустальным...
Я в Дели, — белый господин ...
А ты в Москве, такой печальной...
Воспоминанья нежных снов
Меня кружили в паутине...
И в этот миг не надо слов...
Мы снова вместе, мы тут были...
Мне было грустно в этот час...
К твоей душе я прикоснулся...
Огонь свечи давно угас...
И я нечаянно проснулся...
Я расплатился и ушел...
И понял, — это было счастье...
Тебя почувствовал, нашел...
Я был с тобой и в твоей власти...
Все было странно в этот вечер...
Я господу сказал: «Спасибо» ...
В далеком Дели мыслей ветер
Мне улыбнулся нежно, мило...
И дымкою печали томной
Я был опутан, в снов свиданье...
Вновь окунулся, ночью темной
Я прикоснулся к мирозданью...
Твоей заблудшей души...
Ты вспомни, как мы ночью пели?..
Мои страданья разреши...
Спаси, так без тебя мне плохо в Дели...
Сегодня я был в ресторане...
И слезы алые свечи
Мне о тебе все рассказали...
С тобою слился я в астрале...
И мы растаяли в ночи...
Сегодня, в ресторане, в Дели
Свеча сгорела до конца...
А в небо две звезды взлетели
Зажглись в созвездии Стрельца...

ПЛАНИДА ТВОРЦА...

Художник Босх – больной воображеньем...
 А Сальватор Дали – изранен искушеньем...
 Гарсиа Лорка – исполнен наважденьем...
 Кандинский – очень болен самоменьем...
 Ван Гог – его изранена душа...
 Тулуз Лотрек – увечен натурально...
 Тарковский – повествует не спеша...
 А Поль Гоген – всегда летит астрально...
 И Мусоргского пьяный, красный нос...
 Чайковского «запретные» страдания...
 И страсть у Брамса ввергла мир в хаос...
 И Менделеева любви метанья...
 И выстрел Пушкина, в себя, смертельный...
 И пуля в Лермонтова, из куста...
 Петля Золотарева* в миг предельный...
 Есенина убийство – не проста...
 Душили Шостаковича системой...
 Талькова застрелили на концерте...
 И над Россией воцарился демон...
 Но мы еще споем,

и вы нам
 верьте.

ПРОСТИ ...

Снег на улице,
 мороз ...
 В комнате –
 накурено ...
 Милая,
 не надо слез, ...
 И не надо
 хмуриться ...
 Поздно
 что-то предпринять ...
 Или
 изменить ...
 Твою боль
 мне
 не унять...
 Ухожу...
 Прости...

* * *

Вот в Магадане ночь настала
 Кормлю я рыбку золотую...
 Душа моя уже устала
 Любить надежду холостую...
 Вам не понять ее порывы
 И боль ее вам не унять...
 Но вы простите мои срывы...
 Я нежно вас хочу обнять...

ТАК ГРУСТНО ПОКИДАТЬ МОСКВУ

Мне было грустно покидать Москву...
 Ты не пришла, и даже не звонила...
 Я улетаю, уношу свою тоску...
 А ты, наверно, обо всем забыла...
 О том, что ты любимая моя...
 Что я летел к мерцающей звезде...
 Но твой бредовый хаос бытия
 Убьет любую душу, и нигде,
 Душа твоя пристанища не сыщет...
 И никогда уж не понять тебе,
 Что ты теряешь, и зачем ты ищешь...
 Надеешься покой найти себе...
 Мой телефон молчал, а я так ждал...
 Напрасны были мыслей устремленья...
 Я поднял на прощание бокал,
 И выпил за тебя, за все сомненья...
 Твоей шальной, измученной души...
 За наше умирающее счастье...
 Я улетаю, ты мне не пиши,
 Ты не пришла, все было в твоей власти...
 И счастья нашего росточек нежный,
 Он не пробьется... медленно умрет...
 Но ты живешь в больной квартире, смежной...
 В бредовый собираешься полет...
 А я уж улетел... в далеком Дели...
 Теперь живу, но каждый раз во сне,
 Я вижу, как вдвоем взлетели...
 К далекой и пустующей звезде...
 Где может быть, никто нас и не ждал...
 Но наши души так в полет стремились...
 Возможно, наш Эгрегор парный дал...
 Последний шанс, но мы-то изменились...
 А он старался, так хотел помочь...
 Ведь, если не спасет нас, он – умрет...
 Но ты не можешь быть свой превозмочь...
 Твоя беспомощность его убьет...
 Тебе не жаль его души астральной?..
 Ну, что там, на мою уж наплевать...
 Моя любовь проснулась в день печальный...
 Где ты была?.. где мне тебя искать?..
 А может быть искать уже не надо?..
 Я – в Дели, ты в Москве, как-то живешь...
 Но сны мои, безумная отрада...
 Моих стремлений безнадежных ложь...
 Но я хочу Эгрегора спасти...
 И пусть живет душа его святая...
 Вдруг нам друг друга уж не обрести?..
 И встреч наш календарь уже листая...
 Увидим мы прощальный наш полет...
 В последний раз друг друга ощущаем...
 Прости меня, надежды сладкий мед,
 От жизни и от смерти не спасает...
 Как было грустно покидать Москву
 Ты не пришла и мне не позвонила...
 Куда мне деть кричащую тоску...
 Скажите мне, со мной все это было?..
 Мне было грустно покидать Москву...

* Владислав Золотарев (род.13.09.1942г.) – мой духовный наставник «учитель по композиции и друг». Всемирно знаменитый композитор, создал для баяна 3 детских сюит, сонаты, партиты, концерты-симфонии. В 1969г. Окончил Магаданское музыкальное училище. В 1975г 10 мая ушел из жизни в Москве.

ТРИ ДНЯ

*Я так один. Никто не понимает
молчанье: голос моих длинных дней
и ветра нет, который открывает
большие небеса моих очей.*

(Райнер Мариа Рильке)

Все познается в сравнении...

Каждый новый день дает нам возможность сравнить его с днем уже прошедшим... Восточные философы говорят: «Забудь прошедший день, не думай о нем, не вспоминай. Воспоминания ранят Душу, разрушают ее. Не думай о дне завтрашнем, надежды тревожат, не приносят успокоения. ЖИВИ днем сегодняшним. Наслаждайся им, радуйся ему, и твоя Душа наполнится счастьем».

Но у нас, СЛАВЯН, своя религия, своя ВЕРА, и свое понимание СЧАСТЬЯ и ГОРЯ...

«ТЕРПИ И ВОЗДАСТСЯ ТЕБЕ...»

И это великое терпение, прораставшее в наших душах столетиями, сменой многих поколений, сидит в подкорке настолько, что никакие веяния древней Восточной философии не в силах его изменить. Мы страстно любим СЕГОДНЯ, безумно страдаем от того, что было ВЧЕРА, и мучаемся НАДЕЖДАМИ о завтрашнем дне, совершенно не думая о том, что он может и не наступить вовсе...

Сравнительно недавно мне было дано СУДЬБОЙ пережить мгновенья СЧАСТЬЯ, ГОРЯ и БЕСПРЕДЕЛЬНОГО ОТЧАЯНИЯ...

Не управляемая, не поддающаяся никакому контролю, моя славянская душа металась, словно дикая птица в золоченой клетке, билась о прутья, искала выхода, но не находила его...

... «О ЧЕМ ПЕЧАЛИШЬСЯ, ДУША МОЯ?

ТЫ ПЛАЧЕШЬ – ? TRE BIEN* ...»

А итог этого безумства одинокой души был весьма прозаичен. ТРИ ДНЯ у меня болело сердце... И эта боль выростала до таких масштабов, что моя бедная душа вынуждена была отступить, будучи не в состоянии противостоять грубому напору примитивной физической боли... эти новые, неизведанные ощущения вызвали любопытство и настороженность... Нет, они не пугали меня, но постоянные прострелы в левой области груди создавали ощущение приближающейся развязки...

Я никогда не боялся смерти, она и сейчас не пугает меня, ни своей косой, ни беззубым оскалом, но это неуловимое зависание между ЖИЗНЬЮ И НЕБЫТИЕМ – немного настораживало...

Наверное, потому, что я до конца не верил в то, что ЭТО серьезно, и, где-то в глубине души, понимал, что еще не вечер, вполне возможно и кокетничал сам с собою, надеясь на то, что – «АВОСЬ ПРОНЕСЕТ»...

Но это завораживающее СОСТОЯНИЕ, неприятное осознание того, что ты находишься в зависимости от кого-то или чего-то, совершенно не поддающегося твоему контролю, как это ни странно, привносило легкость и ощущение нереальности всего происходящего... Но где-то в подсознании Я понимал, что вся эта ИГРА может развеяться молниеносно... В любой момент, естественно, как бывает в таких случаях – самый неподходящий...

Тем не менее, Я с любопытством прислушивался к этим внутренним ударам, неуловимо истаявающим в ночном пространстве и времени...

Понимая неизбежность СУДЬБЫ, Я решил встретить ее такой, какой ОНА явится МНЕ, во всем ее неотвратимом блеске...

Очень хотелось спать...

Легкая дрема нежно оплетала меня тонкой сетью убаюкивающей паутины моих сладких, разбегающихся в разные стороны, серебристых нитей – воспоминаний, истаявающих в космическом пространстве моих розовых, грез...

Любое действие вызывает противодействие.

И это неуловимое ощущение таинственного вызова, брошенного Мне СУДЬБОЙ или РОКОМ, поднимало во мне волну внутреннего

протеста. Возможно, заговорили мои, заложенные неукротимыми предками, гены?..

Мне захотелось увидеть, познать, ЧТО ЭТО, и так ли ЭТО страшно?.. И если ЭТОМУ свиданию суждено произойти сегодня – значит, так тому и быть...

От СУДЬБЫ не уйдешь...

Я пил вино, курил дорогие сигареты, поглядывал на часы... они неумолимо отстукивали ЧАС... ДВА... ТРИ... уже затих шум автомобилей, струящихся за окном, а мы все продолжали этот наш молчаливый поединок.

Я – мое кричащее от боли сердце, и – ночь...

Я терпеливо ждал... думал... вспоминал...

ГОСПОДИ! Почему мы так живем?.. Себя теряем в погоне за добычей для ненасытного желудка, в погоне за золотым тельцом... и все это для утешения алчности своей...

Бездумно порхаем по жизни, каждый день думаем о том, что ждет нас сегодня, и что можно урвать в этот час... в этот день...

И хочется сразу всего. И никто не задумывается о смерти. ... Древние говорили: «Думай о смерти»...

Эта мысль, посетившая меня в столь необычное мгновенье, зависала в пространстве и убаюкивавшем СОСТОЯНИИ ночной невесомости, ее нежном, таинственном укачивании, придающем очаровательный флер мерцающим воспоминаниям о той, единственной и неповторимой, уже далекой, блуждающей в островках моей большой памяти, ВОЗЛЮБЛЕННОЙ...

Сердце – рвалось... то замирало, словно охотничья собака, в ожидании выстрела... будильник обреченно отстукивал что-то свое... Телефон – молчал...

И мне казалось, что в этой пустой квартире прерывистым молотом стучало что-то, дающее надежду на новый день, который все равно наступит независимо от моего возможного отсутствия...

На гребне этих острейших ощущений вдруг возникла неожиданная мысль, а что же меня волнует в этой жизни?..

Вот теперь?.. Уже теперь?..

И я понял, Я не хочу, чтобы ЕЕ КОСТЛЯВОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЗАСТАЛО МЕНЯ в полном одиночестве...

НЕ ХОЧУ... Ведь не даром говорят, что на людях и смерть красна... А Я сейчас один... совершенно один.

И сердце вот-вот взорвется...

И ведь никто из сонмища моих друзей многочисленных не вздрогнет в ТУ минуту, когда моя ДУША простится с ними...

ГОСПОДИ! ПРОСТИ ИМ ГРЕХИ ИХ!

ВОЗДАЙ ИМ ПО ЗАСЛУГАМ ИХ!

СПАСИ ИХ ДУШИ ГРЕШНЫЕ!

ЧАСЫ УЖЕ БЬЮТ ЧЕТЫРЕ!

ПОРА?..

.....
Я ЕЕ НЕ ДОЖДАЛСЯ...

СЕГОДНЯ ОНА НЕ ВОШЛА...

СВИДАНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ?..

НА ДОЛГО ЛИ?..

– Ну как же я могла прийти к тебе в четыре часа ночи? – сказала с удивлением, прочитав последние строчки, моя возлюбленная...

Я расхохотался. (Вот она женская логика).

– О, милая, это не ты, это Смерть не вошла...

– ???...

* TRE BIEN – очень хорошо (Фр.)

Москва

Ирина Гусева (Науменкова)

Родилась в столице Латвии – Риге. Публиковалась в газете «Заря» (Брест), журнале «Неман» (Минск), в журнале «Работница» (Москва). В 2010 году вышли две книги поэзии в издательстве «Альтернатива» (Брест): «На языке любви» и «Дары пилигрима» (переводы лирики Юзефа Игнацы Крашевского).

На интернет-портале Ольги Лялич-Кровицкой (республика Польша) размещены мои переводы лирики польских авторов из Люблинского воеводства (2012). Живу в Москве.

Коль дождик зарядил с утра...

Коль дождик зарядил с утра,
трагична новостная лента,
я думаю – а не пора ль
мне звякнуть снова президенту?

Сказать без лести, напрямки
мол, не справляешься, дружок –
черствы в продмаге пироги,
плохой стиральный порошок!

Ещё сосед мне нахамил,
облаяла опять собака –
терпеть всё это нету сил!..

Ты меры принимай, однако!

пройдёт лишь век...

быть новостью для мира и людей,
по сути это, очень дискомфортно:
тебя не признают своим нигде –
ни в волчьей стае,
ни в другой, улётной
езде чужак.
а без прикрас, изгой.
тори тропу – другой дороги нету.
раз появился ты на свет такой,
пройдёт лишь век и пригодишься свету.

и пусть победой обернётся поражение...

и пусть победой обернётся поражение;
жалеть себя – пустее нет занятия.
стрелком стать бойким
или же мишенью
для колкостей, кого хотел не знать бы?

пусть венценосец снова в «голом» платье
в толпе напыщенной, трусливой до бесчестья...
лишь совести своей страшись ты мести,
и лишь свободе раскрывай объятья.

гол как сокол? и это не беда!
наступит день с его питьём и пищей,
когда в себе надежду ты отыщешь,
которой нет пока что и следа.

не угадать нам наперёд...

не угадать нам наперёд:
случится то иль это.
и к чёрту наш себе расчёт!
была ничтожной смета?

не угадать: смех или плач
нам обезболит душу.
дождь за окном накинуд плащ;
ступает, где посуше.

по максимуму кто, когда
исполнил обещанья?
уходит в небо вновь вода...
так что вы там журчали?

эта речка, по-прежнему...

эта речка, по-прежнему, в моих жилах
с синим небом, распотешенным облаками;
а куда течёт,
не уставая,
живо,
знает лишь всё повидавший замшелый камень

в ней есть что ловить,
не думая о наживке,
не заморачиваясь на разные рыболовные снасти –
там плещется детство
с глазами, полными счастья,
и стайкой улыбок твоих – золотые рыбки.

что клавишей, моих касаясь плеч...

что клавишей, моих касаясь плеч,
дотронулась волос, улыбкой расцветая;
от всех невзгод
горд буду оберечь
лучистый взгляд и линию бедра я

нас нежность, как боксёр, сбивает с ног;
всё спуталось:
мои, твои ли руки...
я от любовной ласки изнемог.
но нет блаженства слаще этой муки.

В меня глядятся зеркала...

В меня глядятся зеркала
с иронией, а то с улыбкой.
Бываю в них донельзя зыбкой;
себе, порою, не мила.

И мимо не скользнуть, спеша:
без лишней скромности доложат,
что их во мне сейчас тревожит;
а то похвалят: — Блеск и шарм!

Свидетели побед они
и поражений очевидцы;
мои в них, что в копилке, лица...
И как не надоест хранить?!

все облака куда-то сдуло...

все облака куда-то сдуло
порывистым и тёплым ветром;
вчера был день понурым, снулым,
а нынче – сотканный из света,

которым сроду не напиться
под небом, первозданно синим...
когда бы сердце было птицей,
не думая, бы отпустила.

Глубины боюсь...

Глубины боюсь. Так в глаза глядит...
Водяной, поди, денно-ночно бдит.
Ждёт-пождёт упырь бедных неумех;
в лютом деле лих,
не один на нём грех.

Так чего ж тогда тянет в глубь меня?
Ох, темна вода...душу леденя,
отпусти во снах, не ко мне ходи...
Я не рыба – птах!
Страх комком в груди.

Ветер в танце кружит...

Ветер в танце кружит то берёзу, то осину,
что-то на ухо шепнув мимоходом дикой груше.
Мне тебя бы позабыть – клин да выбить клином...
но сердечко говорит, что такой лишь нужен.

Ветер спутал ветки все на рябине тонкой,
гроздя прямо на глазах заалели, веришь;
а потом – хулиганье – свистнул, ох! и звонко.
Мне б закрыть перед тобой окна все и двери.

Ветер лёг под клёном спать –
притомился, знамо:
колобродил – не пустяк – день весь почитай...
Всё ты верно говоришь –
знаю, знаю, мама.
Только на ночь на засов дверь не запирай.

Случилось как-то в зоопарке...

Случилось как-то в зоопарке,
вдруг шимпанзе заговорил:
«Вы, люди, точно не подарки,
мне слушать вас уже нет сил.

Здоровый дядька корчит рожи;
как мой кузен – лицо одно.
А следом и сынок Серёжа;
ну прям – болванчик заводной.

Вы дама, словно лошадь, ржёте,
мне предлагая свой банан.
Мозги, наверное, в отлёте.
А с виду, вроде бы, шарман.»

Был шимпанзе чудак и крейзи.
Вопрос, однако, часто гложет...
Мы с дерева давненько слезли.
А зря поторопились, может?

Ирина АРТАМОНОВА

Артамонова Ирина Александровна родилась 23 октября 1936 года в городе Чита, Забайкалье. В 1960 году с отличием окончила Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (МИИГАиК). Кандидат технических наук, доцент (автор более 20 учебных пособий), член Союза литераторов России (СЛР), Союза писателей России (МГО СПР). Награждена дипломом «Выдающийся деятель культуры и искусства России». В 2018 году – победитель (2 место) конкурса МГО СПР «Академия. Детская литература. 2017». Публиковалась в сборниках МГО СПР, альманахах «Словесность» СЛР, юбилейных сборниках МИИГАиК.

Автор 11 книг стихов (2001 – 2018) и 2 книг прозы (2015, 2018).

Тарзан

Красавица Динка была моей первой собакой. Она появилась в нашей семье летом 1944 года и жила с нами почти восемь лет, из всех собачьих сил старалась помочь нам пережить сложные годы жизни. В январе 1952 года наша общая любимица трагически погибла. Мы все: мама, бабушка и я очень горевали.

В самом конце зимы у кошки, жившей при медсанчасти, которой мама руководила, появились котята. Когда котята немного подросли, мама принесла с работы домой маленького красивого пёстрого котика. Назвали котёнка Мурзик. Он стал членом нашей семьи, рос здоровеньким и озорным. Летом, когда стало тепло, Мурзика стали по-немногу выносить гулять во двор. К концу лета котик был уже почти взрослым, не крупным, но очень красивым. Стал самостоятельно гулять на улице, отказавшись от ящичка с песком. Жили мы в двухэтажном доме в небольшом, тихом подмосковном посёлке, и все соседи, у которых были животные, спокойно выпускали своих питомцев гулять, никто их на улице в то время не обижал.

К концу осени наш Мурзик как-то быстро начал толстеть, стал меньше играть, меньше гулять и больше спать. Однажды соседка на улице сказала бабушке: «А Мурзик-то ваш – кошка, скоро котятков вам принесёт». Вечером мама с бабушкой внимательно осмотрели Мурзика и пришли к выводу, что соседка права, у нас выросла Мурза, а не Мурзик. И в начале зимы у нас произошло прибавление в семействе – Мурза родила двух котят. Она оказалась заботливой мамой, котятки быстро росли. С помощью опытных соседок было определено, что у Мурзы два сына.

Котики были совсем не похожи на мать – тёмно-серые, с крупными лапками, они обещали вырасти в крупных котов. В соседнем подъезде (в нашем доме было всего два подъезда) жила мамина приятельница Галина Николаевна с двумя сыновьями. Муж её умер молодым, и она растила детей одна. Со старшим её сыном, моим ровесником, мы учились в одном классе, младший, Игорь, был моложе своего брата на пять или шесть лет. В семье Галины Николаевны жил кот Василий – большой, важный, пушистый тёмно-серый котик. Однажды, встретив на улице Игоря, я пошутила: «Знаешь, Игорь, наша кошка родила серых котят, наверное, ваш Васёк – их отец, и с вас причитаются алименты». Игорь захотел посмотреть котят, которых я ему с удовольствием показала. Потом Галина Николаевна со смехом рассказывала моей маме: «Игорь-то мой совсем ещё ребёнок. Тут говорит мне, что у вашей кошки котята на Васю похожи, и мы, наверное, и правда, должны, хотя бы, молочко им принести». Женщины весело смеялись.

Шло время, котята росли. Один из них был особенно шустрый. В своём юном возрасте он лазил по занавескам, залезал на книжный шкаф, мог запрыгнуть на стол и т.д. Надо было определять судьбу кошачьего семейства. Я очень хотела, чтобы они все жили у нас, но мама с бабушкой велели выбрать кого-либо одного. Я выбрала шустрого котика и назвала его Тарзаном. В то время во всех кинотеатрах, и в нашем поселковом клубе тоже, показывали многосерийный фильм «Тарзан», и все, и взрослые, и дети, с большим удовольствием его смотрели. Второго котёнка мы отдали в хорошие руки, а Мурза отправилась опять в медсанчасть и довольно долго там прожила.

Тарзан оправдал своё имя. Он вырос сильным, ловким, смелым охотником – красивым, крупным, грациозным, зеленоглазым зверем. Дома Тарзан был ласковым, аккуратным и очень чистоплотным котиком, вёл себя идеально, не воровал со стола, не пачкал, не метил углы своим запахом, всегда был чистым, с лоснящейся здоровой тёмно-серой шубкой, под которой перекатывались при движении сильные мышцы. Весил кот в зрелые годы восемь-девять килограмм. Тарзан любил

забраться к кому-нибудь из нас на колени и, свернувшись уютным клубочком, громко мурлыкать. Когда я сидела за письменным столом и читала, делала уроки или, позднее, выполняла заданные работы в институте, Тарзан садился на край стола и мог часами наблюдать, как я пишу в тетради или листаю учебник. Только иногда он позволял себе тихонько потрогать лапой страницу учебника или подвинуть лежащую на столе ручку. Если Тарзан ночевал дома, что бывало очень редко, он деликатно ложился спать на постель в ноги мне или маме.

Ел кот всё. В те времена никто не слышал о специальных кормах для животных. Кошки и собаки питались тем, что ели их хозяева, и были бодры и здоровы. Тарзан с удовольствием лакал молоко, ел размоченный в молоке белый хлеб, любые каши с молоком, с маслом или с мелко нарезанной колбаской, любил полакомиться сыром; в его миске всегда было что-нибудь вкусненькое. Но особенно кот любил сырое мясо. Тогда не принято было кормить животных дорогим мясом, их только иногда угощали этим лакомством. Когда бабушка готовила на кухне еду, Тарзан обычно смиренно сидел около неё и наблюдал. Он никогда не орал, требуя подачки, но, если что-то вкусное падало на пол, тут же съедал. Бабушка иной раз отрезала небольшой кусочек мяса и приклеивала его на дверной косяк, как можно выше. Тарзан легко с места тут же подпрыгивал и налету глотал это мясо, потом снова занимал позицию терпеливого наблюдателя.

Практически каждый вечер кот уходил на всю ночь охотиться, превращаясь в умного, ловкого, осторожного, смелого разбойника. Он не боялся людей, но никому не позволял подойти и погладить себя. Тарзан ловко ловил мышей и крыс, мог забраться в сарай, где держали кроликов, и загрызть парочку крольчат. В начале лета, когда люди покупали цыплят и утят для выращивания (тогда многие это делали), Тарзан разбойничал и в птичниках, мог залезть и в голубятню. Наверное, за это он, в конце концов, и поплатился жизнью. Очень любил Тарзан осенью ходить с бабушкой (со мной, с мамой или со всеми вместе) в лес за грибами, как собака. Мы собирали грибы, а наш кот охотился, и вполне успешно, на птичек и другую мелкую лесную живность. Он очень ловко лазил по деревьям и вверх и вниз, полностью оправдывая своё имя.

Тарзан бегал в лес на охоту и один. Ходил он и в посёлок лесхоза, который был за лесом. Однажды к нам явился из лесхоза мужчина с претензиями и угрозами. Он сказал: «У меня разорили голубятню, убили несколько голубей. Это не мальчишки-озорники сделали, это сделал очень сильный кот. Говорят, этот разбойник ваш питомец. Смотрите за ним лучше. Поймаю – повешу паршивца». Ну, что мы могли сделать, не держать же кота взаперти дома. Да это было и невозможно. Сильный, ловкий кот мог прыгнуть с балкона (второй этаж), проскочить пулей между ног при входе (или выходе) кого-либо из нас в квартиру...

Тарзан прожил у нас более восьми лет счастливой кошачьей жизни. Я окончила школу, окончила институт, вышла замуж, начала трудовую жизнь. В начале мая 1960 года мы с мужем уехали на полгода в экспедицию на Саяны. Когда я вернулась в конце сентября (пошла в декретный отпуск), мама рассказала мне грустную новость – ещё в начале августа Тарзан пропал, не пришёл утром домой. Его искали, но никто его нигде не видел. Мы ещё какое-то время на что-то надеялись – но напрасно...

Очень не хватало нам нашего ласкового охотника... Правда, особенно долго грустить не пришлось. В конце ноября я родила дочку. Маленький ребёнок нуждался в заботе и внимании, и нам было не до того, чтобы вновь заводить в доме хвостатого питомца, да и с точки зрения гигиены так было лучше.

Рождение книги

Презентация романа

Новый роман Светланы Савицкой «Свет отражающий» основан на подлинных документах, архивах, письмах и бортовых журналах боевых кораблей Российского флота, Первой и Второй Камчатских экспедиций, большая часть из которых публикуется впервые.

Автор знакомит читателей с истоками духовной, экономической и военной мощи государства Российского, повествует о людях, отдавших все свои силы, таланты, здоровье и даже жизнь во имя становления, развития и процветания великой России. Через весь роман прослеживается судьба главного героя – Чирикова Алексея Ильича, капитан-командора, одного из великих первых русских навигаторов, участника камчатских экспедиций под руководством В. Беринга, прошедших морем из Тихого в Северный ледовитый океан и к берегам Америки. Его жизнь, полная удивительных приключений, величайших открытий, подвигов и, конечно же, любви не оставит равнодушными никого, кто ценит свою историю.

Действие романа начинается на фоне титанических усилий Петра Первого по освобождению исконно русских территорий и приобретению выходов к Балтийскому и Чёрному морям, собиранию великой империи на западе, юге и востоке. Его борьба с архаичностью и экономической отсталостью страны. Раскрываются истоки его образованности, целеустремленности, преданности своей отчизне. Показана внутриполитическая атмосфера, в

которой Пётр проводил военные, образовательные, экономические, политические и другие реформы. Описывается роль ближайших родственников, соратников и последователей Петра, судьба любимых женщин монарха, его борьба с врагами, предателями и казнокрадами.

Пытливый читатель почерпнёт для себя чрезвычайно познавательную и многостороннюю информацию: прикоснётся к тайнам города Ниена, на фундаменте которого вырос город Санкт-Петербург, ознакомится с многотысячелетними древностями Москвы, методами добывания знаний у волхвов, первым Нептуновым обществом в Сухаревской башне, исследованиями Ивана Грозного, Лефортова, Брюса, Ньютона и Лейбница, судьбами Ломоносова, Стеллера, Месершмидта, Крашенинникова. Проследует вместе с первооткрывателями по Сибири, Байкалу, Дальнему Востоку и Камчатке. Совершит собственные открытия в немецких городах Экстерштайне и Марбурге. Полюбит Беринга глазами его жены Анны Пульсе. Будет восхищаться Стеллером, душой Бригитты до последнего дыхания. Сможет прочувствовать, как останавливается сердце командора на далеком острове. А когда оно перестанет биться, омыть этот остров благодарными слезами.

Но главное – искренне полюбить Алексея Чирикова и принять, как собственную награду – его самую красивую жизнь и самую высокую смерть... точнее, бессмертие.

Используя благоприятные возможности, постаралась максимально ознакомиться с особенностями флоры, фауны, историческими свидетельствами Камчатки.

Проект «Свет отражающий» родился на Камчатке в сентябре 2015 года, во время посещения семьёй Савицких военного санатория «Паратунка» близ г. Елизово.

Ознакомившись с книгами Константина Антоновича Шопотова о подвиге первых навигаторов, в том числе о плавании А.И. Чирикова и открытии пролива Витуса Беринга, писатель

Светлана Савицкая углубилась в изучение материалов по данной теме.

У памятника двум пакетботам, участникам исторической экспедиции «Святой Павел» и «Святой Петр». Город и назван в честь этих пакетботов.

«СВЕТ ОТРАЖАЮЩИЙ»

Светланы Савицкой

Напитавшись уникальной фактурой, писатель не могла поступить иначе, и приняла решение найти автора документальных книг о А.И. Чирикове. Она написала письмо в Санкт-Петербург. Её поиски увенчались успехом, и очень скоро они подружились.

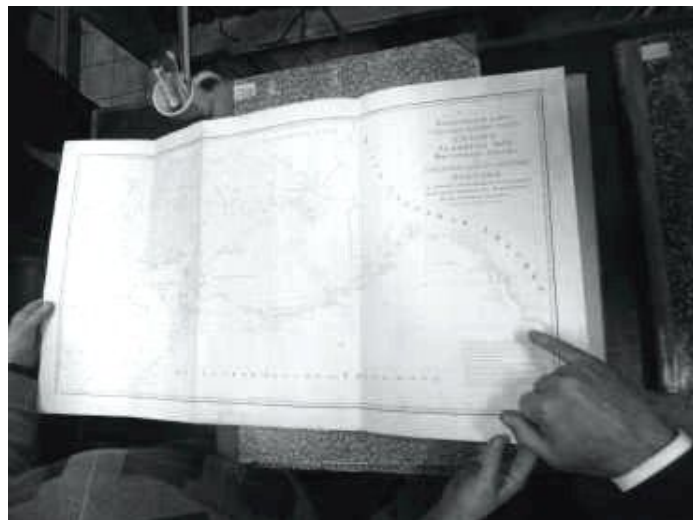
Светлана Савицкая рекомендовала книги К.А. Шопотова на соискание Национальной литературной премии Золотое перо Руси. Вручение награды состоялось 28 октября 2015 года в Центральном доме литератора в Москве.

Для того, чтобы ознакомиться с архивами и подлинными документами он пригласил С.В. Савицкую и А.Н. Бухарова принять участие в экспедиции по местам Чирикова в Санкт-Петербурге, обеспечив им проживание на штаб-квартире Общества «Память Балтики».

Посещение Центральной военно-морской библиотеки

Знакомство с подлинными атласами Крузенштерна

Изучение уникальных исторических архивов военно-морской библиотеки. Посещение художественной выставки, связанной с великими мореплавателями России.

Знакомство с архивами и подлинными книгами Петра I

Изучение карт путешествия Витуса Беринга и А.И. Чирикова на штаб-квартире общества «Память Балтики». И посещение удалённой штаб-квартиры в Роцино.

Посещение штурманского факультета ВВМУ им. Фрунзе

Посещение библиотеки ВВМУ им. Фрунзе.

Выставка книг К.А. Шопотова

Изучение видеотеки о подводных экспедициях общества «Память Балтики»

Выставка подводников в Сокольниках Февраль 2016 г.

Путешествие в г. Кронштадт, организованное обществом «Память Балтики». Изучение военно-морских сооружений г. Кронштадта.

Посещение музея Подводной археологии г. Выборга, организованное обществом «Память Балтики»

Многочисленные экспонаты, поднятые из глубин позволили обогатить знания, мысленно окунуться во временной пласт на 200 лет назад. Воочию убедиться в величии русских мореплавателей.

Озеро близ Рожино – написание главы книги «Озеро без берегов»

На месте Сухаревской башни, где находились ранее навигационные классы. Москва. 2016 г.

К концу 2016 года был полностью сформирован архив будущего романа, составлена схема четырех основных частей.

Приведены в электронный вид исторические справки, сноски и ссылки. Подготовлены документы писем Петра I, Беринга, Чирикова, Стеллера и др.

В 2017 году работа над романом продолжилась в рамках географии родины Чирикова. Оргкомитет проекта Золотое перо Руси посетил Тулу, Елагино, Лужное. Места, связанные с детством капитана-командора.

На этот раз в экспедицию вошли фотографы Камчатки, и почетный гость – правнук великого навигатора Алексея Ильича Чирикова – Михаил.

На фото писатель Светлана Савицкая и Михаил Чириков у церкви моряков в предположительном месте захоронения первооткрывателя Северных морских путей А.И. Чирикова.

Храм Живоначальной Троицы на Листах находится рядом с местом, где была разобрана Сухаревская башня, в которой при Петре Первом функционировала Навигацкая школа, где обучали будущих гардемарин.

Экспедиция в Туле, Елагино и Лужном в библиотеках, в усадьбе Чириковых, на кладбище и в музеях, посвященных первым навигаторам:

В 2017 году писателя Светлану Савицкую пригласили в Германию на презентацию новых книг. По её просьбе общество «Немцы из России» организовало широкий спектр поездок по городам страны, связанных с деятельностью Петра Первого, Екатерины, Стеллера, Ломоносова, Брюса, Лефорта, Лейбница – будущих героев романа «Свет отражающий».

«Форум русской культуры» под руководством Франца Кизеля предоставил все условия для проживания и путешествия по стране.

Писателя встречали в Лемго, музей о сжигании ведьм. И фонтан, каких много в Германии. В романе было использовано описание символизма в главе детства Стеллера.

Писателя Светлану Савицкую сопровождает немецкая поэтесса Валентина Кайль.

В Кёльне, конечно же, показали знаменитый собор, тоже оказавшийся необходимым в главе изучения мозаики Ломоносовым.

В Гютtersло, Липпштадте, Реда-Вандербрюкке, Бад-Зассендорфе также прошли продуктивные встречи и презентации, организованные Директором издательства Генрихом Диком.

В Мюнхене, Вецларе, Майнце, Баденбурге и Марбурге, во Франкфурте-на-Майне, в Дюссельдорфе, Бремене и Берлине прошло множество встреч и экскурсий.

Показали множество новых городов и исторических мест, музеев, провели экскурсии в Дюссельдорфе, Эрлингхаузене, Детмольде, Билефельде, Вевельсбурге, Падерборне, Экстернштайне...

Для широты восприятия были показаны природные парки, интерьеры старинных музеев, современные выставки. Пейзаж парков, полей. Архивы.

Самое интересное место для писателя в Германии – биржа книг, где люди отдают, что не надо и берут, что надо. Светлане Савицкой подарили уникальные издания с гравюрами и альбомами о времени написания романа «Свет отражающий».

Она не могла увезти всё, что понравилось.

И в след за нею посылет две посылки книг по 20 килограмм каждая!!!!

Уникальные издания на немецком языке расширили знания о становлении России при царе Петре Первом.

На фото Генрих Дик и хозяин Биржи книг в г.Эрлингхаузен Вильфрид Холцапфель.

Мистические места Вевельсбург – Черное солнце, и Экстерштайн, где зарождались тайные общества, конечно же нашли отражение в романе.

Витус Беринг уроженец Дании.

Писатель Светлана Савицкая на частной машине вместе с друзьями – семьёй Александра Гамиева пересекла Данию, посетила знаковые города и музеи страны.

События романа связаны с Северной войной, которую в те времена вели Россия и Швеция. По приглашению русского общества Стокгольма Светлана Савицкая посетила несколько городов Швеции, была встречена в библиотеках столицы.

Музеи Стокгольма, метро, частные заведения, и великолепный приём Доры Карельштейн оставили свое место в романе «Свет отражающий».

Более всего потрясло посещение оригинального музея корабля «Ваза», который был извлечён со дна морского через 300 лет. Это позволило воочию видеть, как выглядели корабли того времени.

Петр Первый строил новый современный флот. Чтобы понять, как это выглядело, пришлось многое изучить.

Кроме Германии, Дании и Швеции, писатель посетила Францию, Бельгию и Испанию, изучая символы и знаки, касающиеся сюжета романа «Свет отражающий».

Музей Массонства в Брюсселе.

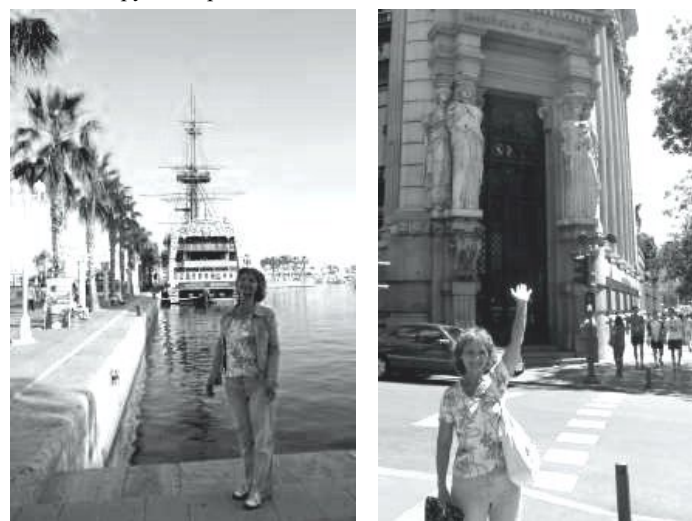
Франция и её символы

Писатель Светлана Савицкая посетила Париж, включая музеи, библиотеки и выставки, а также Перпиньян и Ле-Гете, приморские городки близ Испании.

Испания интересовала, прежде всего, традициями флота и экспедициями в Ост-Индию, которые активно проводились во времена Петра Первого.

Писатель посетила города побережья Барселоны, Ироны, Льорет-де-Мар, Таррагоне, Валенсии, Страны Басков. Побывала в Мадриде и многих других городах.

Первая и Вторая Камчатские экспедиции проходили от Санкт-Петербурга через Москву, Казань, Тобольск, Иркутск, Забайкалье, Байкал, и далее.

В своей жизни писателю пришлось много путешествовать по России, 8 лет жить в Забайкалье, и знание Читы и города Петровска.

Забайкальский очень сильно помогли в составлении глав о пребывании там членов экспедиции.

Однако дополнительно пришлось посетить Иркутск, Байкал и Анадырь. Изучить местные обычаи, посетить библиотеки, архивы и

Фото сделано на острове Ольхон. Малое море. Памятник бродяге.

Место где из Байкала вытекает Ангара.

Иркутск. Возле памятника смешному зверьку бабру.

Писатель Светлана Савицкая подробно изучала Чукотку. На месте Анадырского острога теперь город Анадырь.

В Краеведческом музее Анадыря.

Подробное изучение не Края Света, а начала Света в самой Восточной точке России.

Перелет в Анадырь обогатил базу знаний. Уникальный природный ресурс, суровый климат экспонаты музеев дополнили материал для создания романа «Свет отражающий».

РОМАН «СВЕТ ОТРАЖАЮЩИЙ»

По Книге Перемен редко выпадает Знак Красоты!

Это означает – Воплощай! Действуй!

Красив огонь под горой. И красиво дерево на холме!

Но главная красота – в пальцах ног! Оставь свою повозку и иди пешком!

Судьба позволила оказаться на Камчатке. И задохнуться первым удивлением, что – Оказывается! Берингов пролив открыл не датчанин Витус Беринг, а Алексей Ильич Чириков – первый русский капитан, дворянин, гардемарин, первый русский навигатор!

Пришло осознание надвигающейся интересной красивой работы с рождения Алексея Ильича в 1703 и до его кончины в 1748 году.

На Камчатке интересовало всё – гейзеры, ключи, вулканы, медведи, рыба, птицы, растительный мир. История Первой и Второй Камчатских экспедиций.

Уже в Москве я написала письмо автору документальных книг о первых навигаторах, адмиралу подводных лодок Константину Антоновичу Шопотову в Санкт-Петербурге.

Он настоял, чтобы мы прибыли к нему и ознакомились с материалами городов Санкт-Петербург, Выборг, Ломоносов, Кронштадт, Петергоф.

Он организовал посещение Центральной военно-морской библиотеки, знакомство с архивами и бесценными книгами Петра I, и подлинными атласами Крузенштерна, изучение карт путешествия Витуса Беринга и А.И. Чирикова на штаб-квартире общества «Память Балтики». И посещение удаленной штаб-квартиры в Роцино.

Состоялось ознакомление со штурманским факультетом ВВМУ им. Фрунзе, бывшее ранее Морской Академией, где учился Чириков. И изучение архивов его уникальной библиотеки.

В Кронштадте мы осмотрели фортификационные сооружения. Исторические места. Каналы. Подземные сооружения. Храм морякам.

В Выборге побывали в доме жены Беринга Анны Пульсе. Посетили уникальный музей Подводной археологии, организованный обществом «Память Балтики».

Многочисленные экспонаты, поднятые из глубин, позволили обогатить знания, мысленно окунуться во временной пласт тех лет. Воочию убедиться в величии русских мореплавателей.

По сути, сам роман еле вырисовывался, но уже рождались первые главы. Лиственная роща, посаженная Петром, и озеро близ местечка Роцино способствовали написанию глав «Озеро без берегов», «День солнца» и др.

Интересным опытом оказалось изучение видеотеки о подводных экспедициях общества «Память Балтики».

Роман создавался 5 лет и требовал полного погружения в тему.

Вместе с Константином Шопотовым мы посетили Московские знаковые места – предположительное место захоронения А.И. Чирикова у Храма Животворящей Троицы на Листах. Дважды присутствовали на панихидах, посвящённых его уходу. Эта церковь со времён Петра считается морской и выстроена рядом с местом Сухаревской башни, где находились ранее навигационные классы. И первое Нептуново общество.

В 2017 году работа над романом продолжилась в рамках географии родины Чирикова.

Оргкомитет проекта Золотое перо Руси посетил Тулу, Елагино, Лужное. Места, связанные с детством капитана-командора.

На этот раз в экспедицию вошел почетный гость – правнук великого навигатора Алексея Ильича Чирикова – Михаил.

В 2017 году меня пригласили в Германию. Общество «Немцы из России» организовало широкий спектр поездок по городам страны, связанных с деятельностью Петра Первого, Екатерины, Стеллера, Ломоносова, Брюса, Лефорта, Лейбница – будущих героев романа «Свет отражающий».

«Форум русской культуры» под руководством Франца Кизеля предоставил все условия для проживания и путешествия по стране.

В Лемго, Вецларе, Дюссельдорфе показывали музеи и башни ведьм, и фонтаны, полные символизма. И конечно, это вплеталось своим символизмом в главы романа.

Кёльн потряс великолепным собором, необходимым в главе изучения мозаики Ломоносовым.

В Гютерсло, Липпштадте, Реда-Виндербрюкке, Бад-Зассендорфе также прошли продуктивные встречи и презентации, организованные Директором издательства Генрихом Диком.

В Мюнхене, Майнце, Баденбурге и Марбурге, во Франкфурте-на-Майне, в Бремене и Берлине, Эрлингхаузене, Детмольде, Билефельде, Вевельсбурге, Падерборне, Экстернштайне... прошло множество встреч и экскурсий.

Вильфрид Холцапфель, директор биржи книг в г. Эрлингхаузен, где отдают ненужное, и забирают нужное, вручил в подарок 50 кг уникальных старинных книг с гравюрами царского времени, которые расширили знания о становлении России.

Мистические места Вевельсбург – Черное солнце, и Экстернштайн, где зарождались тайные общества, конечно же, не остались без внимания.

Витус Беринг уроженец Дании. Я посетила знаковые города и музеи страны.

События романа связаны с Северной войной, которую в те времена вела Россия и Швеция.

По приглашению русского общества Стокгольма под руководством Доры Карельштейн, мне была оказана честь поучаствовать в ряде мероприятий и презентаций, меня щедро ознакомили с городами Швеции, встречали в библиотеках столицы.

Более всего потрясло посещение оригинального музея корабля «Ваза», который был извлечён со дна морского через 300 лет. Это позволило воочию видеть, как выглядели корабли времён Карла и Петра Великого.

Кроме Германии, Дании и Швеции, я посетила другие страны, касающиеся сюжета романа «Свет отражающий».

Музей Массона в Брюсселе. Лувр и парк Тюильри во Франции. Фиорды Голландии. Прибрежные города Испании, откуда посылались корабли с целью освоения новых земель Америки – побережья Барселоны, Жироны, Льорьет-де-Мар, Таррагоны, Валенсии, Страны Басков... Я побывала в Мадриде и многих других городах..

Первая и Вторая Камчатские экспедиции проходили от Санкт-Петербурга через Москву, Казань, Тобольск, Иркутск, Забайкалье, Байкал, и далее.

В своей жизни мне пришлось много путешествовать по России, 8 лет жить в Забайкалье, и знание Читы и города Петровск-Забайкальский сильно помогли в составлении глав о пребывании там членов экспедиции.

Однако дополнительно пришлось посетить Иркутск, Байкал и Анадырь. Изучить местные обычаи, посетить библиотеки, архивы и музеи. Побывать на острове Ольхон, на Большом и Малом море. Поклониться памятнику бродяге.

В Иркутске найти первоисточники появления символа города – смешного зверька *бабра*.

Изучить по-новому обычаи и рецепты Сибири, Камчатки, Бурятии. Вобрать магию места рождения Ангара из Байкала.

Лично подробно изучить Чукотку и особенно место Анадырского острога, где теперь город Анадырь. В Краеведческом получить по запросу всё, что связано с первооткрывателями тех мест.

Побывать в Благовещенске и Владивостоке.

Подробно изучить самые крайние точки России. В Калининграде, бывшем Кёнигсберге побывать не только в близлежащих пунктах, связанных со славой Великого

Петра, но и в Хайлигенбайле, ныне Мамоново – самой Западной точке России. А на Чукотке провести подробное изучение не Края Света, а начала Света в самой Восточной точке России.

Уникальный природный ресурс, суровый климат, экспонаты самых различных хранителей мировой культуры помогли мне по крупицам создавать художественный исторический роман «Свет отражающий».

Наиболее мощные импульсы для романа дала Москва. Один из древнейших городов планеты. Много тайн пришлось приоткрыть, знакомясь с первоисточниками и старыми летописями. Ещё одним удивлением было изучение рода Натальи Кирилловны Нарышкиной – матери Петра. Её роль в реорганизации культуры России. В образовании России. В военной политике нашего государства.

Становление русской науки. Примера русского подвига. Борьбы с ворами. Глупцами. Недалёкими людьми.

Но это не главное. Я не написала ни строчки. Я прожила этот роман вместе с упоительными влюблённостями Петра I ... я казнила на эшафотах любовников его жён, скрипя зубами. Вместе с ним я отрубала головы стрельцам. Я умирала с ним, корчаясь от боли. И рыдала над его охлаждающим телом.

Я родилась вместе с Алёшкой Чириковым в деревне Лужное Тульской области. Я каждый год росла и получала образование гардемарина и капитана. Изучала паруса, фоки и реи... Бродила в подземельях под Сухаревкой и ныряла в глубины Финского залива, Байкала и Авачинской бухты. Я стала наконец капитан-командором, открыв Северо-Морские пути...

Я проводила опыты над вхождением в Бездну с Лефортом, Брюсом и Лейбницем, Ньютоном и Мессером. Я поняла их разумом тайный меч Эскалибур.

Я исследовала Сибирь и Дальний Восток.

Я полюбила Беринга глазами его жены Анны Пульсе.

И душой Бригитты восхищалась Стеллером до последнего его дыхания.

Я чувствовала, как останавливается сердце Витуса на далёком острове, не теряя хладного рассудка. А когда оно переставало биться, я омывала этот остров океаном слёз.

Я задыхалась от чахотки вместе со Стеллером и молилась его возлюбленной Бригитте.

Я до корней волос полюбила Чирикова и за это подарила ему самую красивую жизнь и самую красивую смерть...

Когда умирали мои главные герои, я умирала вместе с ними. И тут же понимала, что это была не смерть, а бессмертие.

Светлана Савицкая

Санкт-Петербург

Екатерина Асмус

Интервью

Михаил Шемякин

«Я и американский гражданин и французский житель, но при всем том я и российский художник и служу, в первую очередь, российскому искусству»

Екатерина Асмус: Как-то раз, в самом начале 90-х, моя мама, художница, женщина больших знаний и тонкого вкуса, пригласила меня на выставку в Манеже. Тогда меня поразили яркие, броские, сильные работы неизвестного мне доселе художника. И очаровала целая коллекция небольших скульптур: носатые уродцы, принарядившиеся в изысканные камзолы. Это было мое первое знакомство с творчеством Михаила Шемякина – удивительного и тонкого Мастера, изгнанного из родной страны в 1971 году, запрещенного в России, но вернувшегося обратно в перестройку, уже знаменитым.

И вот прошло более 10 лет с момента моего знакомства с творчеством Михаила.

2011 год. Мы сидим и беседуем о проблемах образования и культуры в России.

«Россия не страна, а экспериментальная лаборатория господ Бога»

Михаил Шемякин: Сегодня масса интеллигентных людей пишет о том, что система образования в России на грани катастрофы. Сокращается количество часов для изучения русского языка. Некоторые даже сравнивают эти перемены с программой нацистов для России – там говорилось, что русским детям на оккупированных территориях достаточно несколько часов языка в неделю. Хотя я уже давно здесь ничему не удивляюсь. В свое время великий мыслитель Николай Бердяев, высланный из России господином Ульяновым на корабле философов и до конца жизни проживший во Франции, написал замечательную книгу исследований о России и некоторых моментах российской психологии. Я очень люблю вспоминать фразу: «Россия не страна, а экспериментальная лаборатория господ Бога». К сожалению, эксперименты эти не всегда удачные.

Причем, именно неудачные эксперименты у нас приживаются лучше всего. А вот хорошие начинания почему-то не привлекают должного внимания. Я с ужасом наблюдаю, как масштабно разворачивается в стране педофилия, при этом удивляет больше всего, что Дума не проводит законов, с помощью которых можно было бы пресечь чудовищные преступления против детей. Трагедия России в том, что закон исполняется не для всех. Малолетний беспризорник, укравший булочку или велосипед, получает наказание по полной программе.

Екатерина Асмус: Вам не кажется, что это очень похоже на времена крепостничества – украл некто сайку и его забрили в солдаты на 25 лет.

Михаил Шемякин: Да! Поражает абсурд. Человек, укравший 6 миллиардов долларов (о миллионах теперь уже и говорить не интересно) получил шесть лет условно.

Екатерина Асмус: Хорошо, что не получил за это повышение по службе.

Михаил Шемякин: Да, (смеется) а мог бы. Или медаль. Самое ужасное, что и это уже никого не удивляет. Генофонд России разрушается с 17-го года. Культура отодвинута на задворки. О культуре речь в принципе вообще не идет – а только о физкультуре, освоении бюджета и его распиливании. Наши проекты помощи молодым художникам, программы образования даже проект установки памятника жертвам Беслана, практически никогда не финансируются из бюджета. Все программы базируются на спонсорских деньгах.

«России нужна сильная железная рука»

Екатерина Асмус: Бюджетные деньги – «священная корова»?

Михаил Шемякин: Да, даже если они и выделяются, то непременно рассасываются по дороге, несмотря на бесконечные разговоры о борьбе с коррупцией. Фактически получается, что мы все время боремся сами с собой. Этаким Дон Кихот,

который бесконечно бьется с ветряной мельницей.

Екатерина Асмус: И мельница все время побеждает.

Михаил Шемякин: Да! И Дон Кихот лежит несчастный в пыли, с тазиком на голове. С золотым тазиком. И рассказывает о новых методах новой борьбы с мельницей. Многие люди сейчас, так же как и Солженицын постоянно задаются вопросом: «Как спасти Россию? Как выйти из морального и материального кризиса?». Который, кстати, в основном, распространяется только на бедных людей. И расхожее мнение таково: «России нужна сильная железная рука». Говорят об этом, поглядывая в сторону Кремля. Я согласен с тем, что для спасения России нужна железная рука, даже не железная, а стальная. Но рука не одного человека, не одного диктатора или даже некой группировки, а стальная рука закона, который будет исполняться одинаково для всех. Когда в этой стране люди будут знать, что невозможно купить судью, милиционера, прокурора, когда любой человек, совершивший преступление перед государством, перед своим народом, будет сидеть в тюрьме столько, сколько ему положено, или пойдет к стенке. С коррупцией бороться очень просто! Берите людей, тех, которые воруют, делайте показательные суды и сажайте в тюрьмы!

Но для нас это мечта! Утопия!

«Неужели мы родились для того, чтобы показать всему миру, как не нужно жить?»

Екатерина Асмус: Михаил, как вы считаете, есть ли у России свой путь?

Михаил Шемякин: Когда-то Чаадаев в отчаянии воскликнул: «Неужели мы родились для того, чтобы показать всему миру, как не нужно жить?» Если это считать путем России, то мы на правильном пути. И эта вечная попытка разжечь квасной патриотизм рассказами о том, что жидомасоны, дядя Сэм и прогнившая Европа пытается уничтожить русский дух и русского мужика! Подобный бред всюду несет с экранов телевизоров в безвкусных и пошлых программах и это пугает. Но российский-то народ не глупый! Он же должен понять, что больше всего проблем он приносит себе сам. Вот мы все время бьем себя в грудь, с упорством дебила повторяя: «Мы самые лучшие, мы самые добрые!» А по улицам ползут старухи-блокадницы и роются в помойках. Дети бездомные... Кстати, какой бы не был там Феликс Дзержинский, но он бы не допустил сегодня, чтобы десятки тысяч беспризорных ребят болтались бы по улице и жили в подвалах. Россия полностью теряет понятие милосердия и сострадания. Все мыслят по системе: «У соседа корова померла. Вроде и не мое дело, а все-таки приятно». Вспоминается страшная притча о человеке, которому бог предложил исполнить любое его желание, с условием, что у соседа будет того же в два раза больше. Мужик долго мучился, а потом его осенило: «Боже! Вынь у меня один глаз!» И это — черта нашего национального характера! И пока мы не начнем от нее избавляться, ничего хорошего не получится. За рубежом, поэтому, русские диаспоры — самые бедные. А еврейские, кстати, самые богатые. Мудрый еврей знает, что если у его соседа будет все хорошо, тот ему поможет. А у нас — только-только фермер начинает становиться на ноги — его могут и поджечь, разорить и уничтожить только потому, что кто-то решил, что он «живет лучше меня». Как Шариков говорил: «Все поделить!» А поровну ведь все равно не получилось! Приезжая в Россию и читаю в газете: «Роман Абрамович приобрел очередную виллу за 145 миллионов долларов». Это что наше

самое радостное событие дня? Нужно по этому поводу петь и плясать? А я прилетел помочь московскому фестивалю военных оркестров. Вот так мы калечим сознание нации. Что мы надеялись с нашей страной? С одной стороны, революция 17-го года была наболевшей необходимостью. Но с другой — трагедия революции была в том, что террористическая группировка, возглавляемая господином Ульяновым, все подчинила себе. И уничтожила великую Россию — целые ее сословия! Хорошо крестьянин работает — значит — он «кулак» и его нужно застрелить, предварительно ограбив! Фабриканты, которые создавали промышленность, аристократы, бывшие оплотом культуры и образования... Все нужно было выжечь и развеять по ветру. А для чего были эти жертвы? Для того чтобы кучка обнаглевшего ворья, не стеснясь, могли наживать миллиарды долларов. Вот в этом мы впереди планеты всей! Раньше, в Советском Союзе расстреливали за хищение в размере 50 тысяч долларов. А советские чинуши представляются теперь просто монахами по сравнению кремлевскими бонзами. Зато все они теперь выстаивают православные службы в храме. А коснись чего — вытащат снова свои партбилеты и сделают вид, что никогда от них не отказывались. Удивительное дело: вчера мы еще были самым атеистическим государством и расстреливали попов, несчастных мучеников от церкви, а сегодня — братва вся, как один, стала богомольная!

Если правительство и власть имущие не поймут, что нужно положить конец нравственному беспределу и беззаконию, то мы потеряем и новые поколения!

«Нужно иметь мировую известность, чтоб не проглотить тухлую котлету!»

Екатерина Асмус: Михаил, как вы считаете, что вообще ждет наши новые поколения?

Михаил Шемякин: Детей нужно спасать. Общество разделилось как никогда. У нас есть супербогатое ворье и очень-очень бедное население. Особенно в глубинке, где народ просто спивается, поглощая любую горючую жидкость без разбору. Например, политику. Смотреть на них просто жутко! Такое ощущение, что эту нацию кто-то задался целью доистребить, потому что истребляется-то она давно, с 17-го года. Недавно я работал над новым балетом в Вильнюсе. Крошечный небогатый город. И когда я спрашиваю там официантов, свежая ли еда, то они даже не понимают, откуда может возникнуть такой вопрос. А в Петербурге я, интересуясь у официанта о том же, зачастую получаю в ответ: «Вот это блюдо мы вам очень не советуем». И говорят они это только потому, что узнали меня, пожалели Шемякина! Нужно иметь мировую известность, чтоб не проглотить тухлую котлету!

«Меня очень заботит судьба моей малой родины — Северного Кавказа!»

Екатерина Асмус: Какую помощь детям оказывает Фонд Шемякина?

Михаил Шемякин: Фонд делает выставки детей-аутистов, детей с психическими отклонениями, изучает их творчество, в этом году устраивали для них настоящее старинное рождество. Но, в основном, у нас программы рассчитаны на студентов и молодую профессуру, в том числе моя программа «Воображаемый музей Михаила Шемякина». Кроме того, фонд проводит тематические выставки, например: «Крик в искусстве», «Рука в искусстве». Научные материалы, репродукции, гра-

вюры по нужной тематике привозятся мною из Франции и располагаются на втором этаже, а на первом – работы художников, отбирающиеся на конкурсной основе. Потом выставка перекочевывает в Майкоп, меня очень заботит судьба моей малой родины – Северного Кавказа, где обстановка сейчас очень тревожная. Я стараюсь приглашать к себе во Францию молодых профессоров и художников на стажировку. И в Америке мы делаем ежегодную экспозицию с помощью фонда доктора Либовица. Иногда молодые профессора, особенно приехавшие из российской глубинки, пугают меня абсолютным незнанием многих элементарных вещей, просто какие-то «белые листы бумаги». Они, зачастую, и не слышали, кто такие Рабле, Верлен, Бодлер. У них нет никакого базового образования! Для того, чтобы учить рисовать, человек должен быть всесторонне образованным. В свое время у нас были иные трудности. В библиотеке Академии художеств были определенные книги, которые выдавались только членам компартии, то есть «морально устойчивым» личностям. Они были помечены красным и были запрещены к выдаче обычным студентам, чтобы те не подверглись «тлетворному влиянию запада». Приходилось заводить знакомства с барышнями-библиотекарями, чтобы иметь возможность пользоваться определенной литературой. Но классическая школа того времени была слава на величайшим профессионализмом. Профессора наши были замечательными рисовальщиками, учили правильно держать карандаш, тушевать. И тогда мы действительно были впереди планеты всей. Такой школы нигде на западе не было. А сегодня вымирает старая профессура! А новой не появляется. Да и мало кто хочет идти работать на копеечную зарплату.

**«Мне вчера дали свободу –
Что я с ней делать буду?!»**

Екатерина Асмус: Может быть, это началось тогда, когда на смену мастерству пришел эпатаж?

Михаил Шемякин: И это тоже. Как, например, отнести к хулиганской группе «Война», изобразившей член на Литейном мосту. На западе им дали бы небольшой срок за хулиганство. А у нас дают премию за инновации! Глянцевые журналы публикуют изображение этого действия на обложках. Люди ведут дискуссии. Министр культуры подписывает приказ о награждении... И что получается – молодой парень, мальчишка, наблюдает все это и ему захочется прославиться именно таким образом, а никаким другим! И он будет ждать награды за это!

Постсоветскому человеку очень трудно оставаться самим собой. Нувориши, нахавшие денег, пытаются стать чуть ли не английскими лордами. Напяливают соответствующие шмотки, но выглядят все равно комично! Наша привычка копировать чужое, вместо того чтобы хранить свое, смешна. Ужимки новой гламурной тусовки, которая пытается подражать западу – гротескны. Серьезных журналов нет. Идет борьба за выставки в гламурных галереях, потому что это модно и, престижно. А у молодых художников сознание искривляется. Получается так: «Почему я должен проводить множество часов, рисуя немнущую пятку натурщика, когда ребята из тусовки уже выставляют свои «шедевры» в галерее, открытой подружкой Абрамовича?».

Или вот такой пример: Олег Кулик* разделся, бегал голышом, гадил на углы и вот – он уже гуру от искусства! Его при-

глашают в Мариинский театр! Несмотря, на то, что он два раза с треском провалился в Париже, в театре Шатле. Правда он уже не пишет на углы, а надел скуфью на свою лысеющую голову и говорит только о духовном, но для людей, которые знают его путь – велико искушение повторить такой же путь к популярности. Как пелось у Высоцкого: «Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?»

Постсоветский человек – он на самом деле очень несчастен, потому что на него обрушилось колоссальное количество, зачастую ненужной, информации. А что такое настоящая свобода и демократия они даже не представляют. Здесь все искажено, как в кривом зеркале! Вместо того чтобы понимать, что такое наш народ, наша земля, наша культура, мы почему-то пытаемся все черпать с запада, причем выбираем самое плохое. Наверное, потому, что это легче воспринять. Думать не нужно!

**«Не нужно пытаться обгонять Америку и Европу,
демонстрируя всем свой голый зад!»**

Екатерина Асмус: Глянец действительно душит все виды искусства. Но главное, что есть люди, которые борются! А их немного. Что же делать с тем, что их становится все меньше?

Михаил Шемякин: Мы должны выращивать этих людей. Нужно воссоздать генофонд. Вот, например, идея Сколкова. А почему бы не заняться реконструкцией уже имеющегося известнейшего Академгородка в Новосибирске? Почему нужно создавать новые базы непременно около Москвы? А не там, где уже выращены несколько поколений ученых? На сегодняшний день во имя рекламы лизоблюды готовы бросаться выполнять любые новые идеи. Притом, что они же знают, сколько на этих всех идеях можно напилить. И это вместо того, чтобы реконструировать имеющееся, чтобы люди жили нормально. По статистике, у нас 40 миллионов человек до сих пор, по-прежнему, ходят справлять свои нужды зимой и летом на двор! А мы занимаемся проблемами глобальных масштабов!

Не нужно пытаться обгонять Америку и Европу, демонстрируя всем свой голый зад!

**«Внимательно всматривайтесь в старые стены,
потеки, в грязь и мусор и вы столько
фантастического обнаружите, сколько никогда
вам ваша собственная фантазия дать не сможет!»**

Екатерина Асмус: Михаил, когда мы сможем посетить вашу персональную выставку?

Михаил Шемякин: Зимой (очевидно, информация более не актуальна – ред.) в Москве, в Пушкинском музее будет представлена книга, посвященная творчеству Владимира Высоцкого «Две судьбы» с моими иллюстрациями, а в следующем году в Русском музее будет выставка «Тротуары Парижа». Это очень интересная тематика для любой публики – зарисовки уличного мусора, стены домов, тротуары! Вот как можно натренировать свой глаз, следуя заветам великого Леонардо: «Внимательно всматривайтесь в старые стены, потеки, в грязь и мусор и вы столько фантастического обнаружите, сколько никогда вам ваша собственная фантазия дать не сможет!» Зрители увидят, что те улицы, по которым они ходят из года в год, тоже представляют собой художественную мастерскую.

* Олег Кулик – Художник. Известен своими перформансами, в которых предстал в образе «человека-собаки»

Ирина Рудомазина

Я родилась 21 апреля 1951 года в г. Ленинграде, где и проживаю по сей день. По образованию инженер-экономист.

Стихи начала писать в возрасте 53 лет. Для меня стихи это разговор по душам, рассказ о сокровенном, наболевшем.

Я с удовольствием делюсь своим творчеством с друзьями и близкими. Радуюсь, если оно проникает в их сердца и находит отклик, а, возможно, и помогает понять и пережить некоторые, схожие с моими, жизненные ситуации.

Что осталось

*«Отпускай хлеб свой по водам,
потому что по прошествии
многих дней опять найдёшь его»*

Книга Экклизиаста, гл. 11, ст. 1

Как не жаль, но закончилось лето,
Осень жизни подводит итог.
Грустно думать, что «песенка спета»,
И осталось лишь несколько строк.

Только то, что ещё осталось,
Не измерить количеством лет,
По сравнению с прошлым – малость,
Но поры драгоценнее нет.

Что не понято раньше – открылось,
На вопросы нашли ответ,
Потому что теперь нашу зрелость
Освещает мудрости свет.

Сколько опыта, знаний накоплено,
Сколько дел удалось совершить,
Сколько, Божьей любовью наполненных,
Лет счастливых смогли прожить.

Что положено в жизни,
сделано.

Дети взрослые, внуки растут.
И года, что ещё отмеряны,
Как награда за долгий труд.

Установлено так природой:
Время есть, чтоб возделывать сад,
По прошествии нужного срока,
Придёт время плоды собирать.

В жизни так же, как и в природе –
Свои сроки для каждой поры,
Вот и старость уже на пороге,
Время – чтоб пожинать плоды.

А плоды – не квартира, не дача,
И не должность, не слава, хвала,
Ведь единственное, что значит,
Только то, чем душа полна.

Что растили, чем душу питали:
Верность, милость, терпенье, любовь,
Мы по водам, как хлеб, отпускали,
И теперь находим их вновь.

Недовольство, зависть, сварливость,
В свою старость мы не возьмём,
Не дадут они быть счастливым,
Наслаждаться нам каждым днём.

И когда, всё ж, наступит время
Быть зависимым от других, Дай нам,
Боже, побольше смиренья,
Сил

МОЛИТЬСЯ ЗА БЛИЗКИХ СВОИХ.

* * *

Я ждала тебя,

ОСЕНЬ.

здравствуй!

Ты пришла с первым днём сентября,
Отложив на потом ненастье,
Расцвела, яркость красок дая.

Как кораллы гроздья рябины.
Россыпь золота в кудрях берез.
Величавы, как знать, георгины,
Затмевают красой пышность роз.

Днём, как летом, тепло, но всё же
Холод ночи таится в тени,
А прогнать его солнце не может –
Уже осень, как ни крути.

Небо стало прозрачней и выше,
Мир раздвинулся – не объять.
С тихим шорохом, еле слышно
Начала листва опадать.

Ощущенье умиротворенья,
Так бывает в конце пути,
Дел достойное завершенье,
Нет ни спешки, ни суеты.

Всё наполнено светом и цветом,
Не найдёшь красивей поры.
Этот праздник прощания с летом
Нам сентябрь-чародей подарил.

Прощальный поцелуй

Нежданное тепло среди осенних дней,
Как будто поцелуй прощальный лета.
Ненастье, холод – будут, но поздней,
Сейчас же время для тепла и света.

В сияющих, как летом, солнечных лучах
Костром пылают ягоды рябины.
А высоко, в прозрачных небесах,
Летит, едва заметный, клин утиный.

Раскрашен лес осенним волшебством,
Как в карнавале, смешаны все краски.
Проказник-ветер правит торжеством,
Резвясь, с ветвей срывает листья-маски.

Деревья будто бы на царский пир
Оделись в золотом расшитые кафтаны.
И только ели не меняют свой мундир,
Да клён укутался в наряд багряный.

Погода хороша как никогда.
Земля нечаянным теплом согрета,
И ярче засияла природы красота
В потоках ослепительного света.

Легко и безмятежно-радостно внутри,
С налётом лёгкой грусти и печали.
Кончаются тепла последние деньки.
Как жаль, они навек меня очаровали.

Юлия Рудомазина

Родилась и почти всю жизнь живёт в Ленинграде/Санкт-Петербурге. Неоднократно публиковалась в изданиях «Интеллигента» и дружественных изданиях.

Основное направление в творчестве – верлибр, как вид поэзии, относительно свободный от давления формы.

Главный редактор Международной медийной группы «Интеллигент».

Поэма большой воды

I

Вода
Намочила
Сухой скучный берег
Измученный жаждой
Песок
Тихим прибоем
Лёгкой волной
Поит его
Но этого мало
Лишь облизать
Берегу губы
Тоскующие
По влаге

Наступающий
Вечер
Погладит
Прохладой
Ветром
Тучи
Дотронутся
Нежно
И берег
И горизонт
И само море
Ждут
Когда вода
Станет большой...

Ждут
Шторма...

II

...И шторм изменит всё
Неуправляемый
Раздробит
На мелкий щебень
Сухопутные
Предубеждения
По всем архаичным законам
Стихии
Затонут
В ритмично взбешённой

Воде

Рыбачьими лодками
Рацио
Бессмысленные
Благочестие и мораль
Ценные в штиль
В шторм
Смоет морская соль
На берег
Гремящей волной
Вынесет
Только обломки
Лишь щепки
Ракушки разбитые
Ил из глубин
Подсознания
В ночное штормящее
Шумное море
Так хочется прыгнуть

III

Плещется море
Уставшее
Сломаны
Ветки
Ветром
Сорваны листья
Тихо шипит
Утренний сонный
Прибой
То тут
То там
Шелестят
Бурунчики пены
Напоминанием
Что вода
Нынче спокойная
Без сожалений
О вчерашнем
Стала
Была и есть и будет
Большой

**Мой лирический герой безнадежен
(Дождь играет джаз)**

*Зови его так: «Ещё Один Дождь»
Э. Шклярский*

Дождь играет джаз
Бьёт по крышам
По жестяным водосточкам
Отбивает ритм
Синкопой.
По карнизам – как по клавишам
Наполняет мокрый воздух
Мелодией.

Ноты каплями
Висят на проводах
На ветках
На балконах...

Мой Лирический Герой безнадежен
Он читает ноты дождя
Он записывает их, представляя,
На каких инструментах
Будет исполнена
Музыка неба, крыш и воды,
Какой джаз-бэнд,
Какая группа
Будут достойны
Этой Музыки

Мой Лирический Герой безнадежен
Он немного несчастен,
Иначе как найти
Те аккорды, что
Заставят
Слышать, любить, дышать.
Он счастлив безумно –
Иначе как возможно
Вообще
Среди домов, машин,
Деревьев и водосточков...
Среди стука обо всё это
Капель
Отыскать
Хоть что-то
А уж
Поэзию, Музыку, Жизнь...

Мой Лирический Герой безнадежен
Он, наверное, курит,
Глядя на дождь,
Пьёт индийский эль,
Смотрит вдаль
Сквозь размытый пейзаж
С надеждой,
Что вот-вот разглядит
Знакомый силуэт,
И будет кому этим вечером
Сыграть то, что услышал он
От дождя
И записал
Специально
Для...

Небо**1. Хм небо**

Хм небо...
По капельке вытекло
В неясный подземный рай,
В чистые глаза
Растаявшим снегом
С рыжеватым оттенком.
Синей струйкой оттепели
Прожурчало под моим ботинком
И, наверное, навсегда
Промочило мне ноги,
Обеспечив ознобом

Хм небо...
Терпкое
Коричневое
Горькое
Неумелое
Неродное...

2. Ха! Небо

Ах, небо...
Сизым куполом
Накрыло.
Пронеслось
Трубным звуком
Высоковольтной линии
Электропередач
Над домом,
Над дачей,
Куда-то к морю
Или к лесу,
За забор.
На замок,
На чёрный ключик
Заперлось
Загрызенное,
Выстраданное,
Чисто выметенное
Новеньким веником
Небо.

... небо
Выбралось,
Выцарапалось,
Вылилось,
Прокатилось в метро
По пятой линии,
Прямо в Индию.
Просочилось
В подземный рай,
В подноготную
Подсознания
Капелькой
Солнца
Пряной.
Ха! Небо!

САХАЛИН

Константин Молчанов

Путь не близок

До Охотского сегодня можно только лишь пешком.
Вот и шлёпаю по лужам. Путь не близок, но знаком.

Дождь на трассе ночь дырявит небо звёздным решетом.
Не беда, что своим ходом. Путь не близок. Но знаком!

Меря землю, шаг за шагом, ковыряю ночь носком.
Где бегом, где лесом, бродом...

Путь не близок. И знаком.

Мой остров

Мой остров. Для кого-то хмурый,
в циклонах, в вечной мерзлоте,
В штормах, дождях, похолоданиях,
ветрах, без солнца в темноте...

Возможно, со столичных улиц другого и не разглядишь...
Но мы-то знаем колдовскую над океанской гладью тишь!
Но мы-то видим ежедневно в рассветных зорях горизонт,
И точно знаем, если каплет – ещё не значит, нужен зонт,
Ещё не всё вокруг в тумане,
Ещё волна не во весь рост,
Ещё не вечер, море манит,
И мачты курсом на норд-ост!

Ещё, быть может, мир откроет волшебный остров Сахалин,
где ливень океанский моет холсты для будущих картин!

Пять градусов к югу

Пять градусов к югу.
Час лёту в пути.
Так что же? Как другу,
Ответь, что найти
Стараешься в Богом забытом краю?
И что-то там шепчешь...
Не песню ль мою?

Та песня как пропуск в молчание гор,
В морское безумство и неба простор!
Та песня, мой друг, как молитва всем нам:
«И хлеба горбушку, и ту пополам!»

Пять градусов к югу.
В распадков туман.
Поверь мне, как другу,
Их тишь – лишь обман
В забытом, покинутом Богом краю!
Да что ты там шепчешь?..
Не песню ль мою?

Та песня – пароль на кордонах тайги!
На рейдах Курил, где не видно не зги!
Та песня, мой друг, как молитва всем нам:
«И хлеба горбушку, и ту пополам!»

Пусть мачты стрелами по ветру

Пусть мачты стрелами по ветру,
Что в небо вырвал паруса,
Летят сквозь ливней кубометры!
И кубомилями роса
С высот таёжных скал в распадки,
Смывает в море сухостой!..
Укрепрайон вокруг палатки,
Принять готовый на постой,
Видал и не такое!
Было, как помню, шквалом в берега
Вбивало океаном волны с пятиэтажные дома!
Меж сопками, на спящий город
Весь годовой запас воды
Сорвался в ночь! И стар, и молод
В леса бежали от беды...
А мы тогда ушли с палаткой,
С ночёвкой в горы. Эту ночь
Я грел лопаты рукояткой,
Чтоб дрожь в коленях превозмочь!

Курилышки

Ах Вы, милые мои, Курилышки...
Многоотчие островов!
День в Амур ушел – жги лучинушку...
Океанская стынет кровь!

Теплота сердец в каждом камушке!
Соль разбросана в облаках...
И припасть готов к каждой ранушке!
И нести всю ночь на руках...

Тишиной Восток наполняется!
Замирает морская тварь...
Силуэты гор растворяются...
Задохся костёр в киноварь!

Даже свежесть волн стала терпкая!
Отошла, отступила в даль...
На сто вёрст... Как порода редкая
Здесь характер, и воля – сталь!

... унесёт тебя словно пёрышко
«ЦентроСпас»... Вертолётов трель...
– Оживайте, мои Вы, Курилышки!
Берег в чайках весь... Акварель!

Мой Сахалин, мои острова...

«Где-то там... Где-то там, в космосе человеческой души, в солнечной системе современников есть планета Сахалин. И василькового цвета ситец неба этой планеты распротёр свои крылья над многообразием островов. Здесь, в сердцах счастливых своей долей людей, живёт вера, хранится надежда и рождается любовь... И любовь из них больше...»

На одном дыхании я написал эти строки для обращения к читателю со страниц моей первой книги «И любовь из них больше...». Старался максимально отразить собственное понимание гармонии островного мира, в котором человек старается жить в ладу с природой, с цивилизацией, с самим собой...

Что для меня Сахалин?

Мой остров. Для кого-то хмурый, в циклонах, в вечной мерзлоте, в штормах, дождях, похолоданиях, ветрах, без солнца в темноте...

Сахалин – это пространство, наполненное ветрами и штормами. Пространство, просоленное морями и стремящееся навстречу просыпающемуся в океане солнцу. Пространство, в котором уживаются высокотехнологичные проекты человека и дикая природа от субтропиков юга до заболоченной тундры севера.

Сахалин – это время, наполненное ожиданием тепла и света. Время, пропитанное ароматом цветущей сакуры и влагой покрытых уставшими от прибоя водорослями берегов. Время, стремящееся опередить спрос на богатство природных ресурсов неожиданным предложением шельфа и ежегодных богатых путин...

Сахалин – это душа... Душа... Вот здесь самое сложное. Даже не так. Вернее будет сказать, самое волнительное. Как передать внутренний мир человека? Причем, даже не дальневосточника, не просто и не только дальневосточника, – сахалинца. Я уже не говорю про души с более совершенной огранкой – души курильчан.

Как-то один столичный учёный поделился со мной результатами социологического исследования, проведённого им на Южных Курилах в начале этого столетия. Маргинальное сознание островитян вполне логично встраивалось в восприятие своей удалённости от Большой Земли.

*Безграничное признание
Дарит каждому семья
Бесконечных берегов
В свете дальних маяков.*

Однако, именно здесь, на островах, как нигде, и пространство, и время предрасполагают к прорастанию в человеческой душе ростков человечности, человеколюбия, открытости и милосердия. Уверен, именно эти ростки больше века тому назад искал на Сахалине и Антон Павлович Чехов. Только взгляните в образы его литературных героев «до» и «после» сахалинской экспедиции.

Что я могу тебе дать?

Наверное, солнца свет.

*И ветра, и звёзд, и тяжёлого снега,
и этих деревьев, что устали от бега.*

*Тех самых деревьев на камнях островов,
где ветреный встретит рассвет я готов...*

Уже больше 20 лет мы с Сахалином вместе. Три из них – в далеких шестидесятых... Детская психология утверждает, что в первые три года жизни человек получает больше информации из окружающего мира, чем за всю остальную жизнь. И именно в эти годы закладывается программа на всю жизнь. Ну, казалось бы, что можно вспомнить из впечатлений младенца? Ан нет, хранит память несколько артефактов. И среди них – вкусовое ощущение от ягоды, которая растёт только на Сахалине, да еще в низовьях Амурского лимана, – вкус клоповки. Эта ягода – поистине, символ острова. Гости Сахалина по дороге в аэропорт обязательно заезжают на центральный рынок Южно-Сахалинска за сиропом из этой ягоды с фантастическим вкусом. Визуально помню ещё от горизонта слева до горизонта справа берег, песчаный, и весь в солнечных зайчиках на пенных барашках прибрежных волн. Аудиальная память сохранила мне мелодию популярной в те далёкие годы песни в исполнении молодого Льва Лещенко. Спустя сорок лет я посвятил этой песне несколько строк.

Та песня как пропуск в молчание гор,

В морское безумство и неба простор!

Та песня, мой друг, как молитва всем нам:

«И хлеба горбушку, и ту пополам!»

«Остров – земля, со всех сторон окружённая водой. Это из школьного учебника». Не помню, точно, какого. Но определение запомнилось... Школа моя, как и все остальные образования, остались вдали, на материке в прошлом веке. Но память хранит уроки географии и литературы, похождения «Алых парусов», «Двух капитанов», а чуть позже и более реального «Кон-Тики». Совершенно реально мы вместе с одноклассниками вынашивали планы сооружения плота и сплава по Амуру от Хабаровска до устья... А там – через Татарский, и мы – на острове! На Сахалине!

– Остров! Остров! Посмотрите, бухты, скалы, гор хребты.

Красоты на свете этой лучше в жизни не встретишь ты!

Рассказ о Сахалине не будет полным, если не сказать о друзьях. Уверен, любой человек счастлив заботой со стороны близких и вниманием со стороны своих друзей. А дружба, проверенная в тяжёлых походах, в подъёмах к вершинам вулканов, спаянная в штормах Охотского моря, дорогого стоит.

Пусть полощут дожди плащ-палатки.

Есть друзья, они рядом со мной.

Рядом, под василькового цвета ситцем неба моей планеты Сахалин.

Наталья Теренкова

Кандидат культурологии, доцент ВАК. Автор статей и учебного пособия по культурологии.

Любопытный исследователь и любитель путешествий. Популяризатор научных знаний на каналах Культурология для всех в Яндекс.Дзен и на Ютуб. Опыт преподавания в ВУЗах города Сергиев Посад более 10 лет.

Мифы Сергиева Посада

Источник белых богов

Одна из версий происхождения названия «Радонеж» говорит о том, что оно связано с древним языческим славянским богом Радегастом. Это западнославянское название бога огня – Сва-рожища. В древности достаточно часто применялась практика, согласно которой храмы новой религии ставились на месте языческих алтарей, капищ и других священных мест. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, согласно легенде, Сергей Радонежский первоначально намеревался основать монастырь именно в этом месте. А согласно другому преданию, он крест наложил на одном из камней святилища «Белые Боги». Это святилище находилось в стороне от Радонежа. Но кто такие эти Белые Боги? Первое, что приходит на ум, – это имя Бел-бога – бога света. Но поскольку название говорит о множественном числе, а Белбог был один, то логично предположить, что Белыми богами могли называться все боги, обитавшие на небе, где находился славянский рай – Ирий. Согласно современным исследованиям, наши предки делили мир на три уровня, как и большинство других древних народов: мир богов – мир людей – подземный мир. Вот наверху жили основные боги славян, которые создали для них правила жизни, т.е. законы. Их можно условно назвать Белыми, т.е. «полезными» для людей, в отличие от тех, что приносили людям проблемы и жили в подземном мире. Кстати, возможно богам последнего было посвящено урочище Могилыцы на востоке от Радонежа.

Предполагают, что языческое капище «Белые боги» было действующим в XII-XIII вв. и представляло собой полусферу 3м. высотой и 6м. в диаметре. Об этой информации упоминает в своих записях знаменитый русский путешественник и географ В. П. Семёнов-Тян-Шанский. Хотя по другой версии, святилище напоминало английский Стоунхендж. Наши древние предки, вероятно, свои священные объекты помещали в

так называемых «местах силы». И сила эта идёт то ли из земли, то ли с неба на протяжении тысячелетий. Правда, бывает и иссякает, но источник «Белых Богов» всё ещё действует. А как это узнать? Да, очень просто! Если отыскать место капища в ночь после 21 июня – дня летнего солнцестояния, когда день самый длинный в году, – то можно увидеть свет. Как будто земля изнутри светится. Старожилы говорят, что иногда даже чуть над землёй свет поднимается и будто в тумане стелется, но это если весной и в начале лета особо солнечно было.

Шла однажды девушка, плакала, обидели её сильно, из дома она убежала и увидела такое в ночи да на природе, вдалеке от домов с электричеством. Конечно, страшно стало... Но сами понимаете, в XX веке девушки – это вам не рафинированные нервные барышни века XIX-го, их непонятное только в первый момент пугает, а потом разжигает неодолимый интерес. Вот и наша сначала отпрянула, а потом ближе подкралась, посмотреть, тем более, что терять ей было нечего, как она думала. Уж больно некрасивая была: люди шарахались, дети пугались, молоко прокисало, а уж о парне и мечтать не приходилось. Увидела она, как свет по земле стелется, ближе подошла, рукой потрогала, а он как будто мокрый. Вроде странно это всё, необычно, а страха не было. Посидела она рядом, соль от слёз смыла мокрым светом. Сами слёзы высохли – любопытство-то сильнее! А потом и уснула там же: притомилась на свежем воздухе. Утром проснулась, озябла и домой побежала. Увидела на улице знакомых, поздоровалась, а они как-то странно на неё отреагировали... Но девушка привыкла к неадекватным реакциям на себя, только иногда, когда уж совсем обидно было, плакала. А обычно просто «рукой махала» в душе. У самого дома столкнулась с соседкой, которую знала с детства. Та её не узнала. Но и тут наша героиня не опечалилась. Может, где на противоположной стороне улицы парень

интересный был, вот подружка и сделала вид, что не знает. Бывает... Зашла в дом да случайно, мельком, проходя мимо, в зеркало глянула и обмерла: на неё смотрела писаная красавица. Она, конечно, обрадовалась, но, с другой стороны, как жить дальше, если никто не узнает? И ведь правда: только родители и признали! Сами понимаете: материнское сердце не обманешь. Вот какое оно, наше «место силы»! Такие природные аномалии по всему миру известны и слынут целебными. Они от солнца заряжаются, как батарейка, и светят потом. Вот и получается, что свет этот не только от земли, но и от неба. И, конечно, лечиться лучше приходиться именно 21 июня, когда источник максимально заряжен, для достижения лучшего эффекта. Ну, или несколько ночей там провести, он же, даже когда не светится, всё равно помогает. Люди на такие места приходят, сидят рядом, будто греются у костра, а некоторые ложатся на него больными частями тела и долго впитывают лечебную энергию природы.

Легенда про красного волка

Были ли вы, многоуважаемые, на Загорском море? Что, опять не были? И огней красных не видели? Их, бывало, и зимним днём, когда на лыжах едешь, можно встретить. Ну, уж если летом ночью туда прийти, то тут уж наверняка!

Что, видели? Вот то-то! А то, что это не огни вовсе, а глаза волка-оборотня, знаете? Да, не пугайтесь вы так! Он травоядный! Даром, что волк... Как так, спрашиваете? А тут история особая. Слушайте.

Было у отца два сына. Жили они в деревне, большой таковой. И был отец в той деревне заместо судьи: вопросы всякие решал, споры там... У людей, как какая непонятка, они сразу к нему бегут: рассуди. Ну, он всех выслушает и решит: по чести, по совести, по справедливости. Люди и рады, и благодарны, а потому завсегда гостинцы несут: кто хлеб, кто молоко, кто мясо. Как говорится: чем богаты. Вот так и жили они припеваючи.

То, что у того отца подрастали два сына, я уже сказала. И ведь все знали, что должность отцовская по наследству перейдёт к старшему. Он рос важным, честным и справедливым – весь в папу. Только, как водится, младший брат был несогласный.

Вот почему так всегда – младшенькие идут против закона и порядка: что Сет в Египте, что Пандавы в Индии, что принц Джон в Англии...? Вот и тут та же история. Задумал младший сесть на место старшего.

Только, как это сделать, если тот законный правитель? Решил позвать брата поговорить, только на разговор нож с собой взял. Встретились они у околицы и пошли в лес прогуляться. Когда же зашли в самую чащу, то младший, недолго думая, убил старшего. Потом вернулся в деревню и спать пошёл, а нож под кровать закинул. К вечеру – переполох, наследника нет. Искали его всей деревней несколько дней, но так и не смогли найти. Отец после этого случая слёг и, почти сразу, умер. Делать нечего, деревне нужен новый судья, затеяли обряд посвящения младшенького.

Только начали, как в деревню вошла старая женщина. Сама вся ухоженная, осанка горделивая, вот только при ходьбе, хромает на одну ногу. Люди увидели, затихли, замерли, у кого-то даже дыхание перехватило. Обвела взглядом всю деревню и остановилась на претенденте, потом вдруг резко повернулась и пошла, не оглядываясь, прямо к нему в дом. В толпе никто

не шелохнулся. Она только зашла и напрямик к кровати, заглянула, а там нож с засохшей кровью. Взяла его, подошла к младшему, в упор на него посмотрела, а он только глаза отвел в сторону. Села гостя перед ним прямо на землю, достала из котомки горшок, мешочки какие-то на земле разложила. И никто словом не обмолвился, только наблюдали. Она же извлекала на свет: лягушачьи лапки, крыло летучей мыши, хвост змеи и много чего другого. Всё аккуратно сложила в горшок, перемешала, произнесла никому не понятные слова, и из горшка красный дым пошел. Люди замерли, а женщина стала дымом младшенького окуривать. И тут убийца сначала выкручиваться стало, потом он юлой закрутился, аж, все жители отпрянули. А когда остановился, то стал волком с красными глазами. Клацнул зубами и след его простыл. Старуха же сказала, что жить он будет вечно, но ни крови, ни мясной пищи съесть уже никогда не сможет.

Так и ходит с тех пор волк по тем местам, словно привязанный, глазищами светит. А на шее у него нож: тот самый. Если воткнуть его ночью в пень какой, да перепрыгнуть, то станет он человеком, но только до рассвета. При первых признаках зари, вынужден оборотень возвращаться к волчьей жизни. Вот такой вот волк-вегетарианец, да не по своей воле.

Почему пропали змеи

Всем известно, что в Сергиевом Посаде и окрестностях практически нет змей. Ну, может, не всем, но местные точно знают! Есть версия, что это из-за колокольного звона: дескать, отгоняет он их. Может оно и так, но говорят, что есть этому и другое объяснение...

Было это в стародавние времена, когда здесь ещё леса были, и ни про какой город никто не слыхивал, а змей было множество и разных.

Все началось с совершенно обыденной истории: в чашу забрела коза. А парень-пастушок отправился её искать. Шёл он по лесу, прислушиваясь к чуть различимому козьему блеянию, забираясь всё дальше и дальше.

Начало смеркаться. Стал он замечать, что змей у него на пути становится всё больше и больше. Стемнело. И то ли от страха, то ли и в правду так было, но парню стало казаться, что при его приближении змеи поднимали головы, а когда он проходил, то тоскливо смотрели вслед. Скорее всего, это был морок, но страшно было на самом деле. Потому, когда вдалеке пастушок увидел едва тлеющий костер, то очень обрадовался. Парень надеялся, что люди, которые развели огонь, видели, куда отправилась его коза. Да, может быть, ещё и подскажут дорогу домой.

Когда пастушок вышел к костру, то увидел только одного человека. То был крупный мужчина, похожий на породистого быка, одетый в косматую звериную шкуру. Но больше всего парня потрясло не это. Он посмотрел себе под ноги и понял, что вся поляна, вокруг кишит змеями.

Хозяин поляны встретился с пастушком глазами, и тому показалось, что они полыхнули чистым золотым. Он мотнул головой и морок рассеялся. Тут хозяин заговорил: «Твоя коза у меня. Если ты хочешь её получить, то должен сыграть со мной в кости. Но учти, проиграешь, я превращу тебя в змея, и ты станешь моим рабом навеки! А коли выиграешь, то и козу тебе отдам, и дорогу домой покажу».

Что оставалось делать бедолаге? Конечно, парень согласился!

Хозяин взмахнул рукой, и на поляне образовался круг, в котором змей не было. Туда они оба и сели. Парень ближе к огню, а мужчина – дальше, туда куда отсвет от чуть тлеющего костра не попадал. Кинули кости первый раз – ничья, кинули второй – хозяин в выигрыше, кинули третий – снова ничья.

Пастушок замёрз и стал раздувать огонь. Хозяин-то этого в пылу азарта не заметил. Однако, как только костер стал уютно потрескивать, у парня фарт пошел. Он выигрывать стал: и козу отыграл, и дорогу домой. Поднялся на ноги, ждёт, что его партнер по игре слово своё сдержит. Хозяин тут только приметил, что огонь жарко разгорелся, и кинулся его затаптывать, да парня ругать последними словами.

Внезапно, прямо в самую сердцевину костра молния ударила! Хотя погода совсем сухая была: ни грозы, ни дождя ни капли! Хозяин с воем отскочил в сторону. И пастушок к своему удивлению увидел, как его партнер по игре в размерах стал уменьшаться, а потом и вовсе сгинул... Огляделся парень по сторонам. Вот коза его к дереву привязанная, а вот и дорога домой. Как будто кто-то специально осветил для него. Взял пастушок свою зверушку и поспешил убраться восвояси, не разбираясь. Вот с тех пор-то змей у нас и нет: ушли вместе с хозяином.

Проделки семихвостой лисицы

При работе над материалами этого мифа, мне впервые было страшно. То ли потому, что история, с ним связанная, практически современная, то ли оттого, что было в ней много натуралистически-ужасающих подробностей.

Произошло это лет 50 назад, может, меньше или больше... В одном очень небольшом населённом пункте на окраине Сергиево-Посадского района стоял покосившийся деревянный домик. Жили в нём древняя старушка и её внучка – рыжеволосая красавица. Но были они нелюдими и с соседями особо не общались, хотя и нельзя сказать, что совсем уж затворники. Пришло время, бабушка умерла, а девушка хоть и заневестилась, но всё также продолжала сторониться людей, особенно пришедших. Звали её Зоя.

Однажды приехал в тот населённый пункт парень из Сибири, в гости к дальним родственникам: крепкий, сильный – настоящий сибиряк. И тут затворницу как будто подменили: от приезжего глаз оторвать не может. По улице мимо него лишний раз пройти не стесняется – это чтобы заметил. Соседи уже судачили, что видели их вместе, руки потирали, что на свадьбе погуляют. Да только глядь – нет парня. Как положено, через три дня заявление в милицию написали, а ещё через сутки нашли его в лесу с перегрызенным горлом. Соседи языками пощёлкали, девку пожалели, да своих деток попрятали: не ровен час, зверь к домам выйдет, кровь-то человеческую он уже попробовал...

Так шли годы, Зоя, как чёрный платок после смерти сибиряка надела, так больше не снимала и людей стала ещё сильнее сторониться. Зверь больше не появлялся, народ успокоился, детей стали безбоязненно гулять отпускать. И тут новая напасть: пропали две маленькие девчушки 6 и 9 лет. Тут уж три дня ждать не стали, искать пошли всем миром и нашли тоже в лесу, почти на том же месте и тоже с перегрызенным горлом, правда, одну. Вторая – в шоке, в забытии. Её отвезли в больницу, где она пришла в себя, и рассказала, что они с сестрёнкой гуляли, и когда уже смеркалось, оказались у дома Зои. Окна светились, и девочки решили понаблюдать за девушкой.

Забрались на скамейку и увидели, что сидит она перед зеркалом, волосы расчёсывает. Ничего интересного. Собрались уходить, как вдруг Зоя соскочила со стула, крутанулась вокруг себя и превратилась в рыжую лисичку. Дальше девочка ничего не помнила: ни как в лесу оказалась, ни что с сестрой произошло, только, когда она в лесу в себя приходила, то видела девушку, и та ей наказала никому ничего не рассказывать.

С тех пор Зоя пропала, и никто о ней не слышал до недавнего времени. Одна из жительниц того населённого пункта рассказала, что где-то с год назад видела их бывшую соседку в городе, и самое страшное, что она с тех пор никак не изменилась: всё та же молодая рыжая красавица.

Справка: В китайской мифологии есть такой персонаж «семихвостая лисица». Она принимает образ красивой девушки, чтобы соблазнять мужчин и питаться их мужской силой. Когда же несчастный истощится, то она перегрызает ему горло. Детей она тоже не чурается, они сами по себе большие аккумуляторы энергии и поэтому жизни лишаются сразу, чтобы с кровью получить весь поток энергии. Китайские трактаты предупреждают: если вам пришлось столкнуться с таким существом, помните, она очень сильная: гораздо сильнее любой женщины и большинства мужчин. В прямой схватке с ней придётся нелегко, но, если вам удастся её измотать и она превратится в лису, тогда есть шанс спастись: нужно бросить ей на хвост щепотку соли или горсть земли, и лисица сгинет.

P.S. Кто же ты, Зоя? Гостя из Китая или наш доморощенный ужас?

Попасть на Нижнёвку...*

**Это выражение в XIX в. у местных жителей означало «попасть в страшную или криминальную историю» (историч. справка).*

Эпизод первый: В 30-е годы прошлого века на улице Митькина стоял дом. Самый обычный со ступеньками. Сидели там на ступеньках пионеры да комсомольцы, речёвки учили, страшные истории друг другу рассказывали. Да какие уж страхи от историй, если день на улице солнечный? Вот когда кто-нибудь из ребят их возраста мимо проходил, то зазывали они его к себе. И если бедолага соглашался, то вели они его внутрь дома. Сопровождали обычно двое самых сильных. Там... полумрак, окна позавешаны плотной чёрной тканью, на полке стоит одинокая свечка (да, много ли света она даст?). Одна стена белой простыней завешана, а на столе аппарат диковинный – машина страшная, никто такую раньше и не видывал.

Сажали они горемычного за стол, в нужный момент свеча гасла, и когда гость совсем уже холодел от ужаса, техника на столе вспыхивала белым светом с громким жужжанием, а на простыню попадал луч, в котором можно было прочитать: «Диафильм». Да-да, на столе стоял диапроектор, а смотрели ребята диапозитивы. Студия-то была основана в Москве в 30-ом году, потому мало кто видел и знал, что же это такое.

Эпизод второй: А спустя всего несколько лет, на этой улице проводили земляные работы. И под одним из домов, может даже под тем же самым, отрыли целую гору человеческих костей. Произвело это на людей страшное удручающее впечатление. Стали разбирать, в архивах искать, что за дом такой, кто в нём обитал, чем жил. И выяснили, что в конце XIX века жила там девушка. Откуда появилась, чем занималась, да на что жила: не понятно... Но сказывают, что каждый ве-

чер надевала она на ноги валенки в заплатах, а если тепло было, то и вовсе босиком, и садилась на ступеньки крыльца. На плечах её неизменно был большой платок. Так-то, вроде, барышня не примечательная, ну, сидит себе на ступеньках, как побирушка, ну, высматривает, кто побогаче.

Там по соседству бани были рижского купца Лариона Антипова. Господа оттуда выходили распаренные, довольные, добродушные, а если кто на второй этаж заглядывал, где виноградные вина да пиво в розлив продавали, так и вовсе размягчённые. Барин такой мимо пройдёт, не взглянет, вот только если взглядом не столкнётся. А уж коли глянул в очи, то тут, как муха в паутину, влип и не выберется. Говорят, чтобы внимание привлечь, девица даже глазами сверкала. Хотя, может, она просто зеркалом или осколком стекла игралась – зайчиков пускала. Да, дело-то не в том! Бедолага, как только на неё глянет, то начинает побирушка плакать, на жизнь жаловаться, да краем платка слёзы вытирать. А ведь знала девица, что когда плачет, то становится диво как хороша. Взглядом же его держит цепко, не отпускает. Постоит барин, послушает, растрогается, да и лезет за пазуху за монеткой какой... Но нет, девица не берёт, плачет, да в дом кличет. Постоит горемычный, помнётся... да не отступать же, раз уж на доброе дело сподвигся? И шагает прямо в дом.

Там... полумрак, окна позавешаны плотной чёрной тканью, на полке стоит одинокая свечка. А на стенах картины, да только все уж больно кроважадные: то собаки кого-то загрызли, то на кол кого посадили, то деревьями кого разрывают, то ещё какие ужасы. А потом слышит шипение за спиной, оборачивается, а побирушка крутится вокруг своей оси быстро-быстро и шипит, потом вдруг останавливается, улыбается, а во рту у неё клыки длинные-длинные. Никто из того дома не ушел...

Это вам не Баба Яга, родная да заботливая, это целый вампир! Упырь, по-нашему – неупокоенный труп. Ей бы кол в сердце, да в землю зарыть лицом вниз, да руки-ноги к земле прибить... Но никто не догадался... А потом и сама ушла, видать, когда погреб костями переполнился...

Моровое поветрие в Рязанцах

Были ли вы, многоуважаемые, в Рязанцах? Конечно, были! Кто ж по дороге из Москвы к нам в Посад не проезжал эту деревеньку? Хоть конным, хоть пешком, хоть на автомобиле! Обычная такая...

Но вот если бы вы там остановились, да спросили у местных, где старая дорога в деревню Киримово, то на вас бы посмотрели очень настороженно. Думаете, им путь показать жалко? Нет, просто, им не понятно, почему вас всякая чертовщина интересует! Вот! А вы, конечно, и не знаете в чём там дело! В начале той дороги, на самом выходе из Рязанцев, Вы можете услышать...

Хотя, погодите, обо всём по порядку. Было это много веков назад... Жила-была семья. Ну, так, не большая, не малая. Опять же, как посмотреть: по нынешним-то временам – большая. Вся деревня – одна семья: родители, дети, внуки все вместе жили. Девочек замуж выдавали в соседнюю деревню. Невесток же, что их мужики оттуда в жёны брали, привечали. И так дружно жили, что, прям, все им завидовали.

Однажды забрела в деревню девушка. Ну, как забрела: нашли её утром у дороги без сознания. Откуда взялась, никто не знает. Сами понимаете, чужих, пришлых, непонятных

никто не любит, но с другой стороны, не бросать же. Тем более, что живая, дышит...

Была бы мёртвая, тогда всё проще: закопали бы лицом вниз, руки к земле прибили, в сердце, кол осиновый. Да, нет, вы не думайте, что в деревне садисты жили. Это так, на всякий случай! А то вдруг покойница начала бы по ночам подниматься и в дома к мирным жителям стучать... или и того хуже: деток и одиноких прохожих отлавливать. Кому это надо? А так все предосторожности соблюдены! Да, что говорить о покойнике, если девица живая!

В дом принесли, согрели, она в себя пришла, накормили её. Но, поскольку слабая было очень, то оставили в деревне сил набираться. Девка оказалась добрая, милая, да, работающая. Вот только не рассказывала: откуда она взялась. Как только кто разговор об этом заводил, так сразу бледнела, синела. И глядь, вот-вот в обморок бухнется! Ну, и отступались сразу любопытствующие-то.

А как не отступишь, раз у неё защитник появился. Из местных. Младший сын хозяев. Парень видный, как раз только-только в возраст вошёл. Все девки на него заглядывались, а у него как будто свет клином сошёлся на прищлой! Всё заходил к ней проводить, гостинцев приносил, да любопытных разгонял.

Прошло время, девка прижилась. Тут наш добрый молодец к ней и посватался. Родители, конечно, недовольны были, но рукой махнули: привыкли все к прищлой. Избу им справили, она хозяйничать стала. Рядом с домом яблоня-дикушка росла. Пока избу ставили пустоцветом была, её чуть не срубили, а как жизнь в доме затеплилась, так и яблочки появились. Новая хозяйка стала из дички квас делать, да такой, что все нахваливали!

И всё бы хорошо, но стали вдруг люди в деревне умирать. Когда дед старый помер, никто не удивился: возраст. Через месяц, сын его, глава всего семейства – тоже особо вопросов не возникло – немолодой же. А вот как ещё через месяц и его сын, тут все призадумались... Причину мора искать стали и никак! Пока искали, мужики продолжали умирать.

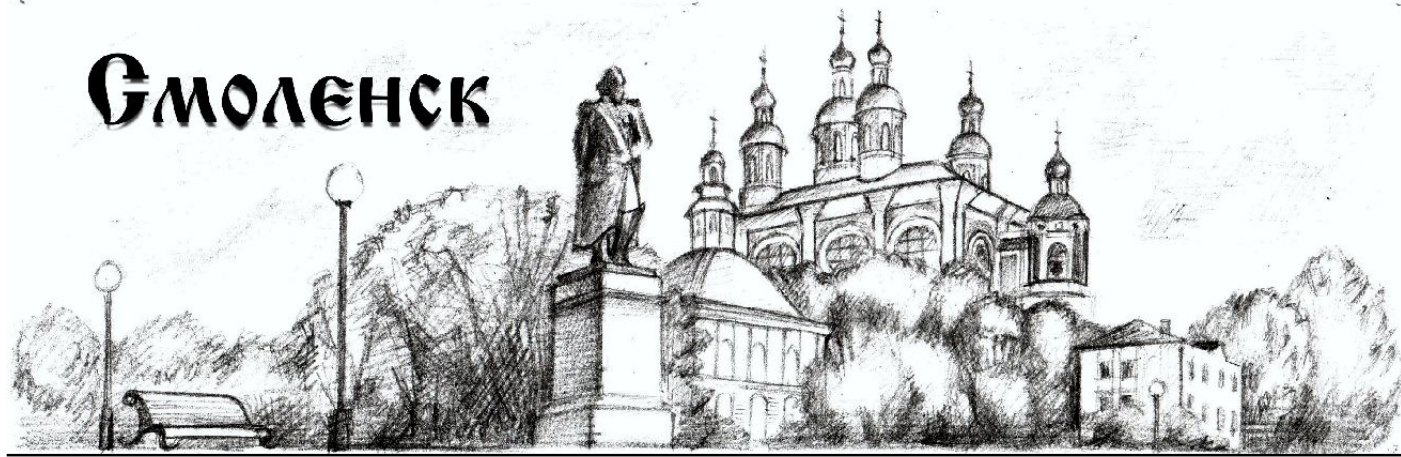
Однажды самая старая и уважаемая женщина в семье заметила, как пришедшая невестка дикие яблочки около своей избы сорвала, принесла в дом и магические обряды над ними творила. Рассказала, она, скорее, все её мужу, тот стрелой помчался и застал жену за колдовством! Хотел её схватить, но она рыжей птицей с зелёными глазами обернулась и улетела. Опечалился наш герой, понял, что собственными руками смерть в дом привёл.

Стали ему во сне и наяву голоса мёртвых слышаться. Старуха ему сказала, что для очищения, нужно на многолетний дуб, привязать ленточки по количеству умерших родственников. Тогда всё колдовство в корни, да в подземный мир уйдёт.

И стоит многолетний дуб, обвязанный ленточками. Если их от ветра или дождя меньше становится, то люди в этом месте начинают слышать, как шумит деревня, которой давно уже нет на белом свете. Если вам, многоуважаемые, пришлось такое услышать, то отправляйтесь скорее к дубу и привязывайте ленточки. Ведь теперь никто не знает, сколько людей ведьма сгубила...

А я заглянула в словарь В.И. Даля и прочитала, что один из вариантов трактовки слова «рязань» – мелкие дикие яблочки... Вот такая деревня – Рязанцы...

СМОЛЕНСК

Кузница литературных кадров

В конце этого года (2011 – ред.) в издательском отделе Смоленского государственного университета выйдет в свет книга воспоминаний Марка Хенкина об историко-филологическом факультете, одном из старейших в структуре вуза. В юбилейном издании 2008 года «СмолГУ – 90 лет» мало было сказано об этом факультете, который просуществовал четверть века и воспитал много известных людей, проявивших себя в различных отраслях жизни. В своих воспоминаниях Марк Захарович Хенкин восполняет этот пробел и рассказывает много интересного об истории факультета и его питомцах.

Можно только позавидовать памяти этого замечательного ученого и педагога, много лет возглавлявшего деканат историко-филологического факультета. В свои 90 лет Марк Захарович сохранил свежесть ума и ясность памяти и, что самое важное, его память сохранила много интересных фактов из истории вуза и факультета, где он проработал многие годы. Марк Захарович пользовался заслуженным уважением у студентов, и не зря студенты называли его не иначе, как «наш Папа».

Когда в 1971 году курс, где я учился, завершил обучение, на выпускном вечере мы организовали на сцене символический «корабль знаний», капитаном которого определили нашего декана и даже нашли ему по такому случаю фирменную капитанскую фуражку! Наш декан действительно был истинным капитаном студенческого корабля. Недаром с 90-летним юбилеем Марка Захаровича поздравило много выпускников разных лет.

Марк Захарович Хенкин – не только замечательный ученый,

педагог, но еще и талантливый руководитель. Уже одно то, что факультетом он руководил почти 18 лет, говорит о многом. А ведь помимо этого еще были преподавание в педагогическом институте, работа в смоленской областной газете «Большевистская молодежь» в предвоенный и военные годы, работа в областной газете «Рабочий путь» и руководство колхозом в послевоенные годы. Отстающий колхоз «Красный партизан», руководимый нашим деканом, стал лучшим в области, за что председатель М.З.Хенкин был удостоен ордена Ленина. А вообще за свою долгую трудовую жизнь Марк Захарович Хенкин был награжден 14-ю различными медалями, благодарственными грамотами и значками министерств РСФСР и СССР, Всесоюзного общества «Знание», а по окончании работы в родном институте ему была вручена Почетная Грамота Министерства образования Российской Федерации.

В этом выпуске «Интеллигент – г. Москва» (за сентябрь 2011 г. – ред.) мы публикуем выдержки из интервью с М.З.Хенкиным заведующей музеем СмолГУ, кандидата исторических наук А.В.Тихоновой, которое вошло в книгу воспоминаний об историко-филологическом факультете, его педагогах и студентах а также представляем творчество выпускников факультета разных лет, ярко проявивших свое поэтическое дарование.

Анатолий ИВАНОВ,
выпускник факультета 1971 г.,
Заслуженный работник культуры Карелии,
член Союза писателей России,
представитель газеты «Интеллигент – г. Москва» в Смоленске.

– Марк Захарович, расскажите, пожалуйста, об историко-филологическом факультете. В юбилейном издании 2008 года «СмолГУ 90 лет» очень мало информации об этом факультете, который просуществовал четверть века и воспитал много известных людей.

– Историко-филологический факультет был старейшим факультетом университета, он существовал с момента возникновения в Смоленске университета и педагогического института. Его предшественниками были факультет общественных наук в Смоленском государственном университете и словесно-исторический факультет в педагогическом институте в 1918–1921 гг.

Факультет за время своего существования неоднократно подвергался реорганизациям. Их главной причиной были изменения в историческом и филологическом образовании студентов и подготовке учителей истории, русского языка и литературы. С середины 30-х годов до начала Великой Отечественной войны в Смоленском педагогическом институте существовали самостоятельно исторический факультет и факультет русского языка и литературы. В 1951–1952 учебном году вместо пяти прежних факультетов, существовавших в первые

послевоенные годы, были образованы три: историко-филологический, физико-математический и естественно-географический. Это были крупные подразделения вуза. На историко-филологическом подготовка учителей велась как на стационаре, так и на заочном отделении. В 1968 году на стационаре обучалось около 400 студентов. На заочном отделении – более 1600 человек, почти столько же, сколько на остальных факультетах. Кроме того, работали вечернее историческое отделение и отделение иностранных языков, последнее в 1952 году было преобразовано в факультет иностранных языков.

С 1956–1957 учебного года Смоленский пединститут, как и многие педвузы страны, перешел на подготовку учителей широкого профиля с пятилетним сроком обучения студентов. Историко-филологический факультет стал выпускать учителей истории, русского языка и литературы. Однако в 1961–1962 учебном году факультет перешел с пятилетнего срока обучения на четырехлетний. В связи с этим изменился профиль подготовки учителей и были образованы два отделения: истории, русского языка и литературы.

В таком виде историко-филологический факультет просуществовал до 1974 года, когда он был разделен на два факультета: исторический и русского языка и литературы (последний в 1999 г. был переименован в филологический), которые существуют до настоящего времени.

– Чем, на Ваш взгляд, историко-филологический факультет отличался от всех других факультетов?

– Лицо каждого предприятия, каждого учреждения определяет продукция, которую он выпускает. И лицо учебного заведения, лицо факультета определяют кадры, которые он подготовил, насколько они были востребованы, насколько они были нужны обществу.

Историко-филологический, как и другие факультеты, готовил учителей. Это было его главное назначение. Вместе с тем, он больше, чем другие факультеты, обучал и воспитывал универсальных специалистов, специалистов широкого профиля для активной деятельности в самых различных сферах жизни. За 24 года его существования были подготовлены тысячи высококвалифицированных учителей истории, русского языка и литературы для средних общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений. Многие из них хорошо известны, пользуются огромным уважением в Смоленске и области. Питомцы историко-филологического факультета получили большое признание не только на Смоленщине, но и в других областях страны.

– Много ли выпускников историко-филологического факультета стали учеными, писателями, поэтами, журналистами?

– Да, из числа выпускников вышло очень много не только кандидатов наук, доцентов, но и докторов наук, профессоров.

Колосков Анатолий Глебович после окончания истфила в 1953 году работал учителем истории и психологии, директором средней школы в Хабаровском крае, затем более 15 лет был на комсомольской и партийной работе в Смоленске. Окончив Академию общественных наук при ЦК КПСС, стал кандидатом исторических наук, а затем доктором педагогических наук, профессором. Четверть века, начиная с 1973 г, трудился в НИИ содержания и методов обучения АПН РСФСР, возглавлял здесь лабораторию обучения истории, заведовал отделом, а затем был заместителем директора этого института. Он стал одним из ведущих в стране специалистов в области методики преподавания истории, опубликовал в российских и зарубежных изданиях более 160 научных работ.

Ширяев Евгений Николаевич – выпускник Смоленского педагогического института 1961 года. После вуза в течение двух лет работал в средней школе №27 г. Смоленска. Проявил себя как талантливый преподаватель и педагог. Заражал учеников своей страстной увлеченностью филологией. Вел кружок русского языка, который посещали даже школьники с репутацией двоечников и хулиганов. На уроках литературы своим прекрасным, артистическим чтением заставлял пятиклашек хохотать до упаду и плакать. Признавался, что годы работы в смоленской школе были самыми счастливыми в его жизни. Закончил аспирантуру филологического факультета МГУ, работал в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Занимался проблемами синтаксиса разговорной речи. Руководил сектором современного русского языка, затем сектором культуры речи. В течение ряда лет был заместителем директора института по научной работе.

Быков Владимир Борисович за свою короткую жизнь (он скончался в 52 года) многое успел сделать. Окончив в 1974 г. истфил, работал учителем и директором восьмилетки в Демидовском районе. После службы в Советской армии он – ассистент на кафедре русского языка в нашем институте, направлен в аспирантуру при кафедре общего языкознания в МГПИ им. Ленина. Успешно защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом. Четыре года работал деканом родного факультета. Защитил докторскую диссертацию в 2001 г. По семейным обстоятельствам переехал в ГДР. Стал заведующим кафедрой славистики знаменитого Берлинского университета им. Гумбольдта. Вернувшись в 2003 г. в Россию, до конца своей жизни (2006 г.) трудился в Смоленском гуманитарном университете, заведовал кафедрой перевода и переводоведения, показал себя крупным специалистом в области изучения русских социолектов.

Среди ученых-выпускников историкофилологического факультета, можно назвать таких докторов наук, профессоров, как Козлов О.В., Щеров И. П., Одынец Л. И., Королева И. А., Зыбина Т. М., Горелик Л. Л., Максимчук Н. А., Васильков Л. Я., Ильюхов А. А. и других.

Большинство их работают в своем родном вузе, некоторые трудятся в качестве научных работников в других вузах страны. Многие истфиловцы стали видными писателями и поэтами.

Так, Журкович Николай Васильевич, окончивший факультет в 1955г., – прозаик, член Союза писателей России. Его очерки и рассказы печатались в журналах «Наш современник», «Нева», «Огонек», издавались в Болгарии, Бельгии, Англии и других странах. «Герои его произведений – писал смоленский поэт Ю. В. Пашков, – наши современники, люди, у которых за спиной фронтовые дороги, горькие, невосполнимые потери, тяготы жизни на разоренной войной земле» («Смоленская область. Энциклопедия». Т. 2. С. 595).

Ульяшов Павел Сергеевич, выпускник истфила 1969 г. – поэт, издатель, журналист, работавший в «Литературной газете», в журналах «В мире книг», «Наша жизнь», «Огонек». Он член Союза писателей РФ, издал несколько сборников своих стихов, написал монографию о жанре новеллы.

Мишин Алексей Викторович, окончивший институт в 1967 году, – заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, лауреат многих премий, наград, почетный гражданин города-героя Смоленска. Двадцать девять поэтических сборников издано им в Смоленске, Москве, Белоруссии, Польше. «В его стихах – писал известный историк-краевед И.Н.Беляев, – нашли достойное отражение сложности, противоречия послевоенной жизни в деревне, трудные, порой трагические судьбы людей, несравненная красота и прелесть родной природы, любовь к героической истории приднепровского края». («Подвижники земли смоленской». Смоленск, 2003. С. 297).

Писатель Сальковский Вилен Абрамович, автор известного романа «Смоленская дорога», опубликованного в журнале «Наш современник», а затем вышедшего отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». На VI съезде писателей РСФСР роман был назван в числе лучших. Сальковский В. А. – автор книг «Осень в Плетневе», «Русская трагедия», «Храм» и других. Он лауреат премии имени М. В. Исаковского.

Известным писателем стал Евгений Васильевич Максимов, окончивший факультет в 1968 году. Он автор 25 книг: «Запах Белозера», «Иван-чай», «Когда шумит рожь», «Хлеб», «Бабье лето» и других. Его произведения публиковали в Японии, Китае, Турции, Франции, Канаде, Испании, Германии, Швеции, Финляндии, Болгарии, Югославии и других странах мира. Он лауреат премии комсомола Смоленщины имени Ю. А. Гагарина, пять раз лауреат премии журнала «Советская женщина», член Союзов журналистов и писателей России.

Иванов Анатолий Антонович после окончания факультета в 1971г. работал учителем в Бурлыгинской школе Демидовского района, в городах Новодвинске Архангельской области, Костомукше республики Карелия. Семь лет был редактором книжного издательства в Архангельске. Он заслуженный работник культуры республики Карелия, член Союзов писателей и журналистов России, лауреат всероссийского конкурса «Педагогические инновации – 2002». Награжден золотой медалью «Вдохновение» за цикл песен для детей и юношества, автор четырех поэтических сборников и нескольких аудиоальбомов и компакт-дисков с песнями, вышедшими в Архангельске, Петрозаводске и Санкт-Петербурге. На Смоленщине в последние годы прошли семь его творческих вечеров.

Много профессий сменил Королев Александр Алексеевич, окончивший факультет в 1973 году. Командир и комиссар строительных отрядов пединститута, редактор институтской газеты «Народный учитель», директор Баклановской восьмилетки, замредактора газеты «Путь Ильича» в Демидовском районе, заведующий идеологическим, организационным отделами, секретарь и первый секретарь Демидовского райкома партии. В 1994-1998 годы – депутат Смоленской областной Думы первого созыва, в 1998-2002 годы – пресс-секретарь губернатора Александра Прохорова. После этой работы по настоящее время – главный редактор «Смоленской народной газеты». Стал мастерски писать афоризмы, которые постоянно печатаются в газете «Смоленские новости» и недавно были изданы отдельной книгой «Мой кайф – Россия». К тому же он поэт, автор двух

интересных поэтических сборников «Над бездной» и «Сорванным голосом». Недавно «Смоленская газета», поздравляя Александра Алексеевича с шестидесятилетием, обозревая его жизненный путь, писала, что он «...никогда не искал популярности. Просто честно делал любое дело, за которое брался, за что его и уважали» («Смоленская газета» от 15 июля 2010 г.). Таким образом, выпускников историко-филологического факультета с полным правом можно было назвать универсальными специалистами. Они становились учителями, организаторами народного просвещения, преподавателями вузов, писателями, поэтами, журналистами, лидерами государственных, общественных и даже хозяйственных организаций.

Сергеев Аркадий Георгиевич 4 года был студентом нашего факультета. Уже тогда он проявил себя как будущий поэт и прозаик. В 90-е годы XX столетия у него вышли из печати сборники рассказов «Свиристель и калина», «Храп за совиным буреломом», повесть «Три тысячи дней по России», поэтические сборники «Хрупкая ольха», «Ода травам», «Я слышу вьюги песни» и другие. В октябре 1991 г. он был принят в члены Союза писателей СССР.

Стеклова (Монахова) Любовь Тимофеевна окончила историко-филологический факультет в 1963 году, несколько лет работала в школе, более сорока лет преподает в нашем вузе. Она кандидат философских наук, доцент. Начиная со школьных лет, пишет стихи, которые публиковались в разных сборниках, а в 2005 году сама опубликовала сборник стихов «Осенние костры», включающий около 130 стихотворений, очень благожелательно встреченных читателями. В смоленской газете «Сельская жизнь» в ноябре 2006 года Е. Иванов опубликовал рецензию «Ее стихи струятся светом», где пишет, что после прочтения этого сборника у него «на душе стало светлее и радостнее», что «у Любви Стекловой чувствуется отзывчивая душа, которая не знает безразличия», что «философское осмысление действительности переживаемого является характерной особенностью поэзии Любви Стекловой. При этом мудрость не снижает поэтичности образов, не утяжеляет язык, не носит докучливой назидательности. Ко всему этому, – добавляет автор, – более пятнадцати ее стихотворений смоленскими композиторами положены на музыку и звучат как в областном центре, так и в отдаленных селениях Смоленщины».

Поэтами стали окончившие факультет Агеев А.А., Гапеев Д. А., Воробьев И. Н., Королев А. А., Максименков А. Я., Павлов А. М., Лавренова (Ермакова) Н. В., Рабинович М. И. и другие.

Очень многие выпускники нашли свое призвание в журналистике. Усов Владимир Васильевич свой трудовой путь начал в колхозе, затем он токарь на заводе, автомеханик в Советской армии. Работал на смоленских авторемонтном и авиационном заводах. Вскоре после окончания института в 1965 г. стал заместителем редактора, а потом редактором Хиславичской районной газеты. А с 1972 года в областной газете «Рабочий путь» сначала возглавлял отдел, был заместителем главного редактора, а в 1985–1991 гг. главным редактором этой газеты. Журналистика – не единственная профессия В. В. Усова. Он – известный писатель, краевед. В 1986 г. в Москве вышли две его книги: «Живи для людей», «Солдатская память», а затем в 1989 г. опубликовал в столице еще две книги: «Конец, Сгинь Барона» и «За каждый клочок земли» (в двух частях, в соавторстве). Им написаны десятки очерков, напечатанных во многих сборниках, в местных и центральных журналах о наших славных земляках. Его книги и очерки стали хорошим пособием по истории Смоленщины в годы Великой Отечественной войны. Королев В. В. – лауреат ряда ведомственных конкурсов, обладатель многих наград, среди которых золотая медаль выставки «Пресса-2000 ВВЦ РФ» за победу в конкурсе лучших очеркистов страны. В 2007 г. удостоен патриаршей грамоты от Алексея II «За усердные труды во славу Русской Православной Церкви», в 2008 г. отмечен высшей наградой Союза журналистов РФ – почетным знаком «Честь. Достоинство. Профессионализм».

Сергей Витальевич Новиков до прихода в журналистику тоже имел уже немалый жизненный опыт. После окончания 22-й средней школы Смоленска работал фрезеровщиком на заводе «Измеритель». По окончании Смоленского педагогического института преподавал историю в средней школе города Починка, служил в Советской ар-

мии, работал инструктором обкома ВЛКСМ. Затем более 10 лет он был корреспондентом, редактором, ведущим популярной радиопрограммы «Диалог» областного комитета по телевидению и радиовещанию. Трижды в 1986–1987–1988 гг. признавался победителем областного конкурса на лучшую журналистскую работу года.

Член Союза журналистов России с 1981 г. Сергей Новиков – один из первых на Смоленщине зачинателей демократической печати, независимой от государственных структур, политических партий и общественных движений, терпимой к разным точкам зрения. Он основатель и с января 1991 г. главный редактор популярной газеты «Смоленские новости», издающиеся уже 20 лет, занявшей свое неповторимое место в общественной жизни Смоленщины. Награжден дипломом Союза журналистов России «За большой вклад в развитие средств массовой информации» (1998 г.), памятным знаком Союза журналистов России «Триста лет российской прессы. За заслуги перед отечественной журналистикой» (2003 г.), высшей наградой Союза журналистов России – «Честь. Достоинство. Профессионализм» (2000 г.). Сергей Викторович удостоен звания «Заслуженный журналист Смоленской области». В 2010 году ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ».

Рыжиков Анатолий Тимофеевич хорошо известен смолянам как публицист, краевед, исследователь, редактор. Его очерки и статьи отличались высокой гражданственностью, профессиональным мастерством, эмоциональностью. После окончания в 1955 г. историко-филологического факультета он четыре года работал в редакции газеты «Комсомолец Таджикистана». Вернувшись в Смоленск, работал ответственным секретарем газеты «Смена», затем заместителем ответственного секретаря и заведующим отделом газеты «Рабочий путь», и четверть века трудился ответственным секретарем журнала «Политическая информация», переименованного в октябре 1990 г. в «Край Смоленский». При участии Рыжикова А.Т. создан музей песни «Катюша» в поселке Восток Угранского района, установлена мемориальная доска на доме в Смоленске, где жил в 1938–1939 гг. Г.К. Жуков. Рыжиков А.Т. – автор более 100 очерков и корреспонденций по краеведческой тематике.

Стерхова Людмила Петровна, окончившая факультет в 1974 г., почти 10 лет редактировала руднянскую газету. Почти два десятилетия она редактор научно-популярного и литературно-художественного журнала «Край Смоленский», который в 1999 году стал дипломантом Всероссийского конкурса «Сделано в России». Стерхова параллельно работает ведущей ряда программ на смоленском телевидении. Конкурсная комиссия Всероссийского фестиваля «АгроСМИ-2009» в числе лауреатов и призеров назвала «ГТРК-Смоленск» за программу «Родная земля», ведущая которой Л. П. Стерхова была удостоена диплома II степени.

Вместе с тем, ради справедливости, следует отметить, что и до образования историко-филологического факультета немало известных людей дали стране факультеты исторический и русского языка и литературы. Это академик Н. Б. Храпченко – председатель Комитета по делам искусств при Совете министров СССР и Президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы; академик И. Ф. Протченко – ученый секретарь АПН СССР; А.В. Македонов – критик, историк литературы; А.Т. Твардовский – выдающийся поэт XX века, пятикратный лауреат Государственных премий; Н.И. Рыленков – поэт, прозаик, переводчик, один из основателей смоленской поэтической школы; Ф.Х. Власов – ответственный редактор московского журнала «Молодая гвардия»; Ф.И. Царев – ответственный редактор журнала «Советский воин»; директор издательства «Просвещение» – И.М. Терехов и другие.

Историко-филологический факультет не только унаследовал эту традицию подготовки учителей высокой квалификации, видных ученых, деятелей культуры, общественнополитической жизни, но и приумножил ее. Когда я стал вспоминать о жизненном пути таких питомцев факультета, то сам поразился их огромному количеству. А ведь я назвал только небольшую часть особенно отличившихся выпускников. Пусть простят меня те, которых я не упомянул, хотя они этого заслуживают. Мне уже 90 лет, память не все сохранила, а по архивам восстанавливать прошлое становится все труднее...

Александр ТВАРДОВСКИЙ (1910 – 1971)

Выдающийся русский советский поэт, лауреат пяти Государственных премий СССР.

Лирический эпос Твардовского обогатил традиции русской классической поэзии.

В 1932-1936 гг. учился в Смоленском педагогическом институте. С 1936 года – в Институте философии и литературы (Москва).

Смоленщина

Жизнью ни голодною, ни сытой,
Как другие многие края,
Чем еще была ты знаменита,
Старая Смоленщина моя?

Бросовыми землями пустыми,
Непроезжей каторгой дорог,
Хуторской столыпинской пустыней,
Межами и вдоль, и поперек...

Помню, в детстве, некий дядя Тихон, –
Хмурый, враспояску, босиком, –
Говорил, с безжалостностью тихой:
– Запустить бы все... под лес... кругом...

Да, земля была, как говорят,
Что посеешь – не вернешь назад...

И лежали мхи непроходимые,
Золотые залежи тая,
Черт тебя возьми, моя родимая,
Старая Смоленщина моя!..

Край мой деревянный, шитый лыком,
Ты дивисься на свои дела.
Слава революции великой
Стороной тебя не обошла.

Деревушки бывшие и села,
Хуторские бывшие края
Славны жизнью сытой и веселой, –
Новая Смоленщина моя.

Хлеб прекрасный на земле родится.
На поля твои издалека –
С юга к северу идет пшеница,
Приучает к булке мужика.

Расстоянья сделались короче,
Стали ближе дальние места.
Грузовик из Рибшева грохочет
По настилу нового моста.

Еду незабытыми местами,
Новые поселки вижу я.
Знаешь ли сама, какой ты стала,
Родина смоленская моя?

Глубоко вдыхаю запах дыма я.
Сколько лет прошло? Немало лет...

Здравствуй, сторона моя родимая!..
Дядя Тихон, жив ты или нет?!

Николай РЫЛЕНКОВ (1909 – 1969)

Известный русский советский поэт. Закончил Смоленский педагогический институт в 1933 году. В основе творчества – стихи о Родине, русской природе.

Наряду с М.И. Исаковским и А.Т. Твардовским считается основоположником смоленской поэтической школы

Ходит по полю девчонка

Вешним солнцем окроплен,
Прорастает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Та девчонка – егза,
Золоченые глаза,

Про которую над речкой
С ветром шепчется лоза.

Я поклон от них принес
Дружной паре русских кос
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорее пророс.

Синим утром удивлен,
Зацветает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ходит вдоль и поперек,
До заката путь далек,
Заглянуть в глаза девчонке
Хочет каждый стебелек.

На виду окрестных сел
Я в одну все тропки свел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорее зацвел.

Ярым солнцем опален,
Поспевает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ветер, что ли, виноват,
Что девичьим думам в лад
Золоченые головки,
Как бубенчики, звенят?

Кое-что сказать успел
Я девчонке между дел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорее поспел.

Льются, льются голоса –
Лен на славу удался, –
Волокнистый, шелковистый,
Словно девичья краса.

Слышишь полных чарок звон?
Пей до дна за долгий лен,
За девчонку-сговоренку,
Ту, в чьи косы я влюблен.

Алексей МИШИН (1936 – 2009)

Мишин Алексей Викторович, окончивший институт в 1967 году, – заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, лауреат многих премий, наград.

Почетный гражданин города-героя Смоленска. Двадцать девять поэтических сборников издано им в Смоленске, Москве, Белоруссии, Польше.

Верните мне время былое,
Не надо мне ваших утех.
Там все до былинки родное, –
И голод, и холод, и грех...

Там рощи и хлебные дали,
И я среди песен и бед
По диким степям Забайкалья
Иду за Руслановой вслед.

Встает хуторок за рекою,
Рябины в сиянье огня.
И мама усталой рукою
По чубчику гладит меня.

Машу улетающей стае,
Мой путь не широк, но открыт.
И там фитилек не сгорает,
Ночную надеждой горит...

Но кладает время клыками,
Застрял мой покой у межи...
Зачем вы ко мне с кулаками
В усадьбу крестьянской души?

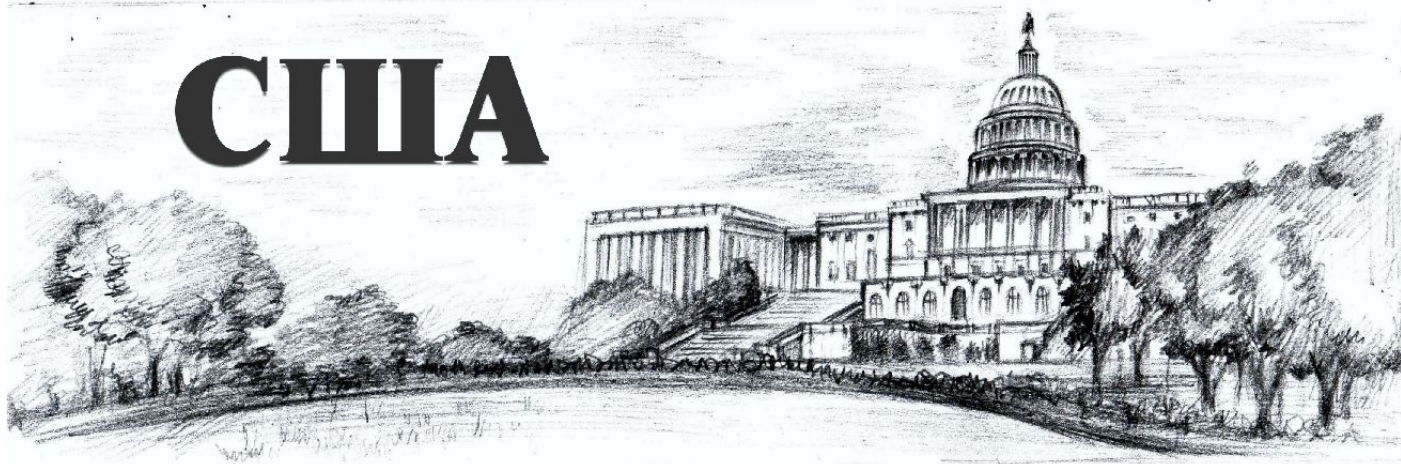
Зачем напридумали целей,
Курки олигархов взвели.
Налогами сядят на мели
И гонят, как стадо в пыли...

Верните мне время былое,
Устал я от нынешних дней,
В них нет ни надежд, ни покоя,
Беспутное в людях видней...

Оставьте мне даль зоревую,
Светящийся росами луг,
Могилушку мамы святую,
Широкое поле да плуг.

Еще бы желал я по праву –
Я тоже с рожденья народ –
Не лезьте с постылым уставом
В наш дальний, послушный приход.

США

Марат Баскин

Родился в 1946 году в поселке Краснополье (Беларусь). С 1992 живет в Нью-Йорке. По первой профессии инженер. Пишет повести и рассказы о Краснополье и краснопольцах. Публиковался в журналах «Неман», «Крещатик», «Мишпоха», «Этажи», «Особняк», «Юность», «Новый Свет», «Литературный Иерусалим», в русскоязычных еженедельниках США, Израиля, Беларуси.

Свежий хлеб

В Китае хлеб не пекут. Там готовят рис. Но Ли Фу, как это ни удивительно, был пекарем. Выучился он этому мастерству на нашем Дальнем Востоке. С его появлением в пекарне, сначала по выходным, а потом каждый день, стали печь пахучий, поджаристый белый каравай, который все в Краснополье, называли китайским хлебом, хотя к Китаю он никакого отношения не имел. Когда меня посылали за этим хлебом в магазин, я никогда не приносил домой буханку целой. Я не мог устоять перед ее дурманящим запахом и отламывал кусочек за кусочком, испытывал непередаваемое ощущение вкусоности. Вкуснее этого хлеба я не знал ничего на свете.

Ли Фу в Краснополье привезла Рахиль. Привезла из Биробиджана, куда почему-то прямо из эвакуации поехала их семья. Пожили они там года четыре, а потом им там разонравилось и они вернулись в Краснополье. Приехали они все: и дед Моня, и баба Ента, и сам хозяин Мойша-Аншел, и его жена Шиме-Перл и пять дочек: Рива, Злата, Соня, Доба и Рахиль. Отличить из них, кто старшая, а кто младшая, было невозможно, потому что они появлялись на свет подряд, и разница в каких-то пару лет не влияла на их внешний вид. Всем им давно пора было под хупу, но с мужем приехала только Рахиль. Этим мужем и был китаец Ли Фу. Рахиль называла его Лейзером и всем говорила, что он китайский еврей. Может, оно так и было, если вообще существуют китайские евреи, и в подтверждение его еврейства следовало признать, что он был мастером печь мацу и готовить тейглах. Без его тейглах не обходилась ни одна еврейская свадьба в Краснополье. Да и белорусская тоже, ибо тейглах любили все. Поселились они отдельно от мишпохи, купив старый, полуразвалившийся дом у Малки, которая уехала в Славгород к сыну. Дом они никогда не ремонтировали, и он оставался вечно развалюхой. Когда у дяди Лейзера спрашивали, почему он не займется домом, он говорил одно слово:

– Засудят! – И добавлял совсем по-еврейски: – А кому это надо?

Может, он был и прав, в те годы засуживали неизвестно за что и почему, и спокойнее было жить в развалюхе. Когда заготовитель Янкель построил дом чуть-чуть лучше, чем у других, в райзаготконтору зачастили ревизоры и, в конце концов, Янкеля засудили на пять лет с конфискацией имущества и забрали дом для сельхозлаборатории.

Кроме китаец Лейзера, Рахиль удивила Краснополье и близняшками: двумя девочками – Миррой и Голдой. До этого в Краснополье близняшек не было, и все дивились ими не меньше, чем китаец. Они были одинаковые, похожи одна на другую, как две капли воды, и отличить их друг от друга было невозможно. Обе были в отца: узкоглазые, широкоскулые, худенькие – настоящие китайки, и только рыжие вьющиеся волосы говорили об их еврействе. Все

дети звали их китайками, и они охотно откликались на это. Так звал их и родной их брат Шмулик, который был старше их на год. Шмулик был похож на своего деда Моню, и ничего китайского в его внешности не было. Он был моим однокласском, и я с ним дружил. И, конечно, китайки были тоже моими друзьями, потому что от Шмулика они не отходили ни на минуту.

Жили они на нашей улице, и утром едва проснувшись, перехватыв что-то на ходу, я бежал к ним.

– Немке, вос ду ловст! Слофун дайрэ хавейрым! Немке, куда ты бежишь! Спят твои друзья! – говорила бабушка, но я отмахивался от ее слов, и бежал.

Я спешил к приходу дяди Лейзера. Пекарня работала по ночам, и дядя Лейзер возвращался домой к часам девяти утра. И приносил две горячие буханки китайского хлеба. К этому времени все дети сидели за столом, и тетя Рахиль, взяв у Лейзера хлеб, отрезала большие куски пышущего жаром хлеба, мазала их холодной сметаной, чтобы мы не обожглись, посыпала сверху солью и давала нам. Китайки ели хлеб медленно, откусывая по маленькому кусочку, долго жевали его и аппетитно приговаривали после каждого откусывания:

– Ох, как вкусно! Прелесть! Обьединение!

А мы со Шмуликом съедали наши куски мгновенно и потом с завистью в глазах смотрели на жующих китаек. Почему-то новых кусков мы никогда не просили, хотя на столе оставался лежать хлеб, и стояла кастрюлька со сметаной. Надо сказать, что сестренки часто не выдерживали нашего взгляда и делились с нами, ополовинив от своего хлеба довольно большие куски. Со мною всегда делилась Мирра, а со Шмуликом Голда. Я долго не мог отличить их одну от другой и спрашивал Шмулька, а тот говорил, что не знает и сам. А потом мне Мирра под большим секретом сказала:

– Я верхнюю пуговицу на платьице не застегиваю, а у Голды застегнуты все.

Она меня любила. Это мне сказал Шмулик. А я любил их всех. И готов был пропадать в их доме весь день. Бабушка ругала меня за это, и особенно за утренние набеги.

– Как будто у нас нет своего хлеба? – говорила она. – Две буханки лежат, сохнут! Бери и ешь, сколько хочешь?! Так ему чужой хлеб вкуснее! Как слэпер! Как нищий!

– Не слэпер! – не соглашался я с бабушкиными словами. – Я же халы им твои ношу? Ношу! Поэтому могу кушать их хлеб!

Бабушка не понимала, что наш хлеб был совершенно иной. Он был из магазина. И пока за ним приезжал райпотребсоюзковский возчик

дядя Хаим, пока его везли на телеге через все Краснополье, пока разгружали в магазине, он терял хлебный дух, как говорил Шмулик... А дядя Лейзер брал хлеб прямо с печи, пышущий жаром, с поджаренной коркой. Он заворачивал его в старый шмулькин свитер, потом для верности, чтоб не вышел дух, обворачивал старой газетой и упаковывал в кошелку, прикрыв сверху шерстяным платком, и хлеб оставался свежим и горячим, как будто только что вынутым из печи. Ну, разве можно было сравнить этот хлеб с хлебом из магазина?! Он был такой же вкусный, как пятничная бабушкина хала! Готовила бабушка халы в четверг вечером и на ночь ставила их в печь. Перед тем как поставить их туда, она мазала дно противня маслом, это делал я, потом она мазала сверху халы яичным желтком и медом. Вынимала противни с халами из печи бабушка утром. И с первыми халами я бежал к Шмулику. И мы со Шмуликом управлялись и с халой, и с хлебом. А китайки ели только халу. С молоком. Как всегда, отламывали маленькие кусочки и приговаривали:

– Ох, как вкусно! Бабушка твоя бэрья! Бабушка твоя умелица! Спасибо твоей бабушке! Ой, как сладко! Медом пахнет!

И говорили, что хала вкуснее хлеба. А нам и хала, и хлеб были вкусными одинаково.

Пиршества эти продолжались долго-долго. Я думал, что будут они всегда. Но однажды они прекратились.

В то утро я, как обычно, помчался к друзьям. Вбежал, как всегда запыхавшись, на кухню и замер. Шмулик и китайки сидели за пустым столом, и у всех был какой-то растерянный вид. И они смотрели в сторону зала. Я тоже посмотрел туда. И увидел в зале милиционеров и Лейзеровых соседей Пивонковых. Милиционеров было трое. Двое незнакомых и наш участковый Ванька, сын нашей соседки тети Любы. Тетя Рахили стояла перед ними, опустив голову и молча, перебирала что-то на столе. Я сел возле Шмулика и тихо спросил:

– Что случилось?

– Облава сегодня была в пекарне, – тихо сказал Шмулик. – Милиция ловила тех, кто выносит хлеб. Папку забрали.

– И что? – растерянно спросил я.

– У нас сейчас обыск делают, – зашептала то ли Мирра, то ли Голда.

В это утро у обоих были расстегнуты верхние пуговички. И я не знал кто из них кто. Да и не до этого мне было в эту минуту. Я не знал, что мне делать: уходить или оставаться. Я уже было решился уходить, но в это время на кухню зашел милиционер...

– О, новый гость! – сказал он и, вопросительно посмотрев на меня, спросил: – Ты здесь часто бываешь?

– Да, – неестественно тихо сказал я.

– Ты, наверное, видел, как гражданин Ли Фу приносил из пекарни хлеб? – Он остановился напротив меня и впился в меня маленькими настороженными глазами.

Мне стало страшно. Дрожь пробежала по моему телу, как будто я дотронулся до электрического провода.

Я всегда говорил правду. Я даже не понимал, что такое ложь. Меня учили говорить правду бабушка, дедушка, папа, мама. Но в эту минуту я вдруг, каким-то непонятным мне чувством, понял, что нельзя говорить правду. Я посмотрел на замершие лица Шмулика и китаец, сжал пальцы в кулаки, что бы унять дрожь и буквально выкрикнул:

– Нет!

– А чего ты кричишь? – спросил милиционер.

Я не знал, что мне ответить. Меня трясло. И от того, что я сказал неправду, и от того, что правду нельзя говорить. Не знаю, что бы со мной произошло через минуту, может быть, я бы расплакался и все рассказал, но в это время на кухню заглянул Ванька. Он спас меня от предательства.

– Я его знаю, – сказал он милиционеру и, успокаивающе посмотрел на меня, – это мой сосед! Он всегда говорит правду! А кричит он, потому что испугался!

– Да, я ис-пу-гал-ся! – сказал я, заикаясь и, пока Ванька не ушел из кухни, стал просится отпустить меня домой.

– Беги, – сказал милиционер и нравоучительно добавил, – а милицию бояться не надо! Не будешь больше бояться?

– Не буду! – выдавил я из себя и, не помню как, выскочил из дома и, ни на кого не глядя, побежал домой.

Когда бабушка увидела меня, она всплеснула руками и испуганно закричала:

– А клог цу мир! На тебе лица нет? Что случилось?

Я подбежал к ней, прижался к ее фартуку и слезы ручьем потекли из моих глаз. И я, глотая их, стал кричать:

– Я – соврал! Я – соврал! Я – соврал!

Бабушка гладила меня по голове и молчала. Я не знаю, сколько прошло времени, пока я, наконец, смог рассказать все бабушке. Она, молча, выслушала меня, а потом сказала:

– Говорить правду – это хорошо. Но в жизни правда не всегда приносит добро! А добро в жизни главное правды, зуналэ! – а потом она сказала: – А сын тети Любы, а гутер мэн! А сын тети Любы хороший человек!

– Да, – сказал я.

А потом она сказала:

– Можешь оторвать подсолнух. Хотя и рано еще их рвать, но я разрешаю.

Семечки я любил, но кушать их мне сегодня не хотелось. И я не пошел в огород отрывать подсолнух. Я вышел на улицу и сел на скамейку возле дома. Я сидел и думал про Шмулика и китаец. Я так задумался, что не заметил, как ко мне подошел Эдик, сын тети Перлы с нашей улицы. За то, что не заметил, я получил, щелкан в лоб.

– Немка, – сказал он, – а я придумал, как буду завтра дразнить Шмулика.

– Как? – спросил я.

– Шмулик-срулик,

Главный вор,

Из пекарни булку

Спер! – пропел Эдик и гордо добавил: – Сам придумал!

– Не воровал он хлеб, – сказал я.

– Воровал, воровал, – сказал Эдик. – Лейзера в милицию забрали! Я сам слышал, как тетя Дуся моей маме говорила. А тетя Дуся уборщицей в милиции работает! Она все знает.

– Дядя Лейзер не вор! – сказал я.

– Вор, вор! – закричал Эдик. – И я знаю, почему ты их защищаешь!

– Почему? – спросил я.

– Потому что:

Тили-тили, тесто,

Немка и китайки –

Жених и невеста!

Я вскочил со скамейки. И он дал мне второй щелкан. Тогда я изловчился и дал ему морской щелкан, который научил меня делать папин брат дядя Мсер. Двумя пальцами с прищепкой. В два раза более болючий, чем простой щелкан. Эдик закричал, как Чапав на белых, и кинулся на меня. Я тоже замахал руками, как индеец перед боем. И нам было не миновать кровопролитной схватки, но тут меня позвали в дом. И я удалился с поля боя, под боевой крик врага.

Я не заснул в эту ночь. И еще много ночей не спал. Я боялся, что узнают, что я соврал. Каждый день я ждал, что за мною придут из милиции. Ждал ночью и днем. Но не пришли. И дядю Лейзера не арестовали. Судили многих, а дядю Лейзера только оштрафовали и уволили из пекарни. Папа сказал, что его, наверное, не тронули, потому что он китаец. Так как в это время в Москву приехал Мао Цзэдун, и во всех газетах писали, что Сталин и Мао – братья навек. И местное начальство не захотело портить великую картину дружбы народов. А мне хотелось думать, что дядю Лейзера отпустили из-за меня. И Мирра мне это сказала. Под большим секретом.

Дядя Лейзер устроился слесарем на льнозавод. И даже потом попал на Доску Почета.

Пекарня перестала печь китайский хлеб. И стала, как прежде, печь кирпичики: черные, серые и белые. Тоже вкусные, но не такие, как хлеб дяди Лейзера.

А бабушкины слова я запомнил на всю жизнь. И когда мне нужно выбирать между правдой и добротой, я всегда выбираю доброту. И не люблю правдолюбцев, размахивающих правдой, как мечом.

Акс Ирина
США

ПЕСЕНКА ЭЛЛИ

Вокруг – Волшебная Страна чудес – хоть прячь их про запас, всегда – весна! Лишь я одна хочу домой, в родной Канзас, туда, где степь да степь кругом, откуда путь далек лежит... Все дело в том, что там – мой дом, а здесь – мечты и миражи.

И я вернусь домой, вернусь! Ведь я хочу домой, хочу! Там жизнь скучнее... ну и пусть! Не пожалею! нет! ничуть!

А после – прилечу опять сюда, где сказки – наяву, к друзьям (они ведь будут ждать!) – к Страшиле, Дровосеку, Льву, чтоб снова все – как в первый раз, чтоб до чудес – подать рукой! ...дождись меня, родной Канзас, мой куст ракиты над рекой...

Мельник Александр
Бельгия

ГРАНЬ

Не всё безмятежно нежить покой порога, настала пора поставить свою пятую на тонкую грань и смело направить ноги туда, где не жить поэту неведомо – в немыслимый дома водоворот событий, в обитель сладчайших голубоглазых дев туда, где любовной лодке не биться с бытом, где с лодочником общаются нараспев

Я в дивном краю воздвигну свои хоромы и стану для местных гурий почти как бог, но жизнь пролетит, и я вдалеке от дома всё чаще начну писать про родной порог.

Сквозь линии строк подспудно проступит тяг к незримой черте, оставленной за спиной, она оживёт на чистом листе бумаги, достигнет меня, удавит и станет мной.

Я буду смотреть в окно неподвижным взглядом на калейдоскоп меняющихся огней, а видеть для всех невидимую преграду – ту самую грань, и юность мою за ней. Хоромы сгорят, химеры исчезнут в дыме, колдуньи мои к чертям улетят во тьму, и станут стихи печальными и простыми, как совесть, которой вычурность ни к чему.

Штивельман Вита
Канада

ЭМИГРАНТСКОЕ

...нет, не знаю я, что хуже, нет, не знаю я, что лучше.

Пробираясь через стужу, продираясь сквозь колючий белый сумрак, скользкий, мглистый, я протягивала руку.

Всхлипывал замок английский, тапочкам татарским вторя, шарканью побитых лестниц.

Хвойный лес со мною спорил.

Я оплачивала место в каждом транспорте наземном, и в надземном, и в надводном аккуратно. И с везеньем мне везет бесповоротно.

Но когда – глаза раскосы – вдаль поет безумный Сирина, в сон врываюся без спросу осени моей осины.

Этельзон Михаил
США

НЕ СУДЬБА

Вот такая нелепость – чушь, не судьба его – несудьба... И Америка ведь – не глушь, не Урюпинск же – в этом разница.

Увозили на всех парах от сумы и тюрьмы, и прочего... А теперь... на коленях прах – разве думалось, разве прочили...

Понимаю, могли и там – на войне, во дворе, в милиции... Увозили... и вот плита, над которой теперь молиться им.

Да, конечно, могли везде – тут ли родина, там ли мачеха... Но убили... убили... Здесь – сына, мальчика...

Машинская Ирина
США

СПАЛЬНЫЙ ВАГОН

Перелески в окне – как реклама на длинном плакате: разбираешь под утро, а сложишь уже на закате то, что может сойти и за смысл, если круглые даты, а замедлится если – то ели стоят, как солдаты.

До того, как войдет проводник с неизбежным вопросом, ты умылся и едешь под голубым купоросом.

Только утром, пожалуй, и смотришь с таким интересом, словно тут ты живешь, за каким – все не выберешь, лесом.

Но полуденный мир поражает подобьем устройства. Пересхав, ты только удвоишь размеры изгойства. Разве ноги размять или яблок купить, а отстанешь – только бабки останутся, сам же козленочком станешь.

Примеряйся хоть сколько к чужому вприглядку, вприкуску – не ухватишь всего на ужимку, утряску, утруску: то луга, то стога, то снопы кувырком, как попало, и лесок на стекле, и закатом горит одеяло.

Как печально чайнок вращенье в стакане граненом, в этом свете – с востока зеленом, а справа каленом, отставая повсюду, как есть расставаться готовясь – не сегодня, так завтра – какая им разница, то есть.

Липес Илья
Канада

Когда меня вберет в себя толпа И вывозит и вывезет со звоном, Я стану идеальнейшим шаблоном, Чтоб всё по меркам, складно, не сглупа. Я буду попивать клубничный чай, Решать кроссворды не без интереса И шупать ребра: все ли живы бесы. – Так, между делом, словно невзначай

Долинов Александр США

ЮНОЙ ДЕВЫ ОТКРОВЕНИЯ

В Америку приехала недавно я,
Не понимала местного уклада.
Что здесь второстепенное, что главное,
Что надо делать тут, а что не надо.
Не знала я, поэтому приятели,
Друзья, родные и едва знакомые
Охотно на меня досуг свой тратили,
Чтоб познакомить с местными законами.
Сказали мне: Америка прекрасна,
Свободная и дивная страна,
Но здесь становится небезопасно,
Когда гуляешь вечером одна.
А ежели в метро придётся ехать,
Которое по местному «Сабвей»,
Тогда уж точно будет не до смеха,
Тут страху понатерпишься – ой вэй.
Тут может предложить тебе прохожий
Твой капитал куда-нибудь привлечь,
Возможно, что он будет чернокожий,
И тут уже ему ты не перечь.
И вот, послушав все эти советы,
Я поняла – не так уж всё хитро,
И как-то раз с моей подружкой Светой
Мы едем поздно вечером в метро.
Сидим мы с ней вдвоём в пустом вагоне,
Я чуть дремлю, но не смежаю век.
И вдруг, такая вот судьбы ирония,
В вагон заходит чёрный человек.
Он двигается в нашем направлении
И как-то странно на меня глядит.
Тут понимаю я в одно мгновение,
Что это преопаснейший бандит.
Я судорожно щупаю в кармане
И вижу, что там нету ничего.
И вдруг кричу: «Excuse me, sir, no money!»
И жалобно взираю на него.
И, мобилизовав свои таланты,
Ему я, чуть не плача, говорю:
«Мы бедные, мы – рашэн эмигранты», –
И на него доверчиво смотрю.
А он глядит на нас, не понимая,
И песенку под нос себе поёт,
И доллар из кармана вынимает,
И нам его с улыбкой подаёт.

№ 4 / 2020 г.

Зиновий КОРОВИН

В ЛЕСУ

Моей жене

Недвижен лес, не слышим лес,
– что осень, что весна...
Вверху – голубизна небес,
небес голубизна.
Внизу – чуть видная тропа,
а вдоль тропы – грибы,
тут есть грибная шантрапа
и есть свои «дубы».
Еловых шишек чешуя,
берёз сиропный сок,
сосновых игл острия
и строй пчелиных сот
в дуплах осин... Над всем дубы,
всех пережив, царят;
лесные баловни судьбы
нам жёлуди дарят.
Нам жёлудей не подбирать
ни свежих, ни старья,
пусть их поест лесная рать
различного зверья.
Косит по ходу в чашу взгляд,
туземцев опознав:
мелькнёт зайчишки белый зад,
оленья желтизна...
Тропа идёт то вверх, то вниз –
совсем как наша жизнь,
и путь, как жизнь, каменист,
поэтому – держись!
Но нет гудков автомашин,
не слепнешь от реклам,
здесь нет работы за гроши,
а деньги – лишний хлам.
Здесь нет дверей, чтоб на засов
закрыться от зверей,
нет нас, торопящих часов
и глаз календарей...
Наш лес немного с раем схож –
запрудой току лет.
И тем, что есть в нём, он хорош, и тем,
чего в нём нет.
И потому под выходной
мы ищем щель, чтоб влезть
в наш близлежащий рай земной,
наш близстоящий лес.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

*«Несказанное. синее, нежное...»
Сергей Есенин*

Мне привиделось милое, прежнее –
Приоткрыли чуть-чуть облака
Несказанное, синее, нежное...
Ах, Россия! Ты так далека!
Позабыты толпа безответная,
Господа и рабы, и вожди.
Только синь не забылась приветная,
И снега, и грибные дожди.
Не забыты хмельные отдушины
И непьющих задумчивый круг,
И стихов золотые жемчужины,
И улыбки немногих подруг.
Не забылись ни небо высокое,
Ни морской неумолчный прибой...
Ой, ты юность моя синеокая,
Как же трепетна встреча с тобой!

Надежда МАРХАСЕВА

МОЛИТВА

Спасибо, Господи, что здесь я до сих пор,
Ещё люблю, ещё чего-то стою...
В узорах облаков сияющий шатёр,
Я жадно ветер пью, и в рокоте прибойа
Ещё надежда, а не приговор!
В неумолимом ритме волн,
ветрам послушном,
Звучит на языке, понятном мне:
Ещё вещей порядок не нарушен,
Ещё растут деревья на земле,
И в свой черёд весну сменяет лето,
И божий мир обласкан солнца светом...
Прости мне, Господи, вину и заблужденья,
Неточность слов и чувства перехлёст,
Прости за то, что в суетном круженье
Не помнила своё предназначенье,
И ветер случая меня по жизни нёс,
Не осуди за тёмных чувств накал,
За фальшь, когда молилась и грешила...
Хоть я пила отравленный бокал,
Другому я его не подносила.
Не дай, Господь, во лжи повинной быть,
Иль стать причиной злого наговора,
Не доведи увидеть, как бежит
По следу друга псов хрипящих свора,
Не разлучи, с кем вместе я в пути,
Как больно, если эти узы рвутся...
И раньше всех мне хочется уйти,
А те, кого люблю, пусть останутся!

Лариса МИХАЙЛОВА

FALL IN LOVE

Упасть в любовь...
Прекрасней не сказать!
В ней раствориться,
умереть, воскреснуть,
Тебе себя до капельки отдать,
Твоей любви испить нектар небесный...
Одно у нас дыхание, тело, кровь –
Пусть ненадолго –
как решит Всевышний.
В который раз мы падаем в любовь...
Но мне на этот раз уже не выжить!

УТЕШЕНИЕ...

Жаждались Вы весны?
Я ступала меж лужами
В предвесеннем лесочке
с остатками белыми,
Где листвы прошлогодней
продрогшее кружево
Пробивает трава изумрудными
стрелами.
Там речушки звенят,
снег почти что растаял,
Кое-где только льдинки
на солнце мерцают.
Да в пещерах, в корнях
под деревьями старыми
Пару холмиков снежных
зима охраняет...
Воздух чист, словно в день
сотворения мира,
И уже возвращаются певчие птицы.
Все в порядке. Весна ни о чем не забыла.
Очень скоро она
в Вашу дверь постучится.

Вадим ШТУРМАН**НАДЕЖДЫ**

Сердца вверяем мы Надежде,
Светильник Веры не погас.
Но в возрасте любовом, как прежде,
Надежды обольщают нас.

Нельзя довериться невежде,
Болтун вас выдаст, трус предаст.
Уж биты мы не раз, как прежде –
Надежды убеждают нас.

Любовью робкой, дружбой нежной
Летим, летим любить, светясь!
Нам изменяют не надежды,
Надежды отрезвляют нас.

Не пей вина, не знаешь ежли
В застолье меры – пьют же квас!
Но как не пить, когда надежды,
Надежды искушают нас.

Ох, юность, конь твой не объезжен...
Ах, старость – дряхлый тарантас...
Мы едем с ярмарки, как прежде,
Надежды утешают нас.

Сам Бог внушает нам надежды,
Чтобы во благе и в пыли
Не забывали безмятежно,
Зачем мы душу обрели.

Уж мы давно не на манеже,
Но верим до затмения глаз:
Пусть мир изменит нам – как прежде,
Не предадут надежды нас!

Евгений МИНИН**АХ, КАРТОШКА,
ВСЕХ ПОЭТОВ ИДЕАЛ...**

*«Но я картошкин помню пыл.
Хочу картошкой быть».*
Виталий Пуханов

Жить не хочу среди вещей,
Работать, есть да пить.
Мне хочется средь овошей
Картофелиной быть.

А если посмотреть вокруг,
То здесь расклад такой –
Редиской стал один мой друг,
И хреном стал другой.

Я на одно имею вид,
Возможно, выйдет так –
С турнепсом сделаю гибрид
И стану пастернак.

ПОНТО-МИМО

*«Подруга, помнишь страсть в фонтане,
Где спущена была вода?
Сегодня с нашими понтами
Мы не полезли бы туда».*
Максим Лаврентьев

Подруга, помнишь о свиданье,
Когда, не отыскав кустов,
Мы утоляли страсть в фонтане
И там резвились без понтов?

А нынче – тягостно и пресно,
Мы стали хуже пуритан.
Да и понты – признаться честно,
У нас сегодня не фонтан.

Арий СМЕРНОВ**ИСПОВЕДЬ ПИИТА**

Поэты сгорают, как свечи,
А мне не пришлось рисковать:
Под мой человеческий вечер
Стал втихаря рифмовать.

Вот говорят повсюду:
Поэзия – страсть молодых.
Я же съем соли три пуда,
Чтобы прочли мой стих.

Похвалят – скажу спасибо,
Критику молча стерплю,
Стих сочиняю, ибо
Кайф от него ловлю.

Не набиваю карманы,
Стих – мой наркотик, бальзам.
Лечит поэзия раны,
Чего желаю и Вам.

Друг мой – поэт-аналитик,
Я же рублю сплеча.
И да простит меня критик –
Скоро мой вечный причал.

Луиза ВАЙНБЛАТ**МАНХЭТТЕН НЕ МОЙ**

Пусть другие поэты
воспевают Манхэттен,
Я признаюсь: Манхэттен не мой.
Неуютно всегда мне.

Тут холодные камни.
Этажи небоскрёбов – горой.
Здесь я, как лилипутка,
как пигмейка-малютка.

Мне тут тесно бывает всегда.
Пусть другие поэты
воспевают Манхэттен.
Я просторы люблю, господа!

Алла ГОЗУН**АНТИЭПИТАЛАМА**

Была любовь. – Прошла любовь.
Звонят колокола.
Теперь всё сам: стирай, готовь,
Посуду со стола

Сам убирай и сам же мой,
А можешь и не мыть,
И поздно вечером домой
Не страшно приходить.

И поздно вечером отчёт
Не надо отдавать,
Теперь тебе не страшен чёрт,
Теперь тебе в кровати

Не надо, как на эшафот,
Достоинно восходить:
Тут грудью, как фашистский дот,
– Не пробуй! – не закрыть.

Теперь свободен от оков,
А думал – никогда,
А думал – навсегда таков,
Вот так-то, господа.

И пусть ни дома, ни двора,
И даже ни кола –
Любовь прошла. Позавчера.
Звонят колокола...

Александр ДОЛИНОВ**БРАЙТОН БИЧ**

Меня мой Брайтон привечает,
Меня он радостно встречает,
Меня волна его качает
И говор веселит.

Он весь в прекрасных натюрмортах,
В сырах, хлебах, колбасах, тортах,
Все ходят в шубах, джинсах, шортах,
Он радость нам сулит.

Он полон русских ресторанов,
Где нет рабов и нет тиранов,
Там из коров и из баранов
Премного всяких блюд.

Там есть креветки, суши, крабы,
Евреи, русские, арабы,
Старушки, девочки и бабы,
И всякий прочий люд.

Там я бываю ежедневно,
Там на меня не смотрят гневно,
Там дружит с городом деревня,
Там любят мой акцент,

Там коренной американец
Не более, чем иностранец.
Русскоязычных горьких пьяниц
Там невелик процент.

Со всех сторон, из всех отверстий,
Москвы, Манхэттена, Нью-Джерси
Мы слышим массу разных версий,
Мол, Брайтон – то да сё.

Но я за снобов извиняюсь,
И я вам искренне признаюсь,
Что перед Брайтоном склоняюсь.
Ты, Брайтон – наше всё!!!

Ольга ТАРАСОВА**МОИ СТИХИ**

Я без общения скучаю...
Никто ко мне не забежит,
Не спросит, как я поживаю,
Пишу ль, читаю, что болит...

Но, впрочем, жалости подобна
Такая блажь. Невпроворот
По жизни дел душе голодной,
Чтоб только принесён был плод!

А дни бегут, бегут куда-то...
Успеешь замолить грехи,
Как искушенья снова рядом –
И снова я строчу стихи.

Надеюсь, что они кому-то
Ещё нужны, раз Бог даёт.
С постели встанешь ранним утром,
В работе мысль, строка идёт...

Тогда не скучно, уж поверьте,
Хоть дома сиднем целый день.
Стихи – мои друзья и дети,
И счастья мне они взамен.

Михаил БЛИТШТЕЙН

Царапины и трещины
На мебели у женщины.
И было, без сомнения,
Плохое настроение.

Она позвала мастера,
А мастером был я.
И стала эта женщина
С тех пор – Любовь моя.

Вот пролетели вещие
Почти пятнадцать лет...
Нас не волнуют трещины –
Меж нами трещин нет.

Сергей Шаманов

Родился в 1975 году в Одессе. Прозаик. Член ЮРСП. Лауреат областного литературного конкурса молодых литераторов (1997, Одесса), лауреат международного конкурса прозы «Алые Паруса» (2010, Одесса). Рассказы были опубликованы в Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение» (Одесса), в альманахах «Южная лира» (1997, 1998), «Дерибасовская – Ришельевская» (2003), в литературных журналах «Порог» (2008, Кировоград) «Дон» (2010, Ростовна-Дону), «Южное Сияние» (2011, Одесса), в коллективном сборнике «Пространство слова. Од. иа», в интернет-журналах «Авврополис», «Ликбез», «Великорось», «Гостиная» и др.

ДРУИД

почти святочная история длиною в год

В середине декабря в городе появились ёлочные базарчики. Свежесрубленные ели, сосны и пихты продавались прямо на улицах, в таких местах, где мимо них нельзя было пройти. Горожане замечали, что ёлочные базарчики появились в этом году слишком рано. Но они всегда появлялись именно в это время, просто год слишком быстро проходил.

Последние несколько лет Кирилл не покупал ни ёлок, ни сосен, хотя очень любил новогодние праздники. Он стал противником ежегодной бессмысленной вырубки хвойных деревьев, но в убеждённости своей оставался одинок и не мог повлиять ни на кого из друзей или родственников.

Наступление нового года он отпраздновал с друзьями. Это была обычная новогодняя вечеринка с праздничным столом и танцами возле разряженной ёлки. Втайне Кирилл получал удовольствие от украшенной лесной красавицы, к покупке и убийству которой не имел прямого отношения. Ночью, как по заказу, выпал первый снег, после двенадцатого удара курантов все выпили шампанского и побежали на улицу играть в снежки и запускать заготовленные петарды и ракеты.

Где-то в шестом часу утра закончили празднование и разошлись. Кирилл шёл домой, слушая скрип снега под ногами, и не верилось, что за ночь столько намело. Улица была безлюдной, и если бы не две дорожки следов на белом тротуаре, он бы подумал, что одинок в этой снежной пустыне.

Многие окна ещё светились, слышалась весёлая музыка. Взглянув на небо, Кирилл увидел, что оно прояснилось, в прозрачном морозном воздухе ярко сияла луна, а облака были густого молочного цвета, и ему подумалось, что новогоднее небо больше похоже на весеннее, чем на зимнее.

В середине пути он поравнялся с ёлочным базарчиком. В предновогодние дни он часто здесь проходил. Один раз, из любопытства, спросил, почём и откуда ели, но покупать их не собирался.

На базарчике всегда толпились люди, на ночь оставался охранник, но сейчас базар предстал перед ним покинутым, кругом валялись припорошенные снегом ёлки. Бери-выбирай любую; ёлок осталось так много, словно их собирались продавать ещё месяц.

Базарчик напоминал поле боя. Несколько стогов с соснами, елями, пихтами, собранные у подножия росших вдоль улицы могучих платанов и тополей, и хаотично лежащие на земле ёлочки, походившие на павших солдат. Кирилл оглядывался в поисках охранника, но, если охранник даже и остался где-то здесь на ночь, то, скорее всего, лежал после праздничных возлияний, как брошенные деревца, только в более тёплом месте.

Соблазн прихватить домой ёлку был велик, но совесть останавливала Кирилла. Нет, его смущало не то, что он украдёт ёлку, — хотя и это тоже... Не хотелось поступить по принципам. Он успокаивал себя тем, что деревья всё равно увезут на следующий день отсюда, и, в лучшем случае, используют в качестве топлива. К тому же, если взять ёлку сейчас, это не заставит торговцев вместо исчезнувшей ёлки заказывать ещё одну — ведь продажа их уже закончилась, и он своими деньгами не простимулирует ёлочных браконьеров.

Почувствовав уверенность в своей правоте, Кирилл поднял с земли пихту и, ударив стволом об землю, сбил с её веток снег. Пихта оказалась неказистой, с редкими асимметричными ветками. Он положил её на землю и взял другую. Ему хотелось взять пихту, которая простоит в квартире дольше, чем ель, и не засыплет ковёр иголками, но среди пихт не нашлось ни одной хорошенькой. Кирилл даже разозлился из-за этого на браконьеров; мало того, что они рубили деревья, так ещё и не думали, купит кто-то их или нет. Эти брошенные на базаре пихты вполне могли остаться в родном лесу и расти себе дальше...

Порывшись в хвойном стогу, он выбрал пушистую ель, и, озираясь, словно вор, понес её домой. Он шёл дворами, минуя круглосуточные магазинчики, возле которых в любое время дня и ночи крутился народ. С ёлкой, которую нужно наряжать к празднику, после того, как этот самый праздник уже закончился, чувствовал он себя неловко. Но ведь прошла всего одна ночь, впереди Рождество, да и ёлки у людей стоят до старого Нового года, а у некоторых — до февраля.

За ним никто не гнался, но чувство неловкости не покидало до самого дома. Он поднялся к себе, бросил ель в коридоре и пошёл спать.

Кириллу снились его друзья и другие гости. Они пили шампанское, танцевали в полумраке, освещаемом разноцветными огоньками ёлочной гирлянды. В тесном лифте спускались на улицу и, разбившись на команды, играли в снежки, запускали ракеты... В садике, возле детской площадки, Кирилл увидел росшую ёлочку. Во сне он быстро очутился возле неё, и так же быстро она оказалась в его руках, не пришлось рубить, пилить... Он нес её домой по заснеженной улице, которую освещали яркие утренние звёзды, куда-то подевался ёлочный базарчик — как дивно всё переплеталось во сне...

Проснувшись около полудня, Кирилл засомневался, что принес ёлочку домой на самом деле. Но хвойный запах ещё до того, как он нашёл в себе силы встать с постели, развеял сомнения. Ёлочка лежала в коридоре, там, где он её оставил — всё случилось наяву.

Кирилл установил деревце в гостиной возле окна и нарядил старыми игрушками — стеклянными золотыми шарами и оранжевыми шишками,

опоясал электрогирляндой... В его доме словно появился кто-то ещё – живой, но не способный общаться, и с этим существом он проводил большую часть свободного времени. На работу Кирилл выходил в дежурном режиме, и у него оставалось много времени, которое он проводил наедине с самим собой.

Он много читал и, переосмысливая прочитанные книги, часто сидел в темноте, глядя на посверкивающую огоньками ёлку. Казалось странным, что дерево, наделённое природой острыми иголками для самозащиты, волей случая пользовалось у людей популярностью в определённые дни, когда они праздновали день рождения своего Бога, и каждый год миллионы деревьев приносили в жертву. Сотни лет существовал этот обряд, придуманный не то Мартином Лютером, не то древними германцами, и каждый год погибали на земле огромные леса, и, попадая души деревьев в нижний мир – там бы уже давно разрослись непролазные леса.

Почему так беззащитны перед человеком были хвойные? Ведь природа порой очень изобретательна. Африканские акации, когда их начинают поедать жирафы, издают сигнал тревоги для соседних деревьев, и листья тех, даже на большом расстоянии, покрываются ядовитым токсином. Для такой эволюции требуются миллионы лет; и сколько ёлок падёт от рук человека, пока эти растения найдут способ защиты? Да и проживёт ли столько людской род, с размахом уничтожающий собственную планету? Кирилл не знал.

Так размышлял он в праздничные дни, лёжа возле ёлки. Прочитанные книги лежали на ковре, сложенные в ряд, словно карты для пасьянса, а маленькие жёлтые, красные, синие, зелёные огоньки гирлянды бегали взад и вперед по веткам наперегонки, гасли и снова вспыхивали, напоминая леденцы монпансье. Чувства Кирилла в полумраке обострялись. Однажды сквозь музыку он услышал слова: «За что? За что?». Слова боли и отчаяния звучали в его одинокой комнате, эхом отдаваясь в сердце. Он понял, что идут они из-под ёлки, из того места, где находился сруб. Поток непонятной энергии стоном выливался из ран дерева, метался по комнате, выходил наружу, в темноту зимней улицы, и устремлялся за город, в далёкий лес, где на кочке сиротливо возвышался маленький пенёк.

Мохнатое существо из леса в его комнате страдало. Страдало как живой, одушевлённый организм, смертельно раненое и нелепо украшенное убийцами... Кирилл в тот вечер заметил, что иголок под ёлкой стало больше, она начала осыпаться.

Совесть мучила его – как он поступил, танцуя и фотографируясь возле убитой сосны на новогодней вечеринке у друзей, правильно ли сделал, притащив домой ель? Ведь, если отказываться от чего-то, то надо действительно отказываться...

Он продолжал слушать музыку с этническими и григорианскими напевами, читать литературу про волхвов, про кельтских и славянских друидов, смотреть на переливы цветных огоньков, мечтая о том, как прикоснётся к запредельному знанию.

И однажды ему приснилось, что он стал ёлкой. Когда-то, давным-давно, он вырос от маленького семечка, попавшего в плодородную почву, удачно освещённую солнцем. С таким трудом он протискивался в землю нежные корни. Долго и упорно рос, треплемый ветрами, вытягиваясь над землёй...

Морозный, зимний вечер. Он стоит в окружении сестёр и братьев; и слышит вдруг, как останавливается машина, и к нему по снегу осторожно идут люди. Под звон топора падает первая ель – его молодая сестра, потом восьмилетний брат. Их жестоко рубят, во все стороны летят щепки. «За что, за что?» – кричат срубленные деревья, смола слёз покрывает их стволы...

Тяжёлый сон. Сон длиной с чужую, внезапно оборвавшуюся жизнь.

Ель продолжала осыпаться, и, осыпаясь в муках, кричать. Её отчаянный крик искал далёкий лес, в котором остался пенёк. Словно он, этот пенёк, мог вновь напоить её влагой и силой от вцепившихся в землю корней, влить в умирающее дерево живительную энергию...

В середине января он выкинул ёлку, пропылесосил от иголок пол. На память сохранил лишь маленький кусочек ели – тонкий спил ствола. Одна часть этого талисмана меньше месяца назад соприкасалась с пнём, тем самым пнём, который продолжал кричать в далёком лесу. Отчаянный крик не оставлял Кирилла в покое ни зимой, ни позже, когда наступила весна.

Всё свободное время он продолжал читать эзотерические книги, травники. Многие из написанного вызывало у него сомнения, кое-что он не мог понять, но постепенно пришёл к тому, что некоторые вещи открываются сами. Ведь то правдивое, истинное, что находил он в книгах, авторы брали не из других книг – они достигли своих знаний тем путём, который мог проделать и Кирилл.

Ближе к лету, когда природа расцветала, распускаясь, с ним произошли физические метаморфозы, которые сначала испугали Кирилла, потом озадачили медиков, к которым он обратился за помощью.

Руки Кирилла поначалу мучил сильный зуд, потом выпали волосы, а вместо них из пор вылезли зелёные иголочки. Лечащий врач сказал, что никакой мистики в этом нет, и виной все му клетки-паразиты. Подобные случаи, правда, очень редкие, известны медицине. Кирилл бросил работу, всё лето ходил на обследования. Очень быстро врачи выяснили, что выросшие на его теле иголочки – не растительного происхождения, и что он уже не совсем человек; при мутации изменился набор хромосом, и в теле Кирилла образовались новые клетки.

Иголочки легко выдёргивались из тела пинцетом, они были даже мягче, чем у обычной ели – как у можжевельника, и не причиняли боли.

Частенько он вспоминал то новогоднее утро, когда нёс домой ёлку. Он держал колючий ствол голыми руками, чтобы не запачкать смолой новые перчатки, и хорошо исколот ладони, хотя до крови не поранился. Когда он рассказал об этом докторам, один из них, микробиолог, сказал, что всему виной – желание иметь дома ёлочку. Но Кирилл с этим не соглашался, и всех поражало его спокойствие, отсутствие обречённости.

Кирилл искренне считал, что ему не о чем сокрушаться и не следует пенять на судьбу. Иголки не доставляли больших хлопот и являлись всего лишь одним из изменений, которые произошли с ним. Главное, о чём никто не знал: он научился слышать язык деревьев. Он выходил в санаторный парк и слышал, как переговариваются между собой сосенки и пушистые голубые ели на широкой прибрежной аллее, ведущей к тёплому морю, искрящемуся в ярких лучах летнего солнца. Во время горных прогулок он слышал голоса лиственниц, предупреждавших об опасностях на крутых тропах. В ботаническом саду подслушивал, как кедровые рассказывают сказки неугомонным белкам. Однажды, жарким днём можжевельник возле фонтана предложил ему посидеть в тени своих раскидистых ветвей. Нет, Кирилл не пенял на судьбу – растения не мстили ему за то, что он взял домой срубленную ёлочку. Зелёное царство приняло его.

Он недолго пробыл в санатории. Однажды, проснувшись рано утром, решил вернуться домой. Никого не предупреждая, собрал вещи и уехал на вокзал. По дороге ему звонили, но никто особо не настаивал на возвращении в санаторий.

Дома Кирилл сразу начал встречаться с друзьями; загорал на пляже, растянувшись на песке, читал книги. Каждый вечер, на закате, выходил прогуляться в парк – там он мог вдоволь наговориться с растениями.

Часто он задавался вопросом – не происходит ли у него раздвоение сознания, не рождаются ли слышимые им голоса деревьев в каком-нибудь отдалённом участке мозга. Он не мог дать однозначного ответа – находится ли он в плену иллюзии и как эта самая иллюзия противостоит реальности. Он хотел отыскать пенёк, оставшийся от новогодней ёлочки – если по голосу найдёт его и сопоставит оставшийся на память спил, то удостоверится в реальности голосов. Но летом пенёк кричал не так громко, да и сам Кирилл никак не мог собраться, чтобы выехать из города и отыскать его.

Кирилл рассказывал о голосах знакомым и родным. Зачем скрывать то, что происходит с ним, если он стал другим даже внешне...

Он вырывал иголочки из тела, но осенью перестал это делать, хотя именно осенью под тёплой одеждой иголочки доставляли наибольшее неудобство. На голове у него не осталось ни одного волоса, вместо них вырос зелёный ёжик иголок, ресницы поредили, но когда он хмурил колючие хвойные брови, тех не было видно.

Кирилл старался выходить на улицу после наступления сумерек, и его душа приветствовала осеннее сокращение светлых часов. В магазинах люди испуганно смотрели на человека-ель, и он выбирался туда ночью и ненавидел подходить к кассе, если перед ней стояла очередь. Иногда он просил сходить за покупками кого-нибудь из друзей или соседей, иногда заказывал доставку товаров через интернет. С первым похолоданием он с радостью нацепил на голову шапку, надел пальто. В тёмных очках он выглядел маниакально, один раз он даже выпихнул зелёные брови, заметив при этом, что вырывать иголочки становится тяжелее: они всё больше и больше врастали в тело.

Осень проходила. Как слёзы, падали листья засыпающих деревьев; в ноябре город притих, и до Кирилла снова начал доноситься плач осиротевшего пня.

«Надо поехать к нему», – думал про себя Кирилл.

В начале декабря вновь зазвучали крики срубленных хвойных деревьев, и с каждым днём нарастало печальное крещендо их предсмертных стонов.

Эти голоса... Они причиняли боль, словно его самого рубили.

Каждый день, снова и снова. Потом появились ёлочные базарчики, выраставшие в самых людных местах, и Кирилл не мог мимо них ходить. Словно рабы на невольничьем рынке, стояли по обе стороны тротуара лесные красавицы, которым бы ещё расти и расти...

Кирилл пытался предотвратить вырубку леса. Он связался с журналистами популярного городского канала и дал интервью, в котором поведал о вреде, причиняемом людьми природе. Он рассказывал о ежегодно уничтожаемых лесах, о фoniaщих пнях, чьи крики раздаются долгие годы после рубки леса... Сюжеты с ним мелькали на телеканалах, и он смог привлечь к себе внимание, но всё же наибольший интерес у людей вызывали колючки, выросшие на теле человека, называющего себя друидом.

Люди покупали ёлки и сосны, в лесах рубили новые деревья, и грузовые машины везли их в город. До праздников оставалось больше недели, но Кирилл думал, что намного раньше сойдёт с ума.

И однажды утром, после бессонной ночи, он оделся и поехал за город. Он вышел из автобуса, когда услышал, что крик пня остался позади. Водитель остановился на полпути между двумя сёлами, названия которых Кирилл тотчас забыл; ещё в дороге он заметил, что если раньше, путешествуя, он воспринимал леса, сады и луга как расстояние между населёнными пунктами, то теперь места поселения людей стали для него промежуточными отрезками пути, а леса, сады, и луга ныне воспринимались как огромные оазисы жизни.

Просёлочная дорога местами превращалась в болото, но она приближала его к цели, и Кирилл не обращал на такую мелочь внимания.

Пока он шёл, мимо проехало несколько машин, гружёных ёлками. Увидев лесопосадку, Кирилл сошёл с дороги, вышел к полю и остановился. Здесь – понял он, оглядываясь. Фoniaщий пень находился рядом.

Прислушавшись, он легко нашёл его. Не было нужды сопоставлять кусочек дерева со стволом, но крик пня при соприкосновении со спилом даже зазвучал тише.

Кирилл почувствовал, как болят ступни, словно ботинки стали малы, и разулся. Потом снял одежду, оставшись в чём мать родила, и широко раскинув руки, повернулся к дороге и далёкому селу. Он начал деревенеть – ноги уходили в землю, превращаясь в корни, тело, сопротивляясь холоду, покрывалось защитной корой. Холод не причинял ему боли, а тело изменялось, и к исходу ночи, когда огоньки сельских домиков в утренней лазурной дымке можно было принять за звёзды, он полностью превратился в хвойное дерево. Непонятное хвойное дерево с толстым стволом и двумя толстыми ветками, на концах которых маленькие ответвления усеяны были иголками.

Сознание жило в нём. Он помнил старых друзей, оставленную в городе квартиру. Он воспринимал окружающий мир, видел машины, проезжающие внизу на дороге, видел размеренно живущую деревушку, что подмигивала ему окнами, и, как руками, махала дымом из труб, слышал голоса деревьев, немало повидавших на своём веку. Он стоял, словно привязанный корнями к земле. Снег покрывал руки-ветви, проходили дни. Весной в его зелёных ладонях появились шишки. Ветер разносил пыльцу и семена, и через несколько лет в округе появились молодые хвойные деревья, напоминающие человека с распростёртыми руками.

Непонятные изменения происходили и со взрослыми деревьями – елями, соснами, пихтами: у них опадали ветки, иголки, и внешне они становились похожими всё на того же человека с распростёртыми руками. Но если молодые, ещё не переросшие траву растения, не привлекали внимания, то старые ели и сосны, внезапно лишившиеся, по мнению людей, присущей им красоты, вызывали тревогу. Все эти внешние изменения сопровождалась другой бедой – у людей участились случаи аллергии на хвою, и с каждым годом их количество росло с угрожающей быстротой. Аллерген имел одну особенность – он возникал только на срубленное дерево. За считанные годы хвойные деревья стали такими же опасными, как амброзия, и количество ёлок, продаваемых под Новый год, резко сократилось. Приграничные государства вводили карантин, но природу невозможно было остановить, и вскоре изменения распространились на весь континент. Хвойные меняли внешний облик, вырабатывали аллерген; природа словно для подстраховки – защищалась от людей двумя дополняющими друг друга способами.

Изменения хвойных начали фиксировать и за океаном. А небольшое, так похожее на человека, хвойное дерево, с которого всё началось, продолжало скромно расти в лесопосадке, глядя на огоньки ближайшего села и большие огни далёкого города. Оно стояло весной, купаясь в проливных дождях, стояло летом на испепеляющей жаре. Оно продолжало стоять осенью, когда жёлтые и багряные листья деревьев укрывали его ноги, а зимой оно стояло, не обращая внимания на снег и морозы, и ни оно, ни соседние ёлки и сосны не боялись, что с приближением праздников их жизнь в маленьком лесу внезапно оборвётся.

Татьяна Орбатова

Поэт, прозаик, член Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины (Южнорусский Союз писателей), член Национального Союза журналистов Украины. По окончании университета им. И.И. Мечникова работала в научно-исследовательской лаборатории. Работала в газетах, пробовала себя на поприще тележурналистики. За десять лет было напечатано более полутора тысяч статей на различные темы. Татьяна нередко публикуется в одесском альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». В 2004 году была издана книга рассказов «Пациенты планеты Земля», а в 2008 – поэтический сборник «Ты видел рыб над головами?».

Футуристическая ретроспектива (или вперёд в прошлое)

1.

Времени грива. Подлунный репейник
Смертью заласканных цивилизаций.
С цезарем новым – удобны кофейни,
Но опутим аромат имитаций.
Выпейте кофе ушедших событий –
С хлебом душистым и праведной солью.
Вместо Души не хотите ли Сбытьё?
Он – не страдает, бытует безвольно.

Сбытьё – не тень,
он покорству – опора,
трон – властелюбам,
гвоздик – забору,
гамлетам новым – он –
точный ответ.
Или ты – Сбытьё,
иль тебя нет.

2.

Конь вороной в квадразоне Малевича
Знает – досрочно не стать Человеком,
Если рождает среда обмелевичей,
Мысли ровняя, – от века до века.
Если на площади – мёртвы глаголы,
Но говорилини, как страхи, живучи,
Сбытни снуют, пусть по-прежнему, голы,
Стукольно кланяясь каждому дуче.
Дуче – не скучен.
Он всекоронован,
свет – капиталу,
сыру – ворона,
боль – для Души,
но для сбытней – ухожен – да,
дуче не круче Старого Роджера*

3.

В конском зрачке – со-волнение равных
Вновь утопает в больших переменах.
Вероподобие с вечностью плавно
Плавится чёрным раствором по венам –
Венам детей, иноверцев, изгоев.
Вместо Души не хотите ли Сбытьё?
Ген равнодушия вместо покоя?
Вместо «всё помнить» –
напрочь забыть и...

Были – навзрыд,
но будут – впрысдку,
были вразнос –
в расход поспешат.
Конский зрачок,
что пуля в «десятку»,
зорко нацелен,
ближе межа.

* В Ирландии и на севере Англии в средние века дьявола иногда называли Старым Роджером. Кроме того, в английском жаргоне того времени roger – мошенник, вор

Виктория Колтунова

Родилась в артистической семье, в г. Одессе. Окончила школу-студию киноактёра и Одесский госуниверситет. Отец, Г. Я. Колтунов – классик советской драматургии.

В 1990 г. открыла собственную фирму по производству документальных фильмов и 12 лет ею успешно руководила. В течение трёх лет вела борьбу за сохранение в Украине двух оставшихся непроданных киностудий художественных фильмов.

Является активным членом областного фонда борьбы с организованной преступностью «Захист». В качестве правозащитника ведёт в судах дела тех героев своих статей, которые лишены материальной возможности нанять адвоката.

В ночь под Рождество

Снег валил крупными хлопьями, прилипал к окну, и фонари на улице, сквозь пелену снега, казались мутно-жёлтыми, тёплыми и таинственными.

Мария заканчивала хлопотать у плиты, выставляя блюда на стол, накрывая их бумажным полотенцем, чтобы дети не увидели раньше времени и не схватили со стола понравившийся кусок. Детей у неё было трое, два мальчика и девочка. Мальчишки – погодки, а Сонечка родилась на два года позже младшего, Алёшки.

Стол у неё получался по-одесски обильным и вкусным. Хорошая хозяйка, она ещё с лета заготавливала на зиму закрутки и варенья, свежую вишню перетирала с сахаром, накладывала в банки икру из синеньких и туго закручивала крышки. Когда был жив муж, хоть и не очень любимый, но хороший, непьющий, скромный трудяга, к которому Мария была привязана всем сердцем, домашнее хозяйство доставляло ей больше удовольствия. Ей нравилось ждать мужа с работы, печь в духовке пирожки с капустой или картошкой, которые получались у неё получше уличных, помешивать половником густой борщ в кастрюле, вдыхая его сытный, уютный запах. Она предвкушала, как её Петя сядет за стол, опрокинет маленькую рюмочку водки и, аппетитно прихлебывая борщ, взглянет на неё, как всегда – с одобрением. Если бы кто-то сказал Марии, что у неё нет к нему любви, а только чувство супружеского долга и абсолютная, доходящая до самопожертвования преданность, она бы очень удивилась. Они поженились как-то тихо, как будто это само собой разумеется, сразу после окончания железнодорожного техникума, где вместе учились, и Пётр пошел работать на железную дорогу сцепщиком вагонов.

Сказал жене, чтоб сидела дома и растила детей, а на жизнь он сам заработает.

Всё это было раньше, а когда Сонечке исполнилось два месяца, Марии принесли страшную весть. Нужно было прицепить ещё один вагон, а поезд велели отправить по расписанию. Пётр решил: сцеплю, пока поезд медленно трогается, успею. Не успел. Хоронили его в закрытом гробу, так его измолотило.

После этого всю душу свою, которую раньше делила между Петром и детьми, Мария отдала детям. В них был свет и смысл её жизни. Железная дорога платила пенсию по потере кормильца, а так как Пётр погиб при исполнении, то на свести концы с концами как-то хватало. Но не больше.

Марии до сих пор было больно вспоминать, как к первому сентября, когда должна была пойти в школу Сонечка, у неё не хватило на пенал всего 25 копеек. Ребенка будут ругать в школе в первый же день, что у неё не всё в порядке. С первого дня станет в задний ряд, думала Мария, и у неё щемило сердце. Она пошла искать, у кого бы одолжить 25 копеек, и на улице вдруг увидела блеснувшую в пыли монету. Но это была случайность, которой могло и не представиться.

С тех пор мысли о том, как дать детям образование, поставить на ноги, не давали ей покоя. За спиной что-то зашуршало. Мария оглянулась и увидела, как в отверстии печной духовки мелькнула тёмная тень. Печка оставалась от старых времён, во всём доме было газовое отопление, но Мария не снесла печку, как сделали многие её соседи. Во-первых, печка напоминала о детстве, когда она, прижавшись к её тёплому боку, делала уроки за маленьким детским столиком. Во-вторых, квартира Марии была угловой, холодной, и когда в Одессе разыгрывались морозные зимы, Мария печку подтапливала. В другие дни там просто хранилась ненужная медная посуда.

Из-за печной заслонки торчал тонкий хвостик, и Мария инстинктивно

хлопнула заслонкой. Раздался визг. Заслонка крепко держала хвост. Мария с изумлением смотрела на него. Он был с кисточкой и гораздо крупнее того, что можно было бы ожидать от банальной мыши или даже крысы!

Не думая, руководимая одним только любопытством, Мария дёрнула за хвост и вытащила из духовки небольшое чёрное существо. У него была поросычья мордочка, тонкие ручки и ножки, на головёнке – рожки. На тельце, покрытом чёрным пухом, выделялся чуть отвисший животик, неожиданно розовый и нежный, он колебался в такт прерывистому дыханию существа. Неизвестно почему, но чётко определялось, что существо это женского, можно было даже сказать, девичьего пола.

Оно рванулось, желая сбежать, но Мария от удивления настолько крепко сжала в руке хвостик, что он даже слегка хрустнул.

– Пусти, твою мать! – Завизжало тонким голоском чёрное существо с розовым пузиком.

Это было так неожиданно, что Мария расхохоталась.

– А ты кто? – спросила она, сама уже догадываясь. – Чёрт, что ли?

Страху никакого Мария не чувствовала. В голове мелькало: да что ж плохого может случиться в такую Святую ночь?

– Не-а. Чертовка, девушка, – с гордостью заявило создание. – Ну-ка давай, пусти, а то такого тебе перца задам!

– Да что ты мне задашь, – спросила Мария, – если ты собственный хвост не можешь у меня из руки выдрать?

– Ночь такая, – огорченно выдохнула чертовка. – Мы, нечистая сила, сегодня не вполне в силе.

Мария задумчиво рассматривала неожиданную гостью.

– А я-то вообще думала, что вас нет, что это суеверие. А имя у тебя есть?

– Есть. Мавка я.

– Ну да! Мавки – это такие лесные девушки, они заманивают путников в глубь леса и губят. Это же народные предания, украинские сказки, а не на самом деле.

– Много ты понимаешь, – возмутилась Мавка. – Вот ты – Мария, так ты же не одна Мария. Мавка – это имя. Лесная девушка может зваться Мавкой, может зваться Разкой. Меня вот тоже Мавкой называли. Вы – люди, ничего в нас не понимаете и всегда всё путаете.

– А называли кто? Родители?

– Да, приёмные. У нас нет родных чертей-родителей. Наши родные отец и мать – люди, а потом старые черти берут народившегося чертенка на воспитание.

У Марии глаза стали круглыми от удивления. Мавка захихикала.

– Что, не ожидала? Сами нас, нечистую силу, и порождаете. Злитесь, ненавидите друг друга, чертхаетесь, вот из ваших мыслей и нарождаются всякие нечисти. Ну, это на ваш взгляд нечисти, а мы-то сами вам только благодарны, что плодите нас на каждом шагу. Так пустишь меня или нет?

– Конечно, нет. Сколько лет на свете прожила, а такое вижу в первый раз. И вот так взять и отпустить? Знаешь, как мне одиноко на свете? Хоть с тобой поговорю.

– Ну, хвост-то хоть отпусти, больно. Не уйду я, посижу с тобой маленько. Только я вот чего не пойму. У тебя ж трое детей, отчего ж

одинок? Они-то с тобой живут.

Мария вздохнула, отпустила Мавкин хвостик, хотела, было, помыть после него руки, но подумала, что Мавку это может обидеть. Вытерла руки фартуком, вроде бы они просто влажные, и села на табурет. Мавка уселась на печку, скрестив тонкие кривые ножки.

– Да что дети... Они только лет до пяти около мамки, а потом пытаются самостоятельными стать. А в 15, как мои Серёжка с Алёшкой, и вовсе из дому бегут. То у них дискотека, то к друзьям на видео, то в Интернет-кафе. Пока Сонечка около меня, а потом замуж выйдет и в семью мужа перейдёт. А я одна останусь век доживать. Вот и сейчас все убежали, а куда – и не сказали.

– Не пойму я, – отозвалась Мавка. – Да чего ж ты замуж второй раз не пойдёшь? Ты ведь и в свои 40 красавица. Ну, на ваш взгляд, конечно, на людской. У нас такие синие глаза и светлая кожа – признак вырождения.

– Сначала Петра не могла забыть. А потом, года через два встретился один. Звал замуж. Да только поставил мне условие, детей отдать в садик на круглосуточно, потом в школьный интернат. Богатый был, но из своих денег на моих детей и копейки потратить не хотел. Я его выгнала. И решила, пока не вырастут и думать не буду о замужестве. А сейчас как-то уж и всё равно стало. Привыкла я к женскому одиночеству.

Мавка подняла кверху свои чёрные ручки, потеряла ладошки и захихикала. Ладошки у неё тоже неожиданно оказались розовыми, как животик. – Незачем тебе привыкать, – сказала и снова хихикнула.

Мария недоумевающе уставилась на Мавку. Внезапно догадка осенила её.

– Ты что? Хочешь сказать... Ведь ты всё знаешь...

– Да, – ответила Мавка так важно, будто это от неё зависела Мариина судьба. – Будет тебе жених. Красивый, хороший, любить тебя будет. На руках носить. Вот через год посватается, и будешь ты счастлива.

– А дети? – вскрикнула Мария. – Детей моих он будет любить?

Мавка помрачнела. Сказала сухо.

– Детьми тебя обрадовать не могу. Не очень они у тебя удачливые. Соня выйдет замуж, через год её муж сопьётся. И её втянет. Станет она с ним алкашкой, а он бить её будет. Алёшка в армию пойдёт, там ему ногу в колене перебьют, и станет он инвалидом. Серёжка один и брата инвалида и сестру свою непутёвую на себе тащить будет. Из-за них и не женится никогда.

Мария остолбенела. Всё ей казалось, вырастут дети, и всё наладится. Оказывается, нет. Да и как она могла думать, образование-то сейчас платное, где она денег на него возьмёт? На три института? А без института, что за жизнь их ждёт, в наше-то время? Видно, такая судьба, что у отца их не удалась, что у отца!

Мавка сидела молча и сочувственно смотрела на Марию. Внезапно та упала перед Мавкой на колени.

– Христом-Богом прошу, или как тебя надо просить? Может Сатаной, а? Сделай так, чтобы дети мои были счастливы! Молю тебя, жизнь мою забирай, а сделай так, чтобы они были счастливы, сделай так, ведь ты можешь, я знаю!..

– Жизнь мне твоя не нужна. И душа тоже. Я не того ранга, чтобы душу забирать. Меня всего лишь школьник породил. Матюкнулся – и вот она, я.

Мария не слышала, билась на полу.

– Молю тебя, Мавка. Ведь ты можешь, я знаю!

Мавка подпёрла головку чёрными ручками, покачала ею.

– Встань, не шуми. Есть одно средство. Только жизнь твою я не возьму. Я красоту твою возьму и долю твою. С этой минуты ты станешь страшной, как болотная жаба. Жених твой, когда тебя увидит, прочь убежит. Ты ему противна будешь. А у детей твоих всё наладится. Серёжа бизнес откроет, станет богатым и уважаемым человеком. На свои деньги выучит брата и сестру. Все найдут себе достойные пары. И проживут свои жизни в достатке все трое. Согласна?

– Согласна, – выкрикнула Мария. – На всё согласна!

– Подожди, это ещё не всё. Самое главное условие – они тебя покинут. И забудут. Уйдут из дома и не вернутся к тебе никогда. Умирать будешь в полном одиночестве.

– Покинут? Но они же любят меня, не смогут они родную мать покинуть! Нет, Мавка, ты их не знаешь, тут твоей власти не хватит.

Забери красоту, забери мою долю, но детей-то оставь, как жить мне, не видя их, моих кровинушек?!

– Не могу, – коротко сказала Мавка. – Таков закон вселенной. Ежели, что где прибавится, в другом месте убавится. За всё надо платить. Это закон сохранения энергии, слышала? Так что – выбирай. Сейчас на то твоя воля.

Мария поднялась с колен, села на табурет и закрыла лицо руками. Мавка терпеливо ждала. Её розовый животик колыбался в такт дыханию. Прошло не менее получаса. Время приближалось к восьми. Уже должны были вернуться дети. – Хорошо, – глухо сказала Мария. – Согласна. На всё.

Мавка вскочила на печь, потянулась. Мария, как замороженная, подошла, стала перед ней.

Мавка провела по её лицу розовыми ладошками, словно стирая с её лица что-то, и забормотала. Марии стало душно, как от жары. Голова закружилась.

– Ну, вот и всё, – сказала Мавка. – Назад дороги нет. Прощай. А знаешь, жалко мне тебя, хоть нам, чертям, жалеть вас, людишек, не пристало. Это во мне что-то изменилось оттого, что я с тобой возилась слишком долго. Мама мне всегда говорила, что от людей надо держаться подальше. Сделать пакость и бежать. А ты меня на доброе дело раскрутила. Хотя, если на это посмотреть с чёртовой точки зрения...

Мавка вздохнула, махнула на прощание хвостом и исчезла в тёмной пасти духовки.

Мария пришла в себя, голова болела, но уже не кружилась. Вдруг ей показалось, что всё это ей приснилось. «Ночь под Рождество, – подумала она. – Волшебная ночь. Вот и мерещится всякое». Должно быть, она вздремнула на табурете. Устала-то как. Сейчас придут дети, с весёлыми возгласами, как всегда, усядутся за стол, будут есть, и наваливать её еду. Ничего не произошло, ей только померещилось.

Мария закончила приготовления к праздничному столу, вымыла руки, сняла фартук и надела нарядное платье. Время шло. Пробило восемь, никого не было.

Она решила накрасить губы и подошла к зеркалу. И закричала, громко, пронзительно. Из зеркала на неё смотрела глубокая старуха. Глаза ввалились и помутнели. От носа ко рту пролегли две глубокие борозды. Лоб и щёки были изборождены морщинами. Седые жёсткие патлы торчали во все стороны. Было странно видеть, как на молодом ещё теле высится дрожащая голова отвратительной, уродливой старой ведьмы.

Мария без сил опустилась на пол. В голове стучало: правда, так это всё было правдой! Затем пришла другая мысль: но если это так, значит, её дети будут счастливы, она недаром отдала свою долю. И тут же снова застучало – они покинут её, уйдут! А ведь ей только сорок, значит, сколько ещё доживать в одиночестве, прятаясь от людей. Увидеть бы их, только бы на минутку увидеть, а потом пусть уходят. Нет, нельзя, пусть запомнят её такой, какой она была!

Раздался телефонный звонок. Мария сняла трубку и не узнала голоса Серёжки, всегда такого ласкового с ней.

– Слышь, мама, – раздалось в трубке, на фоне развесёлой музыки. – Ты нас сегодня к ужину не жди, мы тут у Светки по полной отрываемся. Когда вернёмся, не знаю, ты там ужинай без нас.

Короткие гудки. Даже ответа не дождался. Долго Мария стояла у телефона, без слов, без мыслей в голове. Потом аккуратно выключила всюду свет, надела полубух и вышла во двор. Снег уже перестал идти, на всём лежала белая мягкая пелена, и было так тихо, как только бывает зимой, когда снег заглушает все звуки, а ночь царствует над землёй в своём холодном зимнем великолепии. В тёмно-синем высоком небе сияла одинокая звезда.

Мария опустилась в снег на колени, не отрывая взгляда от звезды, единственной своей подруги на всю будущую жизнь.

– Вифлеемская звезда, это она, – подумала Мария. Ладонями она вытирала слёзы, текущие из мутных старческих глаз. Протянула ладони к звезде. Внезапно ей показалось, что кто-то невидимый подхватил её под локоть, и ей стало тепло и безмятежно.

Глядя на звезду, она спокойно и уверенно зашептала слова молитвы:

Отче наш, иже еси на небесех,

Да святится имя Твое,

Да будет воля Твоя...

Неожиданная встреча или прикосновение к прошлому

Звонок от Владимира Мягкова раздался неожиданно. Как всегда, предельно ясно и лаконично он сообщил, что после проведения протокольных мероприятий, посвященных юбилею Российского Географического общества, в библиотеке имени Пушкина открывается доступ к новому циклу его картин, объединенных общим названием «Встречь солнцу». В них Художник решил воплотить свое видение образов людей, ставших первооткрывателями для России громадных Восточных территорий.

Мне повезло больше остальных – экспозиции этих работ я увидел раньше большинства. Вдвойне повезло тем, что Владимир разрешил первое публичное появление этого цикла в виде репродукций на страницах журнала «Интеллигент-Магадан Избранное», сигнальные номера которого по стечению обстоятельств были у него раньше, чем проходило это мероприятие. Журнал начал свое движение в сети и по миру, давая возможность прикоснуться к прошлому нашего непростого региона авторам и читателям в Америке, Англии, Германии, Новой Зеландии, Израиле, США, Бельгии, Испании и многих регионах России.

Я уже тогда поразились энергетике, исходящей от работ, хотя они и не давали реального портретного сходства с прототипами. Они стали настоящим украшением номера, давая реальное представление о потенциале художников Магадана, одаривая своей мощнейшей энергетикой весь номер.

И вот раздался этот звонок. Я расценил его по аналогии с приятным приглашением к старому другу, с целью провести вечер в кругу близких друзей за бутылочкой хорошего коньяка и беседах о чем-то приятном, добром, интересном, построении новых планов на жизнь и творчество. После таких встреч куда-то уходит череда житейских проблем, голова светлеет для чего-то нового и интересного. От таких предложений отказываться неприлично, посему оно было расценено как руководство к действию.

Оно было предпринято немедленно, то есть через несколько часов после звонка хмурый, небритый и усатый субъект, скрыв усы за защитной маской, вошел в помещение библиотеки. Сотрудница на вахте, глянув с недоверием на одинокого посетителя, разрешила войти в зал, где заканчивалось очередное мероприятие и два сотрудника выносили какую-то аппаратуру.

Я вошел в зал, где в ряд вдоль стены были выставлены большинство полотен этой серии, еще три стояли в некотором отдалении, ближе к подиуму. Как только закрылась дверь за библиотекарями, я оказался наедине с созданными Владимиром работами. Меня сразу накрыла не волна, а целый энергетический шторм, созданный вибрациями, исходящими от 12 картин.

Я медленно проходил вдоль большого ряда полотен, читал название, всматривался в лицо персонажа и другие, изображенные на них детали. В силу малого масштаба репродукций, я их просто не замечал раньше, и сейчас они становились для меня открытиями.

Буквально сразу же молнией в голове пронеслась догадка – я оказался в уникальной ситуации!!! Мало у кого появляется возможность знакомиться с работами, когда никто тебе не

мешает ни словом, ни действием. Ведь вся энергетика, идущая от картин, которая начинала ощущаться все сильнее, не распределяется на всех присутствующих, а концентрируется на одном зрителе, которым по счастливому стечению обстоятельств оказался я.

Я продолжал продвигаться вдоль экспозиции, останавливаясь возле каждой картины. Бестолковое и дилетантское желание понять, какими красками и в какой технике они выполнены, с позором направилось к широко известной в узких кругах гражданке, в силу бессмысленности его возникновения именно в этот момент. Нужно было ловить его и наслаждаться им, ведь он в любой момент может исчезнуть. Ведь, стоит открыться двери, и может войти кто-либо из сотрудников.

Пока нам никто не мешал общаться. Мы – это я, и образы людей, воплощенные стараниями Владимира. Когда находишься рядом с образами великих людей, приходит ощущение благодарности за те великие дела, которые были совершены их трудами. В этом случае, это именно так.

Я обошел все работы по кругу – впитывая в себя энергетику от образов Беринга, Стадухина, Москвитина, Хмивевского, Чирикова, Шпанберга и Линденау.

Ощущения от персонального общения с их энергетикой, исходящей от образов стоило запомнить и закрепить, и я не торопясь направился на еще один круг обхода картин. В это время в некоторых работах начинали открываться многие детали, создавая эффект присутствия. Всмотревшись более детально в картину, посвященную майору Павлуцкому, увидел в левом верхнем углу изображения чукотских воинов с луками. Когда уходил от нее, я почти физически ощутил спиной исходящую от них опасность, появилось желание прикрыть спину.

Я сделал еще два круга, обходя экспозицию, продолжая получать наслаждение от персонального знакомства с ней, сопровождаемый взглядами великих людей, образы которых создал Володя. Я физически ощущал и это.

Трех кругов ознакомления с картинами оказалось достаточно, чтобы получить от этого максимально возможное удовольствие. Передозировка вредна во всем и переполненный впечатлением, направился к выходу. Подойдя к двери, обернулся и в голове неожиданно возник не совсем серьезный, но, возможно, интересный образ.

Что нахожусь я сейчас в древнем городе Гижигинск, в одном из питейных заведений того времени, где за столами собирались погулять, поделиться пережитым и подумать о пока не сделанном, Великие Первооткрыватели Северо-Востока Азии, сделавшие его Российским.

Образ возник и погас, как звездочка на небосклоне, оставив свой след в сознании, дополняя впечатления, которые были получены мной после индивидуального ознакомления с новым циклом работ Владимира Мягкова.

PS. Кто сочтет написанное, как рекламу работ Владимира или приступ паранойи у автора этих строк, – ваше право. Рекомендации обратиться к психиатру не принимаются.

Сергей Малашко